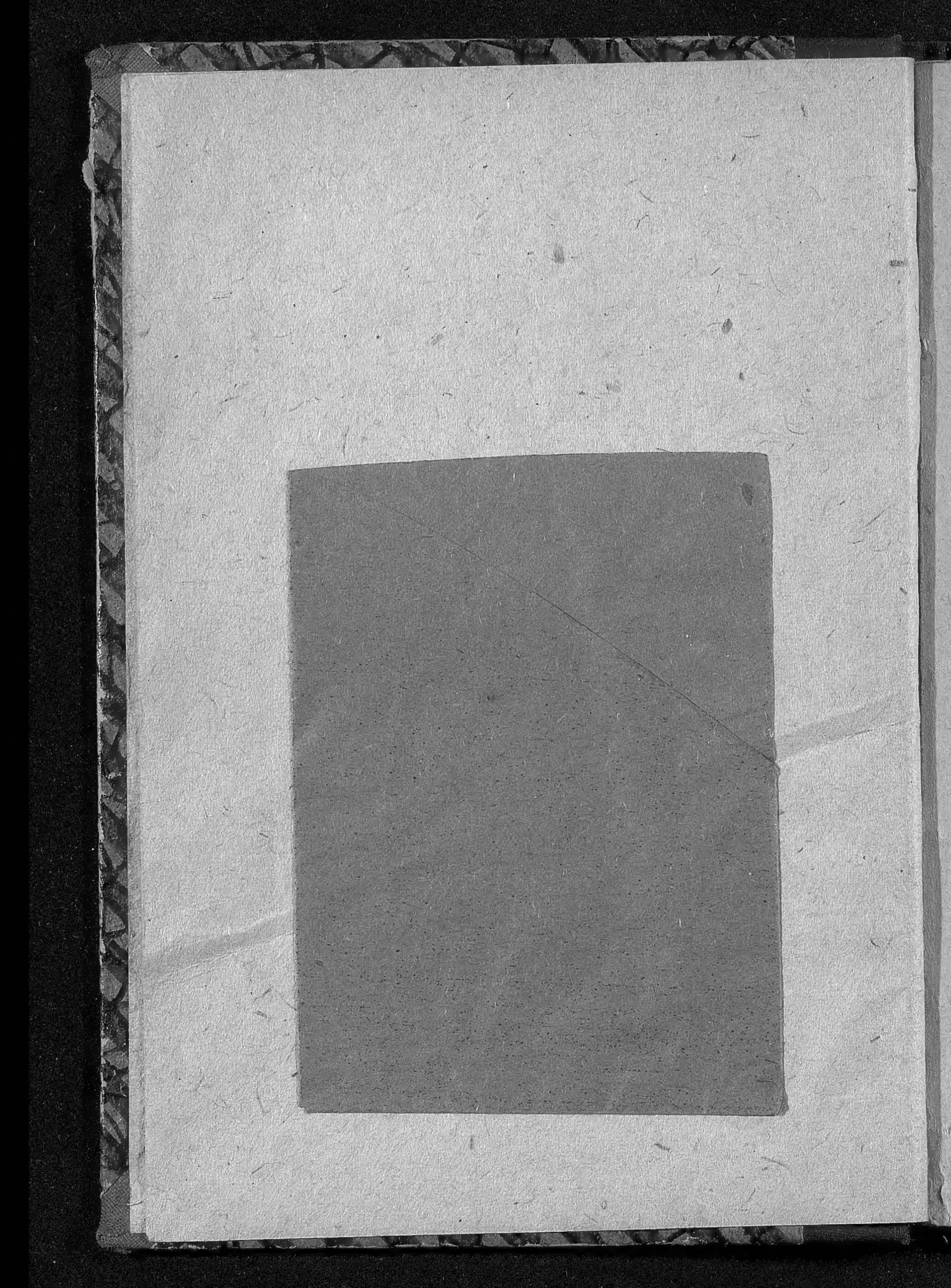
К. СТЮАРТ

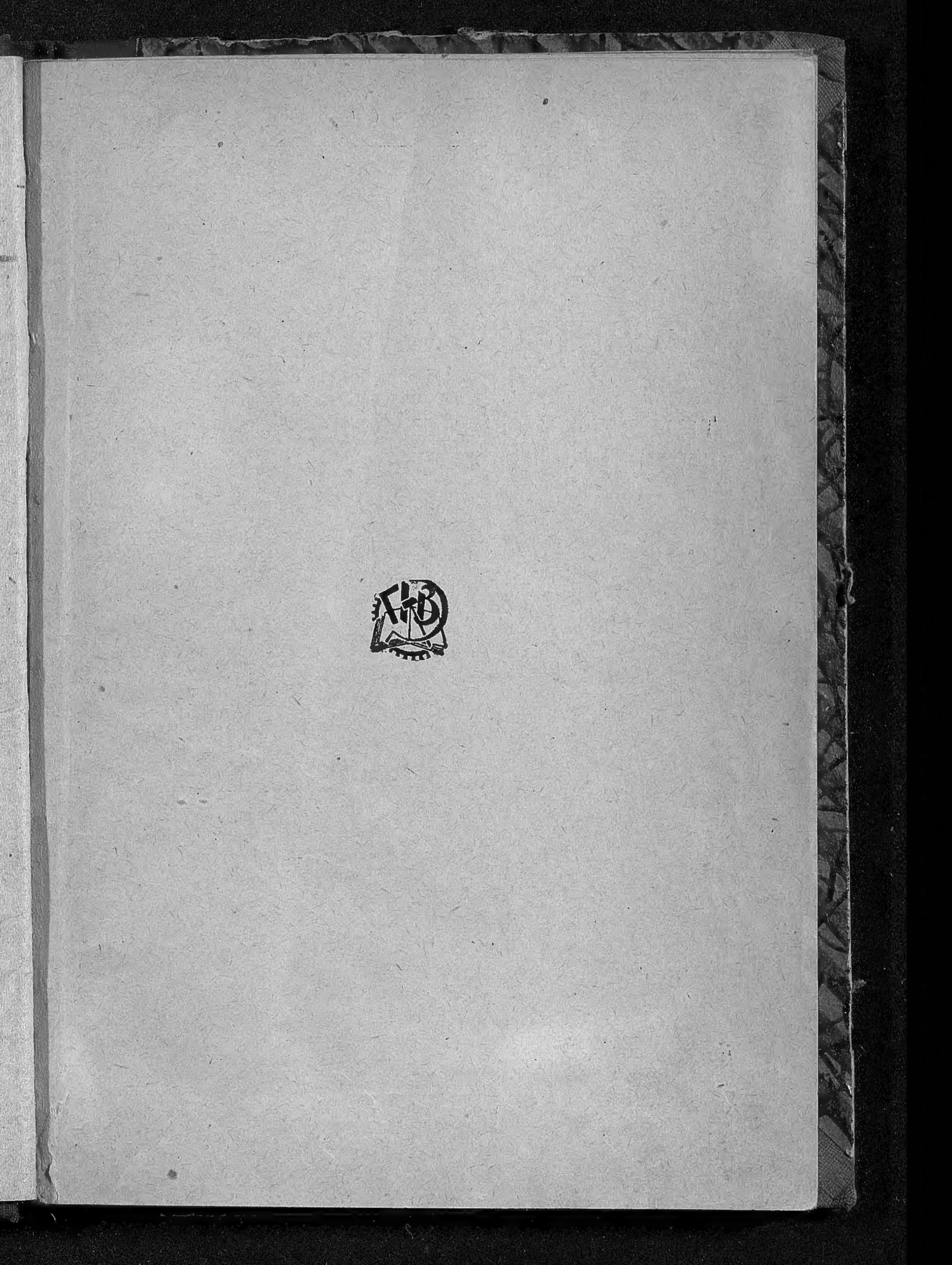
ТАЙНЫ ДОМА КРЮ

АНГЛИЙСКАЯ ПРОПАГАНДА
В МИРОВУЮ ВОЙНУ
1914—1918 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

SIR CAMPBELL STUART

SECRETS OF CREWE HOUSE

THE STORY OF A FAMOUS CAMPAIGN

LONDON 1920

К. СТЮАРТ

ТАЙНЫ ДОМА КРЮ

АНГЛИЙСКАЯ ПРОПАГАНДА В МИРОВУЮ ВОЙНУ 1914—1918 ГГ.

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Ф. БЛУМЕНТАЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий“, Москва,
Пименовская улица, д. 16.
Главлит № А — 15974.
В — 30/Гиз № А—26981.
Тираж 3000.

БУРЖУАЗНАЯ ПРОПАГАНДА НА ОПЫТЕ АНГЛИИ

(Вступительная статья)

В литературе и докладах неоднократно уже отмечалось, что изучение нами буржуазного опыта политической работы, связанной с военными задачами, имеет большое значение. Ценность этого изучения заключается как в получении материалов и сведений, разоблачающих принципы и методы буржуазной пропагандистской работы и в получении отсюда навыков борьбы против этой работы, так и в возможности кое-что использовать из этого опыта в нашей работе (в рамках и с оговорками, о которых ниже).

Возьмем, например, такой вопрос, как влияние на прессу и руководство ею буржуазным правительством какой-либо страны. Ложные сведения о противниках, изображение последних, как зверей, сообщения о поражениях врагов и блестящих победах «своих» войск, все это предстанет перед глазами читателей-рабочих и крестьян буржуазной страны совершенно в ином свете, если эти читатели будут знать буржуазную механику командования прессой. Следовательно, изучая практику буржуазного влияния на прессу (подкупом, цензурой, экономическими мерами, «идейным» воздействием), мы накапливаем конкретные факты, с которыми можем проводить разоблачительную работу, после которой ослабнет или даже совсем исчезнет вера читателей своим буржуазным и соглашательским газетам.

Или такой вопрос, как методы и способы работы в области техники и организации пропаганды (например, издательств, методов распространения и изготовления литературы)—тут есть многое, чему нам не мешает поучиться у наших классовых врагов.

Особенно богат буржуазный опыт политической работы в связи с войной и военными задачами в империалистическую войну 1914—1918 гг.

Это объясняется прежде всего теми военно-техническими и социально-экономическими особенностями, которыми данная война отличалась от предыдущих—массовостью, слиянием фронта и тыла, многочисленностью участвующих в войне стран, высоким уровнем техники и т. д.

Все это заставило буржуазию обратить особенно серьезное внимание на создание благоприятной для своей страны политической обстановки. Добивалась она этого прежде всего грандиозным по размаху применением политической работы в своей борьбе с противниками и внутри своей страны.

Для наших целей нам в первую очередь надо изучать буржуазный опыт той политической работы, которую буржуазия каждой страны осуществляла для ослабления политической крепости, единства, стойкости и выдержки населения и армии стран противника. Цель этой работы ясна—армию в политическом отношении поколебленной страны легче бить, такую страну легче заставить признать себя побежденной. Именно эта сторона политической работы буржуазии представляет для нас особенный интерес: ведь в будущей войне с нами буржуазия не преминет в десятки раз энергичнее применить свой прошлый опыт, чтобы попытаться поколебать наши ряды.

Настоящая книга для достижения этих целей чрезвычайно подходяща. Прежде всего ценно то, что она трактует об английской пропаганде. Германский и, тем более, русский или австрийский опыт не так ценен: ведь эти страны были в мировую войну с монархическим строем. «Просвещенная» английская буржуазия (хотя и с манекеном-королем во главе) умела очень тонко и хитро использовать все свои «демократические» привески и прикрасы. Это давало ей то преимущество, что ей удавалось более искусно и с бо́льшим успехом (в смысле влияния на рабочих и трудящихся) маскировать обман, лживость, фарисейство своих лозунгов войны, как войны «освободительной», за справедливость, за право угнетенных, за человечество, за демократию и прочее и прочее.

В будущей империалистической войне как против нас, так и в борьбе империалистических стран между собою буржуазии придется еще больше спекулировать на своих «демократических» доспехах и белилах—народ поумнел! После опыта мировой войны, при значительном росте пролетарской солидарности и революционности, а главное при наличии Советского союза, все труднее и труднее буржуазии гнать свои

массы на бойню; остается только играть на классовой несознательности, культивируемой оппортунистами.

Вот почему особенно интересен опыт Англии, тем более, что сейчас она является наиболее реакционной империалистской страной и застрельщицей в создании единого фронта борьбы против нас.

Интересным отражением этого опыта является настоящая книга. Мы сразу же предупреждаем читателя, что в ней немало фантастики и самохваления. Но, несмотря на это, она все же представляет значительный интерес.

Книга «Тайны Дома Крю»[1]) написана одним из основных руководителей и вдохновителей английской политической работы по разложению своих противников, К. Стюартом. Он был во время войны заместителем лорда Нортклиффа, директора Управления по пропаганде в неприятельских странах и председателем комитета при этом Управлении. Таким образом автор находился в центре всей работы, ее организации, выработки ее важнейших политических основ.

В своем предисловии[2]) к книге К. Стюарт пишет: «Многое интересное и даже драматичное никогда нельзя будет предать огласке, так как, быть может, многим лицам, оказавшим ценные и связанные с риском услуги, благодаря такому нарушению тайны, грозила бы опасность отомщения».

В книге Стюарта мы имеем достаточно подробное изложение организации, политических принципов, методов и техники проведения той работы, которую автор, как и целый ряд других буржуазных исследователей этого вопроса, называют кратко «пропагандой».

Конечно, «страшных» и сногсшибательных «тайн» в книге нет, и не столько потому, что автор боится «подвести» своих агентов и помощников, сколько из боязни выдать классовую тайну, классовую сущность своей работы. Вот почему читателю, вопервых, необходимо подходить ко всему изложенному автором критически, помня, что автор, описывая пропаганду, одновременно пропагандирует идеи ан-

[1]) Это название, как читатель увидит из текста, произошло от имени владельца (маркиза Крю) того дворца, в котором было размещено Управление для пропаганды в неприятельских странах. *Ред.*

[2]) Это предисловие, как и другие второстепенные места или повторения, в переводе выброшены. *Ф. Б.*

глийской буржуазии, во-вторых, читать между строк там, где автор не договаривает, затушевывает невыгодные для себя моменты.

Прежде всего об оценке своей пропаганды самим автором и говорящей его устами английской буржуазией. Если из существующей довольно обширной литературы [1]) разных (воевавших между собою) стран прочесть только эту книгу, то может создаться неправильное представление, будто и по размаху и по содержанию есть резкая разница в работе англичан и их союзников, с одной стороны, немцев и их союзников, с другой. Может показаться, будто немецкая и австрийская пропаганда была глупой, лживой, со страшно большим размахом, дорого стоящими агентурами, неограниченными средствами на подкупы, издательства и т. д., в то же время — безуспешной; с другой стороны, английская пропаганда была скромной, дешевой, правдивой и очень успешной. Но если прочесть немецкую литературу, то там говорится буквально то же самое: немцы были скромны, на пропаганду тратились сущие пустяки, размах был небольшой, но каждое слово действовало на неприятельских солдат, как «откровение», а вот англичане, французы, американцы действовали подкупом, подлогом, обманом, имели колоссальные средства и агентуры.

Вот чем объясняется, что К. Стюарт смакует ряд «свидетельств» немцев, подтверждающих успешность английской пропаганды и опровергает те утверждения, в которых немцы говорят о своей «скромных размеров» пропаганде.

Перейдем к разбору важнейших вопросов, рассматриваемых автором — о принципах, организации, методах, способах и технике английской пропаганды.

Что автор и вообще буржуазия подразумевают под «пропагандой»?

«Что такое пропаганда?» — спрашивает себя автор. Ответ таков: «Пропаганда состоит в представлении какого-нибудь положения так, что это оказывает должное воздействие на других». Коротко и ясно.

Значит ли это, что пропаганде, ее содержанию обязательно

[1]) В нашей книге «Буржуазная политработа в мировую войну 1914—1918 гг.» (Гиз, 1928 г.) приводится список такой литературы. Особенно рекомендуем: Людендорф, Ведение войны и политика; Шенемана, Искусство влияния на массы в САСШ.

соответствует объективная правда? Ни в коем случае. Вот как определяет пропаганду другой буржуазный исследователь, немец Фридрих Шенеман (в своей книге «Искусство влияния на массы в Соединенных штатах Америки»):

«Вопрос об «абсолютной» или чистой правде в пропаганде такой же праздный, как старый знакомый вопрос—сколько ангелов могут танцовать на острие иглы. Мы должны выступать с нашей правдой».

А еще откровеннее говорится о пропаганде в «Британской энциклопедии»:

«Отличительная черта пропаганды—безразличие к правде. Правда ценна лишь постольку, поскольку она может оказывать желаемое воздействие. Полная правда была бы вообще излишней и приводила бы к ошибкам».

Нечего говорить о том, какая неизмеримая разница в основе нашей и буржуазной пропаганды. И наша и «их» правда—классовые. Но если нам не нужно лжи, если мы оперируем объективной правдой, то буржуазии, для того чтобы удержать массы в своих руках, для защиты своих интересов и идей нужна ложь, маскировка демократическими лозунгами. Буржуазия доходит, как мы видим, в своей наглости до возведения в принцип и добродетель лживого, неправдивого содержания своей пропаганды.

Этого придерживается и К. Стюарт. Он, не стесняясь, говорит о тех методах обмана и подделки, которыми он пользовался.

Конечно, бьющие в глаза лживые сообщения могли бы только повредить делу.

Вот как он об этом говорит:

«Первостепенное правило пропаганды—это: пользование только правдоподобными утверждениями. Вовторых, не следует пользоваться противоречащими друг другу доводами».

Это замечательно! Объективная, действительная правда сообщений, телеграмм, листовок очень мало интересует автора. Но важно, чтобы эти сообщения, телеграммы, листовки говорили о вещах, которым могут поверить и вздорность которых никого не оттолкнет. Так, например, когда описывались «немецкие зверства в Бельгии», то приводились имена деревушек, крестьянских парней (с поименным переименованием), которых немцы пристреливали шутки ради. Этому

верили, потому что изображалось это правдоподобно. Существовали ли такие деревушки и поименованные парни—кто докажет, что нет? Кто сможет (из обывателей или солдат, или солдат на фронте) установить, что такой деревушки и в помине нет?

Другое дело, когда сообщают, что немцы топят жир убитых на фронте солдат на мыло, на еду. Если бы даже и был такой случай, это настолько неправдоподобно, что не стоит прибегать к таким методам.

А главное, чтобы не было «противоречащих друг другу доводов». А такие ошибки делались. Одна газета пишет, что обязательно нужно итти в добровольцы потому, что немцы при последнем издыхании—еще последний напор и победа обеспечена. Другая газета пишет, что обязательно нужно итти в добровольцы потому, что немцы упорны, как дьяволы, и готовы бороться много лет—чем сильнее «мы» будем, тем реальнее возможность сократить предстоящие годы борьбы.

Стюарту безразлично, какая из этих двух газет ближе к истине—и то и другое правдоподобно, но беспочвенно благодаря противоречивости.

Автор с самого начала оговаривается, что пропаганда—дело тонкое и щепетильное:

«В той стадии своего развития, которой она достигла в конце войны, пропаганда являлась, несомненно, новым и могучим орудием ведения войны. Поэтому следует пользоваться пропагандой осмотрительно и осторожно, так как в противном случае она подействует скорее разрушительно, чем созидательно, и оттолкнет того, кого она должна была завлечь».

Вот почему «необходима определенная система пропаганды». Это в свою очередь предполагает установление последовательных методов работы, которая требует широкого знания фактов и развития политического, военного и экономического положения, а также знакомства с настроением в рядах неприятеля.

Перейдем к рассмотрению принципов, на которых английская буржуазия строила свою пропаганду.

Автор устанавливает весьма важное условие, при котором пропаганда будет успешной и плодотворной—это ясность, чего хочет руководитель пропаганды, какая цель ставится ей в том или ином случае.

«Пропаганда, в собственном значении этого слова, может быть начата только после установления определенной программы, не ранее».

Практически это выражалось в том, что каждый шаг в пропаганде исходил и сверялся с замыслами и требованиями правительства. Это было нетрудно соблюсти, ибо организация лорда Нортклиффа была частью государственного аппарата и находилась в теснейшей связи с премьером, министерствами иностранных и военных дел; во главе аппарата и его сотрудниками были люди господствующей группы буржуазии; наконец, каждый шаг получал специальную санкцию правительства.

В книге это изложено достаточно выпукло. Конечно, главной линией пропаганды Дома Крю было—соблюдение интересов английской буржуазии, как главной линией французской пропаганды было соблюдение интересов французских капиталистов и так далее [1]). Но было бы опасно союзникам не согласовывать своей пропаганды. Это ограничение было необходимо и сказывалось тем более, чем зависимее был тот или иной «союзник» от других (например Италия, о чем см. ниже). Но все же основной критерий был интерес данной страны.

Все избиравшиеся лозунги и основные положения пропаганды исходили не из отвлеченной, «принципиальной» и соблюдавшей свою чистоту программы, а исключительно считались с практической целесообразностью, поскольку последнее не выходило за рамки сохранения буржуазных устоев.

Очень характерным в этом смысле является национальный вопрос, «разрешение» которого нашло свое отражение в английской пропаганде по отношению к Австро-Венгрии.

Англия, эта классическая душительница колониальных народов, вступает в войну в роли борца за свободу угнетенных народов лоскутной Австро-Венгрии! Что это—братская любовь к действительно угнетаемым народам? Конечно, ни-

1) Вопросы политики пропаганды коалиции, столь тесно увязанные с вопросами ее общей политики, находят свое отражение труде: Эмилиен, Коалиционная война (Гиз, 1928).

Здесь же задет вопрос пропаганды в союзных странах, пропаганды гегемона коалиции в опекаемых им странах-союзниках. Конечно, в этом труде и не упоминается слово «пропаганда», но основные линии ее намечены с плохо завуалированным цинизмом. *Ред.*

чего подобного! «Борьба за освобождение угнетенных наций» — только средство, только пропагандистский трюк для более успешной борьбы на австрийском фронте, для скорейшего поражения Австро-Венгрии.

Этот «освободительный» лозунг совсем не составляет для Англии принципиального вопроса. Обращаясь к премьер-министру за получением директив по пропаганде в Австро-Венгрии, лорд Нортклифф цинично предлагает два одинаково ценных пути, по которым должна итти пропаганда:

Или «добиваться заключения сепаратного мира с императором, двором и дворянством при условии невмешательства в династические вопросы дома Габсбургов [1]) и почти или совсем не касаясь принадлежащих ему прерогатив»;

Или «попытка сломить мощь Австро-Венгрии, как слабейшего члена союза неприятельских держав, поддержкой и поощрением всех антигермански настроенных и симпатизирующих Антанте народов и их стремлений».

Разбирая оба пути, Нортклифф высказывается за второй путь (дело происходит в 1918 году).

Почему? Может быть потому, что «демократической» Англии не хочется и не к лицу «пачкаться» дружбой с монархической Австро-Венгрией? Может быть потому, что «свободная» Англия горит желанием помочь угнетенным народам двуединой империи? Что-то не вяжется это ни с якшанием с правительством русского монарха, под высокой рукой которого гибло, вымирало, гнило в рабстве, грязи и темноте более ста угнетенных народностей, ни с национальным угнетением в Ирландии, Китае, Индии, Африке и т. д.

Дело, конечно, не в желании сохранить принципиальную чистоту. И первое, и второе, и сто других средств хороши, если они, не выходя за рамки буржуазных основ «государственности», дадут свои положительные результаты.

Причина отказа от первого пути (поддержать заживо разлагающегося Франца-Иосифа и его династию ценою отказа от поддержки Германии) та, что путь этот был уже испробован в первые годы войны, но реальных результатов не дал.

Нортклифф это объясняет так: «Первый метод был уже безуспешно испытан. У Габсбургов нет свободы действия, у них нехватает сил отпасть от Германии, если бы даже

[1]) Династия Австро-Венгрии. *Ф. Б.*

они этого захотели, так как они 1) контролируются благодаря внутренней структуре их государства (Австро-Венгрии), которая дает Германии решающий рычаг в лице немцев в Австрии и мадьяр в Венгрии, и 2) так как союзники не могут предложить австрийцам приемлемые условия мира, не порывая с Италией».

И с 1918 года все силы Англии направились на игру и спекуляцию на стремлении угнетенных наций Австро-Венгрии к своему освобождению.

Как это делалось?

Самым большим препятствием служила политика Италии, которая не только не заботилась о национальном раскрепощении народов Австро-Венгрии, но, наоборот, мечтала о разгроме Австро-Венгрии, как о пути к захвату целой большой области в свои руки; а область эта была населена теми национальностями (югославянами), которым решительно было безразлично, кто их угнетает—австрийский ли император, или итальянский король.

Автор так говорит об этих препятствиях: все мероприятия Англии (пропагандистского порядка), рассчитанные на «поощрение населения угнетенных наций воевать на стороне центральных держав, проводились совершенно открыто за исключением Югославии, где препятствием являлся тайный Лондонский договор от апреля 1915 года. В начале 1918 года лишь немногие себе ясно представляли, какие трудности возникли благодаря этому... Значение этой проблемы (адриатический вопрос) для пропаганды заключается в том, что согласно названному договору Великобритания, Франция и Россия [1]) обещали Италии определенные части австрийской территории, населенные южными славянами... Пока Лондонский договор в глазах южных славян представлял политику союзников, было трудно убедить их в том, что симпатии союзников на их стороне».

Нортклифф ставит себе и своему управлению категорическую задачу устранить это важное препятствие, которое может нарушить стройность задуманного широкого обмана угнетенных народов, ибо речь идет только об обмане. Нортклиффа интересует этот вопрос не с точки зрения помощи и защиты югославян от поползновений итальянских империали-

1) Речь идет о царской России. *Ф. Б.*

стов, а исключительно с точки зрения сохранения благоприятной обстановки—он стремится любой ценой и средствами замазать этот досадный «прорыв». Его интересует «в о з м о ж н о с т ь и з в л е ч ь д л я с е б я п о л ь з у и з а н т и г а б с б у р г с к и х и а н т и г е р м а н с к и х н а с т р о е н и й у г н е т е н н ы х н а р о д н о с т е й д в у е д и н о й м о н а р х и и».

И по инициативе Нортклиффа (который с точки зрения пропаганды сильнее чувствовал создавшееся неблагоприятное положение для английской пропаганды) принимается ряд мер, чтобы хотя бы на время, для видимости, заштопать прореху [1]): «С целью создания противоядия против названного тайного договора представители сербов, кроатов и славян во главе с представителем югославянского комитета Трумбичем и сербским премьер-министром Пашичем собрались в Корфу, и 20 июня 1917 года опубликовали декларацию югославянского союза». С другой стороны, под нажимом агентов Нортклиффа (Стида и Уатсона) оказывается нажим на итальянское правительство, в результате чего объявляется ни к чему не обязывающее итальянцев постановление в виде «соглашения» со славянскими организациями... Цель достигается—недоверие народов рассеивается, пропаганда начинает действовать успешнее.

Таким образом, на этом примере совершенно ясно, что о с н о в н о й л о з у н г а н г л и й с к о й п р о п а г а н д ы в Австро-Венгрии—лозунг освобождения угнетенных народов— т р ю к, с п о с о б ослабить Австро-Венгрию, играя на доверии угнетенных наций, жонглируя «свободолюбивыми», «демократическими» принципами.

Автор не пишет (повидимому, невыгодно!), какую колоссальную предательскую роль сыграли в этом вопросе, как и во всей политике своей буржуазии, социалисты. Делая вид, или наивно веря в искренность буржуазии, социалисты Англии и Франции поддерживали буржуазию, тем самым поддерживая в угнетенных народах веру в лживые «освободительные» лозунги союзников.

Совершенно такую же роль играла и на таких же принципах строилась пропаганда Нортклиффа в Германии. Там с «похвальной» практичностью и знанием своих преимуществ Нортклифф бьет по другому слабому месту. Получив дирек-

[1]) Этот вопрос очень интересен, как пример тесного переплетения пропаганды с дипломатической работой. *Ф. Б.*

тиву—заказ от премьер-министра («я уверен, что можно многое сделать, чтобы разложить дух германских войск теми же способами, которые, как мне кажется, мы с таким большим успехом уже применяли в австро-венгерской армии»), Нортклифф берется энергично за работу.

Первая его мысль: в чем слабое, больное место Германии, по которому надо бить пропагандистской работой? Это «слабое» место он видел в страхе за свою жизнь и жизнь семьи, терпевшей голод и нужду без перспектив на скорое окончание войны. Это «слабое» место он видел в революционных традициях рабочего класса, который под влиянием затянувшейся войны, бессмысленности колоссальных человеческих жертв, стряхивал с себя угар и дурман первых месяцев и лет войны.

Отсюда—и линия пропаганды. Надо углублять, поощрять недовольство неприятельских солдат своими правителями. Надо доказать, «что прочному миру с неприятельскими нациями мешают только разбойнические намерения господствующих наций и военной и хозяйственной касты, что союзники не имеют намерения уничтожать какой-либо народ, но намерены обеспечить свободу всех на основе самоопределения». Надо доказать, что «переворот в Германии необходим не только в интересах союзников, но и в интересах самого германского народа, и является главной военной целью союзников».

Таким образом удар наносится по основному «устою» боеспособности Германии—по «гражданскому миру», по затихшей с благословения немецкой социал-демократии классовой борьбе.

Конечно, не «любовь» и забота о свободе рабочих Германии диктуют Англии эту линию. Основная цель пропаганды—«ослабление способности неприятеля к ведению войны и достижению победы», укрепление «всякой оппозиции в Германии».

Особенно откровенно (ибо это менее опасно) велась эта работа среди военнопленных немецких солдат. Тут английская пропаганда без боязни выступала в «демократических», «социалистических» одеяниях: «Первой необходимостью было искоренение враждебных идей милитаризма, если последний у пленных еще сохранил какие-либо иллюзии, которых их собственный опыт еще не смог подорвать. После этого военнопленным была бы внушена мысль о превосходстве демокра-

тического образа правления». Делалось это для того, чтобы через пленных (через их письма) повлиять на страну. И, чтобы разрешить эту задачу, пленным давали читать такую литературу, которой не допускали в ряды своих солдат и рабочих под страхом каторги; тут были и письма Карла Либкнехта, и социалистические газеты из Германии и т. д.

Цель ясна—расшатать государственные «устои», чтобы легче победить. Несомненно, «дух», которого отчасти Англия вызвала своей работой, оказался страшнее, чем этого хотели англичане. Они ведь только мечтали о «мирном» перевороте, в чисто буржуазных рамках. Но, во всяком случае, расчет Англии на спекуляцию ложно-демократической позолотой оправдался. Англии нетрудно было выставлять напоказ перед малосознательными трудящимися свои политические преимущества перед кайзерской, юнкерской Германией.

Другим «слабым» местом, как мы указывали, был страх, утомление войной, боязнь еще большего голода, нужды и кровопролития. Отсюда—в пропаганде используются сведения о продовольственных затруднениях, скрываемых германским правительством (эти затруднения преувеличиваются), распространяются сведения (на схемах, в диаграммах) о колоссальных приготовлениях Америки, о ее армии и технике, солдат-немцев убеждают, что они стоят «перед решительной и незыблемой волей союзников продолжать войну», что «мы готовы продолжать беспощадную блокаду» и т. д. «Немецкого солдата убеждали подумать, стоит ли рисковать своей жизнью, если ему не за что воевать, и ему внушалось, что лучше было бы бежать, возвратиться к себе домой и позаботиться о безопасности его семьи».

Вот те основные линии, по которым строилась пропаганда Англии по отношению к своим противникам. Эти линии—использование «демократических» лозунгов, использование «национально-освободительных» лозунгов, поддержка всякой оппозиции (в рамках буржуазного строя) в странах врагов, использование голода, изнурения, блокады стран противников, единство дипломатии и пропаганды, единство политики союзников.

Кроме рассмотрения принципиальных основ пропаганды, книга Стюарта дает ряд конкретных сведений об организации всего дела пропаганды.

Прежде всего автор дает два немаловажных организационных совета. Вопервых, надо так строить и проводить про-

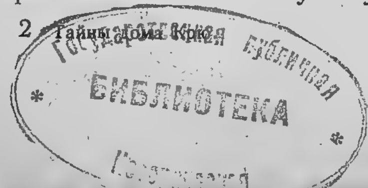
паганду, чтобы пропагандируемый не чувствовал, что вот данное лицо или эта листовка имеет специальную цель—привлечь на свою сторону. Совет немаловажный—лучшая пропаганда та, при которой «объект» не чувствует, что его «обрабатывают»: «Поскольку пропаганда направлена против неприятеля, постольку действия лица, осуществляющего пропаганду, не должны казаться пропагандистскими».

Вовторых, необходимо скрывать, откуда исходит пропаганда, кто ее проводит, через кого она идет: «За редкими исключениями, вызываемыми особыми обстоятельствами, происхождение пропаганды должно быть тщательно завуалировано, и, как общее правило, желательно также сохранять в тайне связи».

Автор не говорит прямо, что ошибка всех воевавших стран, в том числе и Англии, заключается в том, что до войны не велось подготовительной работы к пропаганде во время войны. Эту ошибку он вскрывает на примере Германии и приводит слова германского профессора Лампрехта: «Самоуверенность (у немцев) была велика, но отсутствовал опыт, и думали, что Германское дело можно защищать без подготовки. Чего не доставало—это организации».

В описании организации и системы работы Управления Нортклиффа заслуживают особенного внимания некоторые подробности, имевшие большое значение для успеха пропаганды. Автор подчеркивает, что фигура Нортклиффа, как организатора и руководителя пропаганды в неприятельских странах, неслучайна: «Само имя Нортклиффа представляло собою авторитет для пропаганды в неприятельских странах. Никто лучше немцев не знал, с каким старанием и упорством лорд Нортклифф взялся расшевелить британскую нацию и указать ей на широту и военные приготовления германского милитаризма».

Нортклифф уделил большое внимание подбору личного состава своего Управления—в его состав и в состав работавшего при нем комитета вошли люди с большим государственным и общественным весом и люди, хорошо знающие страны противников. Так, например, одним из активных работников по австрийскому сектору был человек, бывший 11 лет корреспондентом от английских газет в Австрии. В подборе членов комитета чувствуется большая продуманность—

тут и военные работники и представители печати, издательств и телеграфных агентств, тут и «демократия» в лице членов парламента, тут и представители «свободной» интеллигенции в лице писателя Уэльса.

Управление делилось на два основных отдела (по существу работы): «один для изготовления, другой для распространения пропагандистской литературы». Первый отдел работал, имея подотделы по основным «объектам» своей работы (германский, австро-венгерский и болгарский).

Очень важным и заслуживающим нашего внимания является организация связи и совместной работы Нортклиффа с «представителями» угнетенных народов. Какую роль выполняли эти связи? Автор отвечает: «По настоянию Стида [1]) выделены были в названный комитет [2]) в качестве членов представители угнетенных народностей по одному от каждой... Проведение кампании потребовало в дальнейшем сохранения втечение всего 1918 года тесной связи с различными национальными организациями; эти организации имели возможность нести осведомительную службу как в интересах названных народностей, так и в интересах союзников».

Вообще делу использования и организации «частных» связей, агентур, «секретных путей» уделялось много внимания и сил, имея для этого в составе Управления специальную организацию с некиим Гестом во главе: «Заслугой Геста является устройство и функционирование агентур, при посредстве которых изготовлялась и ввозилась контрабандным путем в Германию и Австро-Венгрию пропагандистская литература». Одним из способов использования «связей» и «путей» являлась работа в формах и через лиц «нейтральных» стран и даже через влияние и прямой подкуп корреспондентов и газет неприятельских стран.

Управление Нортклиффа, являвшееся открыто государственным органом, в то же время пыталось и стремилось для большей успешности работы и авторитетности играть роль общественной организации. В частности поэтому, а главное для тесной увязки с военными событиями, предпринимаемыми новыми операциями, и со всей государственной

[1]) Руководитель английской пропагандистской миссии в Италии. *Ф. Б.*

[2]) Комитет по пропаганде — при итальянской главной квартире. *Ф. Б.*

политикой, при Управлении существовал специальный институт прикомандированных офицеров и лиц от основных заинтересованных министерств и учреждений, в первую очередь от министерств иностранных и военных дел.

Но основную связь с государственной политикой и дипломатией поддерживал сам Нортклифф, сносясь непосредственно с премьер-министром. Порядок был таков: при очередной большой кампании Нортклифф писал премьеру свои «соображения» о предполагаемой линии, тактике и содержании пропаганды в данной стране. В ответ на эти «соображения» Нортклифф получал санкционирующее их письмо с коррективами и дополнительными указаниями.

Таковы основные организационные вопросы работы Нортклиффа. Обращаем внимание читателя на подчеркнутое автором благоприятное, «любезное» отношение к Управлению всех министерств и даже финансовых органов, от которых «не было никогда отказа или промедления... если речь шла о расходе, связанном с пропагандой против неприятеля». Это свидетельствует о том, что к 1918 году авторитет подобной организации был очень высок, что английские «государственные мужи» знали цену пропаганде.

В заключение, по вопросу об организационной стороне пропаганды, следует отметить еще два интересных момента. Нортклифф стремился объединить, централизовать руководство пропагандистской деятельности всех союзников. Это объясняется, понятно, не только стремлением к единству пропаганды, но главным образом желанием захватить в свои руки и диктовать свою волю всем союзническим пропагандистским организациям. Это стремление не лишено значения и для оценки организации пропаганды в будущей войне.

Опыт пропаганды в мировую войну подвел автора и Нортклиффа к одной очень важной проблеме—как воздействовать на противника не только в целом, впродолжение всей войны, но и в отдельной операции и кампании. Автор вплотную подходит к вопросу об обеспечении операции средствами пропаганды. Оценивая задержку и ослабление наступления австрийцев на реке Пиаве (на итальянском фронте) как следствие пропаганды (для австрийцев «стало необходимым применение пулеметных отделений, для того чтобы помешать массовому дезертирству во время наступления на Пиаве»,—пишет Стюарт), Нортклифф говорил (на союзническом со-

вещании по пропаганде): «Это открывает перспективы на жизненную связь между политической пропагандой и военными операциями».

Интересно отметить, что французский генерал Серриньи приходит к той же мысли: «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными. Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали в нужный момент агиткампании, направленные параллельно к внесению деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения» [1]).

Читателям понятна та зависть, с которой эти буржуазные «генералы-пропагандисты» смотрят на изумительный успех нашей политической работы в рядах противника и в частности в связи с той или иной операцией. Только одного они не понимают и не могут достичь в своей работе: их пропаганда иногда разлагает войска неприятеля, что дает им возможность легче и успешнее бить противника, в том числе и «упропагандированных» солдат; наша политическая работа просвещает классовое сознание солдат противника, помогая и нам и им легче и успешнее бить общего врага—класс капиталистов. В этом—неизмеримая принципиальная разница буржуазной пропаганды от нашей политической работы...

Несколько замечаний о методах и «технике» пропагандистской работы Нортклиффа:

Методы и технические средства политической работы служили предметом большого внимания Дома Крю.

Кратко перечислим основные из них:

На австро-итальянском фронте представительство Дома Крю использовало специальную (на нескольких языках) типографию в Реджио Эмилиа. Там печатался еженедельник, издававшийся на польском, чешском, сербском и румынском языках. Тут же на этих языках печатались листовки, многокрасочные плакаты в национально-патриотическом или религиозном духе (смотря по народу, для которого писалось).

[1]) Серриньи, Размышления о военном искусстве, изд. ЛВО, 1924 г. *Ф. Б.*

«Весь этот литературный материал отсылался из типографии непосредственно на фронт и распространялся с помощью аэропланов, причем каждая армия имела по 1 аппарату специально для этих целей, или с помощью ракет, которые поднимали, примерно, по 30 листовок, с помощью гранат или через «дозорных», которые близко соприкасались с противником».

Этих «дозорных» добровольно вербовали из дезертиров австрийской армии, главным образом румын, поляков, чехов и т. д.

«Общее число распространенных этими способами листовок и др. достигло нескольких миллионов».

Другой способ: постановка граммофонов с наигранными чехо-словацкими, сербскими и др. песнями, вблизи от окопов противника.

Деятельность Дома Крю особенно широко развилась на германо-французском фронте. Распространялась литература, опровергающая слухи о скверном обращении с немцами-пленными; разбрасывались листовки с сообщениями, взятыми из немецких газет, но изъятыми немецкой цензурой, и т. д. Издавался еженедельный информационный листок на французском языке под названием «Воздушная почта» для распространения среди французов и бельгийцев на территории, занятой немцами. Весной 1918 г. общее число экземпляров различной литературы, распространявшейся на этом фронте, достигло миллиона в месяц.

Лучшим средством распространения являлась авиация. Интересно отметить, что, начав очень успешно использование авиации, Нортклиффу впоследствии пришлось отказаться от этого, так как ему это запретили (на полных 4 месяца). Дело в том, что после угрозы немцев (и осуществления этого) строго наказывать летчиков, пойманных и уличенных в разбрасывании литературы, английское командование отдало распоряжение прекратить предоставление авиасил для этих целей.

Это заставило искать новых средств. Изобретательская мысль быстро нашла замещение авиации. Не удовлетворяясь гранатами-агитаторами (при разрыве рассыпавшими дождь листовок) и бомбометами такого же устройства, ограниченность охвата территории которыми не создавала массового воздействия на противника, конструкторская мысль пошла по пути создания специальных шаров-разбрасывателей литературы. Автор это так описывает:

«Благодаря достижениям военно-метеорологической службы во время войны и благодаря терпеливым опытам впродолжение нескольких месяцев и различным изобретениям оказалось возможным использовать особо устроенные «шары».

Автор называет их «шарами-пропагандистами». Их производство достигло цифры до 2 000 штук в неделю. Основное сырье для производства—бумага! Надувался шар водородом. Он поднимал и разбрасывал, захватывая довольно большую площадь, до $5\frac{1}{2}$ фунтов литературы. Это равняется 500—1 000 экз. листовок средней величины. Поднимался шар до 6 000 футов в высоту и мог пролететь (при благоприятной погоде, что указывалось метеорологами) до 100—150 английских миль в сторону противника. Для перевозки, зарядки и пуска шаров были созданы специальные команды, имевшие два грузовика, обслуживающий персонал, запас водорода. Во главе такой команды стоял офицер, связанный с метеорологами. Все дело пуска требовало нескольких минут.

Удавалось регулировать и содержание литературы:

«Балласт (литература) шара избиралась соответственно с направлением ветра. Если он дул по направлению к Бельгии, то привязывали издания «Воздушной почты», если же он дул по направлению к Германии, то брались листовки, предназначенные для войск неприятеля».

Интересно отметить, какова была точность и срочность пропагандистской работы:

«Мы добились того, что информационные листки попадали в руки немцев примерно 48 часов спустя после их составления».

Заметьте, что их писали и печатали в Лондоне, притом с тиражем не менее 100 тысяч экземпляров. Кстати отметим, что англичане издавали на немецком языке «Окопную газету» (с портретом Вильгельма—для обмана!), схемы положения на фронтах, проповеди, например, на тему «Будьте уверены: ваши прегрешения падут на ваши головы!» и т. д.

Таковы наиболее характерные черты «техники и методов пропагандистской работы».

При чтении книги бросается в глаза, что основным способом в пропаганде англичанами (как, впрочем, и всеми другими странами) считалась печать. В разных видах—газета,

брошюра, листовка, плакат, письма пленных, открытки и пр.— все эти формы печатного слова служили одной цели: убеждать противника в его неправоте, в его вине в войне, в его немощи и близкой гибели. Печатное произведение является, особенно для буржуазии, тем ценнее, что не требует большого риска и большой организации—важно лишь найти способ распространения литературы и хорошенько организовать применение этого способа. В то же время устная агитация требует большой смелости, разветвленной в рядах противников организации, связана с риском для исполнителей.

Общий вывод, к которому приходишь, прочтя эту книгу, состоит в том, что еще раз—на конкретных фактах и саморазоблачении буржуазии—удостоверяешься, в чем состоит основная линия английской, да и всякой другой буржуазной пропаганды. Она состоит в том, что всякая война (в прошлом и в будущем), которую приходится вести империалистической стране, объявлялась (за это агитировалось) и будет объявляться, как война оборонительная со стороны своей страны и наступательная со стороны противника, будет ли то другая буржуазная страна, страна советов или залитая кровью и ограбленная колониальная страна.

К. Стюарт пишет: «Нельзя позволить немцам оборонительную войну союзников ставить на одну доску с наступательной войной. Союзники должны неустанно утверждать, что они сделались жертвой заранее хорошо обдуманной наступательной войны».

Немцы говорили, что они только защищаются, то же самое говорила и любая из буржуазных стран.

Пропаганда войны, как оборонительной со стороны союзников, логически заставила союзников говорить, что это «последняя война», что они борются за всеобщий мир и разоружение.

Конкретным вопросом, к которому союзники притягивали своей пропагандой внимание и чаяния измученных голодом и войной своих рабов в своих или «вражеских» странах, была идея «Лиги Наций».

Особенно интересно, что развивать идейную сторону этой чисто агитационной затеи поручили представителю «демократии» и «свободной» интеллигенции—писателю Г. Уэльсу.

Мы рекомендуем всем читателям внимательно прочесть на-

печатанную в приложении «Памятную записку» Г. Уэльса по вопросу о Лиге Наций.

На фоне материалов об этой Лиге нынешняя роль последней еще резче вырисовывается как: а) агитационный трюк для обмана трудящихся и б) временная (до будущей войны) форма дипломатического давления более сильных грабителей на менее сильных.

Второй вывод, который напрашивается при чтении: английская буржуазия, как и всякая другая, в своей пропаганде не стесняется в средствах, лишь бы ими не нарушались «незыблемые» основы буржуазного строя. Англия не задумываясь, жмет на Италию, чтобы та умерила свои аппетиты на югославянские области, а на югославян, чтобы последние «пока идет война» не предъявляли слишком громко своих претензий к Италии: «Комиссия выражает твердую уверенность в том, что все спорные вопросы о границах между Италией и будущей Югославией будут умалчиваться югославской прессой и вождями вне и, поскольку они могут оказывать влияние в этом направлении, также и внутри австро-венгерской монархии».

Важен брошенный во время войны «освободительный» лозунг; выполнение последнего—дело совсем не обязательное. Важен эффект: враг будет расшатан—бить его будет легче.

Мы подчеркиваем, что буржуазия не стеснялась в средствах, если последние не выходили за рамки буржуазного строя. Вот доказательство этого: «Относительно Австро-Венгрии комиссия обсуждала вопрос, допустимо ли использование поголовного голода среди мадьярских крестьян и недовольства немецкого пролетариата. Здесь пришли к заключению, что не является вредным поддерживать крестьянских агитаторов в Венгрии, что союзники, однако, не поддерживая большевистской пропаганды, должны распространять среди австро-германского рабочего населения только собственную литературу последнего». Мысль понятна: большевики опасны, но «собственные» агитаторы и литература рабочих и тем более крестьян не только не опасны, но даже полезны. Ведь под этими «собственными» агитаторами, под «собственной» литературой подразумевалась литература социал-оппортунистов, т. е. домашних, беззубых социалистов, которые, не идя против буржуазного строя в целом, разрушали своей оппозиционной работой единство в стране, тем самым ослабляя воен-

ную мощь своей страны. А этого только и надо противнику (в данном случае Англии), ведущему пропаганду.

Последний вопрос: что полезного может из данной книги извлечь наш советский читатель—командир, политработник, партиец и комсомолец на гражданской работе, активист рабочий и крестьянин? Как мы уже указывали, полезные для себя выводы мы можем из настоящей книги сделать в двух направлениях: в разоблачении «механики» буржуазной пропаганды и в использовании некоторых методов и способов этой пропаганды в нашей работе.

Книга дает богатый разоблачительный материал. Она показывает, на каких принципиальных и организационных основах строилась пропаганда; она тем самым показывает, каковой, вероятно, будет пропаганда буржуазных стран в будущей войне. Книга показывает, на каких «участках» политической борьбы и в каких формах можно ожидать со стороны наших будущих противников обмана, лжи, подлогов, подкопов, чтобы попытаться расшатать нашу мощь и единство. Книга показывает, какими методами, при использовании каких «каналов», технических средств противник будет пытаться найти путь к влиянию на менее сознательную и стойкую часть бойцов и населения.

И, одновременно, эта книга дает ряд поучительных указаний, главным образом, в вопросах организации и технического усовершенствования политической работы.

Мы со своей стороны, не предвосхищая возможных практических и полезных для нас выводов (в обоих направлениях), выпускаем перевод настоящей книги с тем, чтобы дать возможность самому читателю с карандашом в руках при чтении проработать и изучить изложенный здесь опыт буржуазной пропаганды.

Читатель не должен приэтом ни на секунду выпускать из виду принципиальной, классовой разницы в целях буржуазной пропаганды и нашей политработы.

И каждый читатель должен всегда помнить, что лучший способ подготовки своей обороноспособности—это заблаговременное знание замыслов, тактики и технических средств врагов.

Настоящая книга дает нам возможность приподнять завесу над туманным будущим политической борьбы, которую по-

ведет против нас наш классовый враг наряду с технической борьбой.

Вот почему мы горячо рекомендуем прочесть эту книгу всем товарищам, которым дорога обороноспособность и готовность нашего Союза к борьбе с классовыми врагами.

Изучить и знать врага—лучшая гарантия победы.

Ф. Блументаль.

23 февраля 1928 года.
Москва.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОПАГАНДА; ПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ЕЮ.

Определение понятия и основные принципы.—Почему германская пропаганда потерпела неудачу.—Жалобы и признания Людендорфа.

Пропаганда во время войны является сравнительно новой деятельностью.

В той стадии своего развития, которой она достигла в конце войны [1]), пропаганда являлась, несомненно, новым и могучим орудием ведения войны. Однако пользоваться следует пропагандой осмотрительно и осторожно, так как в противном случае она подействует скорее разрушительно, чем созидательно и оттолкнет того, кого она должна была завлечь.

Что же такое пропаганда? Пропаганда состоит в представлении какого-нибудь положения так, что это оказывает должное воздействие на других.

Поскольку пропаганда направлена против неприятеля, постольку действия лица, осуществляющего пропаганду, не должны казаться пропагандистскими.

За редкими исключениями, вызываемыми особыми обстоятельствами, происхождение пропаганды должно быть тщательно завуалировано и, как общее правило, желательно также сохранять в тайне связи.

Первой задачей пропаганды является с о з д а н и е б л а г о п р и я т н о й а т м о с ф е р ы. До тех пор, пока такое настроение (как результат военных событий, пропаганды или внутриполитического недовольства) не создано, войска и население противника,—то и другое в современной войне одинаково важно,—не будут, конечно, относиться к пропаганде сочувственно и не будут ей поддаваться.

Для того, чтобы создать атмосферу восприимчивости и возбудимости, необходима определенная с и с т е м а п р о п а-

[1]) Автор имеет в виду конец мировой войны 1914—1918 гг. *Ф. Б.*

ганды. Это в свою очередь предполагает установление последовательных методов работы, которая требует широкого знания фактов и развития политического, военного и экономического положения, а также знакомства с настроением в рядах неприятеля. Пропаганда, в собственном значении этого слова, может быть начата только после установления определенной программы, не ранее.

Первое правило пропаганды—это: пользоваться только правдоподобными утверждениями. Вовторых, не следует пользоваться противоречащими друг другу доводами.

Последнее может быть достигнуто только при наличии дружной, совместной работы всех участников пропаганды и путем безусловного соблюдения избранного способа пропаганды.

Неправильный шаг иногда невозможно исправить. Вследствие несоблюдения указанных принципов пропаганды против неприятеля, и именно—вследствие недостаточного понимания их важности, потерпели неудачу чрезвычайно энергичные усилия германской пропаганды [1]). Ввиду того, что немцы ошибочно предполагали, что война будет продолжаться недолго, они пользовались ложными и полуправдоподобными фактами, а также ложными или преувеличенными сообщениями. Некоторое время это имело успех, но затянувшаяся война сама по себе опровергла ложные германские сообщения, и вместо того, чтобы быть полезными для центральных держав, эта кампания повредила их делу.

Кроме того немцы, как это впоследствии ими было признано, в своих ложных утверждениях не были единодушны.

Как указывает известный британский знаток германской пропаганды, в Германии господствовало хаотическое обилие различных точек зрения, и германцы не могли понять других наций.

По поводу этого явления выдающийся германский проф. д-р Карл Лампрехт в одной своей лекции конца 1914 г., когда немцы считали свою победу обеспеченной, высказал свое сожаление: «Когда началась война,—говорил он,—то вся-

[2]) Автор, считая для себя неудобным критиковать ошибки и недостатки своей пропаганды, критикует таковую, исходившую из Германии. Но эти недостатки в начале войны были делом всех воевавших стран, в том числе и Англии. *Ф. Б.*

кий, кто умеет писать, взялся за возможно большего размера гусиное перо и написал всем своим иностранным друзьям, что они совершенно себе не представляют, что за выдающиеся люди германцы. Приэтом они нередко добавляли, что во многих случаях поведение немцев заслуживает извинения. Итог был поразительный. Я могу об этом говорить, совершенно открыто,—продолжал он,—ибо среди всей массы людей больше всего ошибались профессора. Последствия были ужасны,—вероятно больше всего вреда было нанесено нашему делу этим путем, больше чем всеми усилиями наших врагов. И это несмотря на то, что все делалось с наилучшими намерениями. Самоуверенность была велика, но отсутствовал опыт, и думали, что германское дело можно защитить без подготовки. Чего недоставало, это—организации».

Прежде чем перейти к описанию принятых у союзников методов и к изложению предмета по существу, интересно ознакомиться с размерами германской пропаганды.

В начале войны Германия гордо утверждала, что она победит.

Когда, однако, благодаря ходу событий это не оправдалось, то Германия запела поиному. Немцы утверждали, что союзники-де не могут победить, и чем больше времени им понадобится для того, чтобы в этом убедиться, тем больше будет у них страданий и потерь. Германия беспрерывно старалась сеять рознь между союзниками, распространяя слухи о том, что Великобритания не принимает должного участия в тягостях союзников, что Великобритания намеревается оставить за собой Бельгию и Северную часть Франции и что Великобритания пользуется Францией и Россией для достижения своих эгоистических целей [1]). Кроме того Германия не смогла согласовать интересов Балканских государств. Вот некоторые из тех глупостей, которые Германия наделала.

Эти и многие другие попытки Германии вызвать у союзников взаимное нерасположение были безуспешны: Ирландия, Южная Африка, Индия, Египет и магометанские страны являются таким примером в отношении Великобритании и Алжир—в отношении Франции. Германия не жалела также

[1]) Это совершенно верно и относится к любому из союзников обеих сторон: каждая сторона воевала не из-за любви к соседу в союзе с последним, а исключительно из-за интересов своих капиталистов. *Ф. Б.*

средств для поощрения пацифизма у народов союзных государств.

Отсутствие успеха стало ясным для немцев, когда война затянулась. Осведомительные органы правительства и печать сделались более молчаливыми и поняли, что пропаганда приносит больше вреда, чем пользы.

Высшие военоначальники признали превосходство и успешность английской пропаганды, а военные деятели и писатели горько жаловались на отсутствие какой-нибудь организации, при помощи которой можно было бы провести соответствующую контркампанию.

Генерал Людендорф (см. его «Мои воспоминания о войне» [1]) патетически жаловался на неудачи германских усилий [2]:

«Германская пропаганда,—пишет он,—поддерживалась с большим трудом. Несмотря на все внешние усилия, успехи по сравнению с объемом задачи были недостаточны. У народов неприятельских стран мы не имели действительного успеха». Людендорф признает также неудачу пропагандистской работы на военных фронтах: «На востоке,—говорит он,—русские были сами виновниками своего развала. На западе фронты наших противников не были восприимчивыми к пропаганде благодаря общественному мнению, которое господствовало внутри их стран, и пропаганда, которую мы постепенно проводили, не имела успеха».

Людендорф описывает свои усилия побудить рейхсканцлера создать широкую организацию, ибо сделалось бесспорно необходимым учредить министерство пропаганды. Он был убежден, что лишь при помощи государственного учреждения, снабженного особыми полномочиями, может быть сорганизована контркампания, равноценная с пропагандой союзников.

«В конце концов в августе 1918 г. в этом направлении был предпринят робкий шаг. Была учреждена совершенно недостаточная организация, кроме того тогда уже было поздно. При таких условиях совершенно невозможно было достигнуть единообразия в пропагандистской работе, между Германией и Австро-Венгрией, как это, очевидно, было у наших

[1] Имеется в русском переводе. *Ф. Б.*

[2] За чистую монету слезы Людендорфа нельзя брать: для представителя побежденной стороны такая тактика «забижаемой» страны выгоднее, чем превознесение своих успехов. *Ф. Б.*

противников. Армия не имела союзника в виде сильной пропаганды, исходящей изнутри страны. В то время как на поле битвы армия была победоносна, Германия была бессильна в борьбе с настроением народов противника».

Защитительная речь Людендорфа показывает, что он понял принципы, которым должна подчиняться пропагандистская кампания, но он не понял, что германское дело само по себе было плохо. У него имелось сомнительное утешение в том, что он знал правильность своих теорий, ибо они в общем совпадали с принципами, на основе которых лорд Нортклифф построил свою знаменитую и энергичную кампанию Дома Крю.

Ни один немец не обнаружил такого понимания основ пропаганды, как Людендорф, и последний имел великолепный случай оценить практику, в которую воплотились теоретические основы. Его суждения являются неограниченным признанием. Это показывают выдержки из его сочинений, приводимые ниже в другой главе.

Целью настоящей книги является показать, как этот успех был достигнут.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОМ КРЮ; ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРСОНАЛ.

Назначение лорда Нортклиффа.—Образование совещательного комитета.—Сотрудничество других правительственных учреждений.

В феврале 1918 г. лорд Нортклифф принял предложение премьер-министра занять должность руководителя пропаганды в неприятельских странах. Лишь за несколько недель перед этим он закончил свою поездку в С.-А.С.Ш., где он добился объединения многочисленных британских миссий и наладил за ними надзор (эти миссии занимались закупкой продовольствия и амуниции и другими важными делами).

В дальнейшем лорд Нортклифф сделался руководителем британской военной миссии в С.-А.С.Ш. после того, как отклонил предложение о занятии поста министра.

Несмотря на важность своей новой задачи, он решился все-таки поддерживать свои связи с британской военной миссией Соединенных штатов.

Само имя Нортклиффа представляло собой авторитет для пропаганды в неприятельских странах.

Никто лучше, чем немцы, не знал, с каким старанием и упорством Нортклифф взялся расшевеливать британскую нацию, указывая ей на силу германского милитаризма и его военных приготовлений.

С самого вступления на этот пост он сам и его работа были предметом частых упоминаний в германской печати, и резкость ее нападок выдавала серьезность ее опасений. Руководство и организация внешней пропаганды, в особенности пропаганды, направленной против неприятельских стран, требовали от персонала близкого знакомства с внешней политикой, глубокого понимания психологии неприятеля и специального знания искусства изображать факты ясно и убедительно.

Это была работа совершенно особого свойства и имела целью убедить неприятеля в безнадежности его дела и неизбежности победы союзников. К тому же требовались неизменно единообразный метод работы и неослабное напряжение. Однако проблема перенесения пропаганды в неприятельские страны предъявляла столь же высокие требования, как и установление метода работы и изображение фактического положения вещей.

Для того чтобы в этой кампании воспитания и просвещения неприятельских народов использовать возможно больше знаний, лорд Нортклифф приобрел сотрудничество комитета, состоявшего из известных писателей и общественных деятелей. Каждый из них отличался в какой-либо области общественной деятельности, а это делало его сотрудничество весьма ценным.

Лорд Нортклифф назначил меня заместителем начальника Управления и товарищем председателя комитета.

Членами комитета состояли:

Полковник граф фон Денбич, кавалер ордена Виктории.

Господин Роберт Дональд (тогдашний издатель «Daily Chronicle»).

Сэр Родерик Джонс, директор-распорядитель телеграфного агентства «Рейтер».

Сэр Сидней Лоу.

Сэр Чарльз Никольсон (баронет, член парламента).

Сэр Джемс О'Греди (член парламента).

Господин Г. Викгэм Стид, редактор иностранного отдела и позднее главный редактор «Times».

Господин Г. Ж. Уэльс, секретарь г. Г. К. Гудзон.

Это был совещательный комитет с широкими знаниями и многими талантами, включая большое количество авторитетных писателей и журналистов. Регулярно каждые 14 дней происходили заседания, на которых каждое отделение докладывало о своих успехах и предлагало на утверждение планы будущей деятельности.

Главная квартира Управления помещалась в Доме Крю, городской резиденции маркиза Крю, который с достойным внимания духом общественности предоставил свой дом государству для военных целей.

Все Управление разделялось на два главных отдела: один для изготовления, другой для распространения пропагандистской литературы. Отдел по изготовлению лите-

ратуры в свою очередь разделялся на подотделы: германский, австро-венгерский и болгарский.

По причинам, о которых будет сказано в следующей главе, в первую очередь должна была начать свои действия австро-венгерская секция. Директорами этой секции были: г-н Стид и д-р Р. В. Сетон-Уатсон.

Назначение этих лиц было чрезвычайно удачно. В качестве корреспондента газеты «Times», автора книги «Габсбургская монархия» и наделенного опытом, который он приобрел в бытность корреспондентом «Times» в Вене втечение 1902—1913 гг., Стид обладал обширными и выдающимися знаниями жизни и быта народностей двуединой монархии.

Д-р Сетон-Уатсон был также выдающимся знатоком австро-венгерской и балканской истории и политики, изучению которых он посвятил многие годы.

После того как установлен был метод работы против Австро-Венгрии, лорд Нортклифф отправил во главе указанных выше лиц ответственную миссию в Италию. Эта миссия открыла кампанию против двуединой монархии и имела широкие и выдающиеся успехи.

Члены этой миссии присутствовали на происходившем в Риме историческом конгрессе угнетенных габсбургских народностей, и принимали большое участие в учреждении общесоюзной комиссии, которая вела активную пропаганду против Австро-Венгрии.

Проведение этой кампании потребовало в дальнейшем сохранения втечение всего 1918 года тесной связи с различными национальными организациями народностей, угнетаемых Габсбургской империей, а именно—с поляками, чехо-словаками, югославянами и румынами. Эти организации имели возможность нести осведомительную службу как в интересах названных народностей, так и в интересах союзников.

Когда начались операции против Германии, то г. Г. Ж. Уэльс по предложению лорда Нортклиффа взял на себя руководство германским отделением. Г. Уэльс предпринял исчерпывающее изучение моментов, которые могли быть полезными для пропаганды против Германии, причем помощником Уэльса являлся д-р И. У. Гидлам-Морлей. Записка Уэльса [1]) является

[1]) См. приложение. *Ф. Б.*

замечательно интересным документом. В июле 1918 г., оставаясь членом комитета, но не имея более возможности продолжать руководство германским отделением, Уэльс собрал массу ценных данных, которые должен был использовать его преемник—известный журналист Гамильтон-Файф. На последнего и на его коллег по германскому отделению выпала задача организовать так называемую «интенсивную» пропаганду в последние три месяца войны.

Остается коснуться пропаганды против Турции и Болгарии. На основании соглашения между лордом Нортклиффом и лордом Бивербруком пропаганда против Турции велась, и притом удачно, ближневосточным отделением департамента по делам информации, во главе которого стоял Кэнлиф-Оувен. Это, очевидно, было очень разумно как в интересах экономии средств, так и по результатам. Пропаганда же в Болгарии исходила из Дома Крю.

Изготовление и распространение пропагандистской литературы являлось самостоятельной работой и производилось двумя самостоятельными отделами управления, но, конечно, в тесном сотрудничестве друг с другом. Поскольку дело касалось неприятельских войск, литература распространялась среди немцев и болгар через британские военные власти. Пропаганда среди австро-венгерских войск велась силами всех союзников, распространение же литературы производилось *при посредстве итальянской армии*. Распространением литературы *через частных лиц*, что являлось тяжелой задачей, руководил С. А. Гест—единственный из всех английских сотрудников, который занимался пропагандой против неприятеля с самых первых дней войны. Он создал в различных частях Европы целый ряд *организаций*, при помощи которых в неприятельских странах распространялись различные сообщения и взгляды. Это требовало большой изобретательности и выдержки, но зато усилия С. А. Геста увенчались большим успехом. Постоянная взаимная связь являлась жизненной необходимостью, и это достигалось благодаря ежедневным заседаниям руководителей отдельных подотделов, офицеров связи между Домом Крю и другими учреждениями и начальников оперативных отделений Дома Крю. На этих заседаниях, происходивших обыкновенно под моим председательством, систематически обсуждались различные детали методов работы и операции всех подотделов. Каждый подотдел

знал, что делается в другом, а потому было обеспечено единообразие в методах и способах работы. Кроме того обсуждению проблем, возникавших в общем масштабе деятельности Дома Крю или, в каком-либо из его подотделов, способствовало сосредоточенное внимание собрания воодушевленных людей.

Гудсон, дельный секретарь совета (совещательного комитета), являлся одновременно секретарем этих ежедневных заседаний.

В Доме Крю все чувствовали благодарность за ту готовность, с какой многие другие правительственные учреждения, с которыми приходилось сталкиваться, предоставляли свое сотрудничество в наше полное распоряжение. В этом отношении все—министерство иностранных дел, военное министерство, адмиралтейство, министерство финансов, министерство по делам информации и управление по делам печати—существенным образом содействовали окончательному успеху, причем необходимо заметить, что это перечисление отнюдь не исчерпывает всех учреждений, которые с большой готовностью предоставляли в распоряжение Дома Крю имеющиеся у них материалы.

Отрадно это отметить в знак благодарности и признательности за услуги, которые были оказаны названными учреждениями в этот период войны.

Чрезвычайно ценными были также услуги офицера связи С. Дж. Филипс, выдающегося правительственного чиновника, который за свои особые заслуги переведен был из министерства просвещения в министерство иностранных дел; он поддерживал связь между последним и Домом Крю. На него возложена была задача постоянно информировать Дом Крю относительно развития и результатов пропаганды в неприятельских странах и осведомлять министерство иностранных дел о деятельности Дома Крю. Помощь и суждения С. Дж. Филипса о постоянно возникавших вопросах внешней политики были чрезвычайно ценны.

Втечение нескольких месяцев после назначения лорда Нортклиффа информационное бюро военного министерства продолжало изготовление пропагандистской литературы, рассчитанной для Германии. В это время офицером связи между военным министерством и Домом Крю являлся майор Керри, член парламента. Каждое из этих учреждений было в состоянии дополнять и успешно совершенствовать работу другого учре-

ждения, и эта совместная работа проходила в величайшей гармонии. Когда впоследствии изготовление литературы сосредоточилось в Доме Крю, то на должность офицера связи между Домом Крю и военным министерством и министерством воздушных сил был назначен капитан Чалмерс Митчель. Бо́льшую признательность, чем последующим изложением ему трудно выразить.

Очень сердечны были отношения с Адмиралтейством, в особенности с начальником военно-морского информационного бюро контр-адмиралом сэром Реджинальдом Галлсом, при посредстве корвет-капитана Стандинга.

Дом Крю имел основания быть благодарным за их дружественное сотрудничество, выражавшееся в предоставлении материала военно-морского характера. Чрезвычайно ценную поддержку получил Дом Крю от Бюро печати, которое было великолепно организовано лордом Б и в е р б р у к. В тех случаях, когда совместная работа являлась полезной, руководители подотделов этих обоих учреждений собирались на совместные совещания. Например в некоторых европейских странах одни и те же агенты работали для обоих учреждений, что имело большой успех и сокращало расходы. Неоценимые услуги оказал Дому Крю агент министерства по делам Болгарии, проявивший большие способности и конспирацию. Также за пользование радиотелеграфом Дом Крю многим обязан министерству, так как этим путем Дом Крю распространял различные сообщения в целях раскрытия истины противнику. Дом Крю должен быть благодарен и за многое другое, что добровольно предоставлялось и охотно принималось в самых различных областях, которые в силу их многочисленности трудно перечислить.

С министерством финансов, которое ко многим временным военным учреждениям относилось неблагожелательно, Дом Крю находился в самых лучших деловых отношениях через С. С. Кента, который кроме других вопросов, связанных с управлением Домом Крю, в качестве руководителя финансовых операций ведал также и денежными расчетами. Н е б ы л о н и к о г д а о т к а з а и л и п р о м е д л е н и я с о с т о р о н ы г о с у д а р с т в е н н о г о к а з н а ч е й с т в а, если речь шла о расходе, связанном с пропагандой против неприятеля. Авторитетные лица на неприятельской стороне часто утверждали, что лорд Нортклифф затратил на пропаганду огромные суммы

денег. Согласно докладу Высшего наблюдательного совета и председателя государственного казначейства, расходы на пропаганду за время с 1 сентября по 31 декабря 1918 г.—в период так называемой «интенсивной пропаганды» и, следовательно, самой дорогой пропаганды—составляли 31 360 фунт. стерл. 4 шилл. 9 пенс, включая суммы, причитавшиеся министерству труда и государственной типографии, и расходы военного министерства по Дому Крю. Лишь 7 946 фунтов стерлингов 2 шилл. 7 пенс. падают самостоятельно на Дом Крю, причем причиной незначительности расходов является то обстоятельство, что многие сотрудники Дома Крю работали, не получая никакого содержания. По поводу расходов на Дом Крю председатель государственного казначейства выразил свою признательность. Нельзя оставить без внимания государственную типографию, которая производила все типографские работы по печатанию миллионов листовок и другой литературы на немецком, кроатском, болгарском и других языках, и проявила большую аккуратность и работоспособность, вполне удовлетворявшую потребности Дома Крю. По своему особому характеру заказы Дома Крю требовали от типографии такой работы, которую втечение одних служебных часов нельзя было выполнить.

Особенно приятно вспомнить о той поддержке, которую так охотно оказывали различные другие правительственные учреждения, о тех неизменных вежливости и рвении, с которыми эта поддержка предлагалась. Дом Крю с удовольствием признает ценность такой лойяльной работы, которая столь памятна всем сотрудникам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАМПАНИЯ ПРОТИВ АВСТРО-ВЕНГРИИ.

Враждебные Германии народности в стране Габсбургов.—Лондонский тайный договор.—Важное значение римского конгресса.—Деятельность лорда Нортклиффа против Австро-Венгрии.—Образование общесоюзной комиссии по пропаганде и ее успешная деятельность.—Окончательный триумф.

Не понадобилось много времени, чтобы решить, что среди всех неприятельских стран наиболее восприимчива к пропаганде Австро-Венгрия. Благодаря участию таких авторитетов, как г. Уикгем Стид и д-р Сетон-Уатсон, лорд Нортклифф вскоре имел возможность представить министерству иностранных дел на утверждение принципы правильного метода работы. Может показаться странным, что союзные правительства раньше не предпринимали решительных шагов в том же направлении. Они упустили возможность извлечь для себя пользу из антигабсбургских и антигерманских настроений угнетенных народностей двуединой монархии. Три пятых народностей, подвластных Габсбургам, были в действительности или с большой долей вероятности на стороне союзников: и среди этого большинства лорд Нортклифф решил повести пропаганду, преследовавшую две цели: созидание и разложение, а именно:

1. Путем моральной и материальной поддержки национальных стремлений народностей к независимости, с конечной целью образования сильной цепи негерманских среднеевропейских и дунайских государств.

2. Путем поощрения их нежелания воевать на стороне центральных держав, чтобы этим путем значительно ослабить боеспособность австро-венгерской армии и поставить в затруднительное положение германских военачальников. Ниже

будет видно, с каким успехом были достигнуты обе цели. Здесь имелись в виду, главным образом, чехи и южные славяне. Далее имелось незначительное количество итальянцев, румын и поляков, которые должны были перейти под власть своих национальных правительств Италии, Румынии и проектировавшейся тогда, а ныне существующей Польши.

Операции во всех случаях проводились совершенно открыто, за исключением Югославии, где препятствием являлся тайный Лондонский договор от апреля 1915 года [1]). В начале 1918 года лишь немногие себе ясно представляли, какие трудности возникли благодаря этому, но после прекращения военных действий адриатический вопрос в международных отношениях принял ясную форму и теперь считается проблемой международной политики, доставляющей большое беспокойство. Значение этой проблемы для пропаганды заключается в том, что согласно названному договору Великобритания, Франция и Россия обещали Италии определенные части австрийской территории, населенные южными славянами. Эти части территории имели выход к морю для торговли, и имели бы величайшее экономическое значение для всякого югославянского государства, которое могло быть образовано. Пока Лондонский договор в глазах южных славян представлял политику союзников, было трудно убедить их в том, что симпатии союзников на их стороне или что союзники им обеспечат экономические интересы, которые были необходимы для создания объединенного югославянского государства, населенного сербами, кроатами и славянами.

С целью создания противоядия против названного тайного договора представители сербов, кроатов и славян во главе с председателем югославянского комитета Трумбичем и сербским премьер-министром Пашичем собрались в Корфу и 20 июня 1917 года опубликовали декларацию югославянского союза. Последний претендовал на всю территорию, которую населяли входившие в его состав народности, и которая, как сказано было в декларации, «без вреда для жизненных потребностей целого не может быть изуродована». «Наша нация,—говорится в той же декларации,—не

1) См. по этому вопросу во вступительной статье. *Ф. Б.*

требует того, что принадлежит другим, а требует себе только свою собственность».

Эта декларация была, с одной стороны, важным шахматным ходом против раздела Далмации, предусмотренного Лондонским договором, с другой же стороны, она являлась окончательным шагом к объединению трех названных народностей в одну нацию. Вследствие этого декларация подействовала на германских генералов, которые оценили ее влияние на югославянские полки австро-венгерской армии, и несомненно ускорила решение германских генералов подчинить своему контролю военные силы двуединой монархии.

Следующий шаг был предпринят, когда итальянские армии оправились после поражения под Капоретто и восстановили свою линию на Пиаве. По инициативе Уикгема Стида, д-ра Сетон-Уатсона и некоторых членов сербской колонии в Англии, в Лондоне состоялись совещания влиятельных итальянцев и южных славян с целью найти разрешение вопросов, приемлемое для обеих наций. Касающаяся этого памятная записка была передана итальянскому премьер-министру Орландо, который тогда, в январе 1918 г., находился в Лондоне. По совету Стида, Орландо встретился с Трумбичем и продолжительное время обсуждал с ним вопрос, после чего Трумбич принял приглашение итальянского премьер-министра приехать в Рим.

До этого визита известный член итальянского парламента г-н Торре в качестве представителя влиятельного смешанного комитета обеих палат был послан в Лондон для того, чтобы попытаться найти почву для соглашения. После долгих переговоров представители обеих наций обязались дружественно разрешить различные территориальные спорные вопросы в интересах будущих добрых отношений между ними, на основе национального принципа и права на самоопределение народов. Также достигнуто было соглашение относительно государственного языка и экономических интересов тех национальных меньшинств, которые, быть может, придется включить в состав Италии или Югославии.

Это принципиальное, принятое под давлением войны, соглашение почти совпало по времени с назначением лорда Нортклиффа. Одним из его первых служебных шагов было командирование г-на Стида и д-ра Сетон-Уатсона в Италию. Во время своего пребывания в последней они представляли

свое учреждение на съезде народов угнетенных Габсбургами. Съезд с разрешения итальянского правительства происходил в Риме 7, 8 и 9 апреля 1918 года. Сам по себе съезд был важным актом пропаганды. Это небывалое собрание итальянцев, поляков, чехо-словаков, южных славян и румын провозгласило право на национальное объединение в целях совместных действий и торжественно подтвердило уже достигнутые между итальянцами и южными славянами соглашения. Орландо, Биссолати и другие итальянские министры публично высказались за соблюдение следующих постановлений:

«Представители национальностей, которые в целом или частично подчинены господству Австро-Венгрии—итальянцы, поляки, румыны, чехи и южные славяне—заключают союз для того, чтобы установить следующие принципы совместных действий:

1. Каждая из названных народностей претендует на право самоопределения и развития как национальность и как государство, и на право достижения полной политической и экономической независимости.

2. Каждый из этих народов считает австро-венгерскую монархию орудием германского владычества и главным препятствием к осуществлению своих стремлений и прав.

3. Собрание считает необходимым совместную борьбу с общим притеснителем, дабы каждый народ мог добиться полной свободы и национального единства в виде свободного государственного объединения».

Между представителями итальянцев и южных славян состоялось особое соглашение следующего содержания:

«1. В области отношений между итальянцами, с одной стороны, и сербами, кроатами и славянами, которые известны также под именем югославян, с другой стороны, представители обеих сторон признают, что единство и независимость югославян составляют такой же жизненный интерес для Италии, как достижение полного национального единства итальянцев для Югославии. Поэтому представители обеих наций обязуются во что бы то ни стало работать в том направлении, чтобы во время войны и при заключении мира были полностью достигнуты цели обеих наций.

2. Стороны объявляют, что освобождение и защита Адриатического моря от всякого теперешнего и будущего врага является неизменным интересом обоих народов.

3. Стороны обязуются в интересах добрых и сердечных отношений между обоими народами в будущем разрешать различные территориальные споры на основании национального принципа и права на самоопределение народов, а именно таким способом, чтобы жизненные интересы, как они будут признаны при заключении мира, не были нарушены.

4. Если бы выяснилась необходимость присоединить какую-либо родственную одной из наций группу к территории другой нации, то за этой группой должно быть признано и обеспечено право на ее язык, культуру и духовные и экономические интересы».

Одновременно лорд Нортклифф и его сотрудники-специалисты в соответствии с принципами, которые постоянно соблюдались в Доме Крю, установили общие руководящие начала пропаганды против Австро-Венгрии. 24 февраля 1918 года лорд Нортклифф составил соответствующую памятную записку и представил ее на рассмотрение и утверждение министру иностранных дел.

Вот главные пункты этой записки:

«Я уже давно того мнения, что было бы хорошо сосредоточиться на пропаганде в Австрии.

Я поставил себе задачей беседовать с каждым человеком, приезжающим из Австрии, в том числе со многими американцами, возвращающимися в Америку. Все они были одинакового мнения, что двуединая монархия неохотно вступила в войну, что она устала от войны, что она перенесла лишения, близкие к голоду, и что она сознает, что Австрия от этой войны никаких выгод не будет иметь. Цензура произведений печати различных национальностей, населяющих двуединую монархию, настолько совершенна, что действительные результаты войны широким массам населения неизвестны. Германия в Австрии, как и везде, деятельна. Так, например, значение вступления Америки в войну там умаляется и изображается как американский обман («Bluff»).

Многие австрийские подданные до войны, ввиду сильной эмиграции, располагали значительным знакомством с Америкой. Австрийцы прониклись бы пониманием действительной мощи С.-А. С. штатов, если бы об этом дошли до них сведения.

Поэтому рекомендуется всеми возможными путями распространять точные данные о военных приготовлениях Америки. Прежде чем что-либо предпринять в том или ином направлении, я должен, кажется мне, хорошо ознакомиться с политикой союзников в отношении Австро-Венгрии. Я был бы поэтому вам очень благодарен, если бы вы мне сообщили свой взгляд на следующие предложения, которые я выработал после обсуждения с людьми, которые знают Австрию. Если эти предложения вами будут одобрены, то предлагается их передать на утверждение Америки, Франции и Италии.

В управлении по пропаганде предполагается итти в неприятельских странах двумя различными путями.

Чтобы избежать недоразумений, я еще раз резюмирую здесь общеизвестные факты.

Указанные выше пути политики являются следующими:

а) Добиваться заключения сепаратного мира с императором, двором и дворянством при условии невмешательства в династиче-

ские вопросы дома Гасбургов и почти или совсем не касаясь принадлежащих ему прерогатив.

б) Попытка сломить мощь Австро-Венгрии, как слабейшего члена союза неприятельских держав, поддержкой и поощрением всех антигермански настроенных и симпатизирующих Антанте народов и их стремлений. Первый метод был уже безуспешно испытан. У Гасбургов нет свободы действия, у них нехватает сил отпасть от Германии, если бы даже они этого захотели, так как они:

1) контролируются благодаря внутренней структуре их государства (Австро-Венгрии), которая дает Германии решающий рычаг в лице немцев в Австрии и мадьяр в Венгрии, и

2) так как союзники не могут предложить австрийцам приемлемые условия мира, не порывая с Италией.

Остается, следовательно, одно—испробовать политику, указанную выше под пунктом «б».

Эта политика отнюдь не является антигабсбургской, она не противоречит также интересам католической религии и находится в согласии с уже провозглашенными целями союзников, которые гласят следующее:

Австрия имеет около 31 000 000 населения, менее $1/3$ которого, т. е. 9 или 10 000 000, составляют австрийские немцы, дружественные Германии. Остальные $2/3$ составляют поляки, чехо-словаки, румыны, итальянцы и южные славяне, которые активно или пассивно враждебны Германии. Венгерское королевство, включая «автономное» кроатско-словенское королевство, имеет около 21 000 000 населения, половину которого, состоящую из мадьяр, евреев, саксонцев и швабов, можно считать дружественной Германии, остальную же часть, т. е. словаков, румын и южных славян,—активно или пассивно враждебной Германии.

Таким образом в Австро-Венгрии имеется всего около 31 000 000 враждебных Германии и около 21 000 000 дружественных Германии жителей. Германофильское меньшинство господствует над антигерманским большинством. Не касаясь вопроса о демократическом принципе, полагаю, что политика союзников, очевидно, должна быть направлена к тому, чтобы помочь враждебным Германии элементам.

Главными способами этой помощи могли бы быть следующие:

1. Союзные правительства и президент С.-А.С.Ш. должны настаивать на своем решении гарантировать различным народностям Австро-Венгрии демократическую свободу на принципе: «правительство, соответствующее желаниям управляемых». Таких выражений, как «самоуправление» или «автономное развитие» следует избегать, так как они в Австро-Венгрии непонятны и могут создать уныние в рядах друзей союзников.

2. По тем же причинам следует избегать утверждения, что союзники не желают раздела Австрии. Без такого радикального преобразования Австро-Венгрии, которое бы освободило ее народности от германского контроля, нельзя выиграть войну. Габсбургов можно заставить содействовать указанному преобразованию, если пропаганда среди враждебных Гер-

мании австрийских народностей будет иметь успех. По своей инициативе Гасбурги не смогут предпринять какое-либо преобразование политического строя, разве только в дружественном Германии духе.

3. Для пропаганды среди враждебно против Германии настроенных народностей следует пользоваться существующими уже агентурами. Это главным образом—богемский (чехословацкий) национальный союз, югославский комитет и различные польские организации.

4. Следует поддержать и поощрить теперешнюю склонность итальянского правительства отказаться от политики, выраженной в Лондонском договоре от 26 апреля 1915 г. и его желание предпринять политику соглашения с народностями Австро-Венгрии, настроенными враждебно против Германии.

5. Конечная цель союзной политики должна состоять не в создании нескольких малых, не связанных друг с другом государств, а в образовании негерманского союза среднеевропейских и дунайских государств.

6. Австрийским немцам следует предоставить право присоединиться к германским союзным государствам. Во всяком случае они будут стремиться отделиться от видоизмененной Австрии, в которой они более или менее смогут господствовать над негерманскими народностями. Принимая во внимание, что окончательное согласование затронутых мною вопросов потребовало бы обмена большим количеством телеграмм, прошу вас по возможности либо сообщить мне ваши собственные предложения, либо утвердить вышеизложенные мои предложения».

Письмом от 26 февраля 1918 года Бальфур [1]) ответил следующее:

«Ваша чрезвычайно ясная памятная записка выдвигает коренную проблему габсбургской империи в более чем законченной форме. Окончательный и авторитетный ответ на поставленный вами вопрос может быть дан только кабинетом министров от имени правительства. Я бы хотел вам сообщить следующие свои наблюдения по работе, за которую вы несете ответственность.

Если бы оба противоположных направления политики по отношению к двуединой монархии, которых вы касаетесь в своем письме, друг друга исключали и если бы они требовали различных или даже противоположных методов пропаганды, то наше положение было бы еще более затруднительным, чем оно на самом деле является. Ведь то, что мы можем предпринять по отношению к Австрии, зависит не вполне от наших желаний, но и от наших успехов на фронте и от взглядов наших союзников, а так как эти величины в вашем предложении с точностью не могут быть определены, то мы неизбежно будем сомневаться в выборе того или другого метода пропаганды. К счастью, однако, наше положение не настолько плохо. Как вы мне с неопровержимостью излагаете, все то, что ободряет в габсбургской монархии

[1]) Министр иностранных дел в Англии в тот период. *Ф. Б.*

враждебные Германии элементы, действительно способствует тому, чтобы заставить императора и двор заключить сепаратный мир и вместе с тем умаляет значение Австро-Венгрии, как члена средне-европейского блока.

Тем самым можно императора побудить или заставить радикально изменить конституцию своего государства. Если император откажется добровольно избрать такую политику, то усиление ненемецких элементов может иметь тот же, а может быть, и более ощутительный результат, чем если бы император сам содействовал такому процессу. Во всяком случае первоначальные фазы этого процесса будут одинаковы; и в том и в другом случае, и для нас приемлема всякая пропаганда, которая поддержит борьбу народностей, еще подвластных австрийским немцам или мадьярам, за свободу и самоопределение, причем безразлично, является ли конечной целью наших усилий полный развал австрийского государства или устранение германского влияния при условии сохранения верховной власти за домом Габсбургов [1])».

Подтвердив получение этого быстрого ответа, Нортклифф написал Бальфуру, что настойчивое требование по возможности скорее начать пропаганду основано на уверенности итальянцев в том, что втечение ближайших двух месяцев должно начаться энергичное австрийское или австро-германское наступление.

«Чтобы наша пропаганда,—писал он,—способствовала ослаблению этого наступления или превращению его в поражение, она, по моему мнению, должна быть начата немедленно и все наши пропагандистские учреждения должны уже втечение ближайших 14 дней энергично взяться за работу. Представитель американского бюро пропаганды в настоящий момент находится в Лондоне, итальянский представитель будет здесь на следующей неделе, к тому же времени здесь будет, несомненно, и французский представитель. Что касается моей памятной записки, то я очень рад, что в существенной части моего проекта политики вы со мной согласны. Оба метода, быть может, в конечном итоге друг друга не исключают, но безусловно необходимо, чтобы тому или другому методу было дано предпочтение. Я оказался бы в чрезвычайно щекотливом положении, если бы я, построив энергичную пропаганду на основе политики, указанной в пункте «б», столкнулся бы со взглядами английского или союзных правительств, выражающих политику, указанную в пункте «а». Поэтому я надеюсь, что военный кабинет не будет откладывать своего

[1]) Эта фраза—одно из многочисленных доказательств того, что буржуазии, объявляющей «национально-освободительные лозунги, наплевать на «освобождаемые» народы. Важно, чтобы эти и подобные лживые лозунги помогали бить противника, т. е. способствовали военному успеху для достижения своих целей войны. *Ф. Б.*

решения и постарается по возможности быстрее получить соответствующие отзывы Франции, Италии и С.-А.С.Ш. Притом я еще не упомянул, что немедленные официальные заявления со стороны английского, французского и других союзных правительств в смысле политики, указанной в пункте «б», значительно облегчили бы мои усилия».

Было несомненно правильно проводить кампанию на общесоюзных началах. Лорд Нортклифф созвал в Лондоне заседания, в которых приняли участие итальянский, французский и американский представители. Постановлено было, например, на итальянском фронте образовать комитет для совместных операций Франции и Италии против австро-венгерских армий. В соответствии с этим выполнение названной задачи было возложено на особую комиссию, которую лорд Нортклифф послал в Италию и во главе которой стояли Стид и Сетон-Уатсон. При живой поддержке итальянского премьер-министра, главнокомандующего и английских и французских командующих на итальянском фронте при итальянской главной квартире была создана постоянная комиссия по пропаганде. Для этой цели Италия командировала в качестве представителя в комиссии полковника Сицилиани и в качестве члена—капитана Ойетти. Англия же и Франция командировали двух членов (подполковника Б. Грэнвиль и майора Грусс). По настоянию Стида, введены были в названный комитет в качестве членов представители угнетенных народностей по одному от каждой. По поручению лорда Нортклиффа, Стид настоял на том, что только представители этих народностей могут говорить со своими соотечественниками о жизненных вопросах, составляющих предмет их пропагандистской деятельности.

18 апреля 1918 г. комиссия начала свою работу, для которой в г. Реджиа-Эмилия была приобретена типография, печатавшая на многих языках. Начали издавать еженедельную газету. В ней помещались сообщения, собиравшиеся особым итальянским бюро, созданным в Берне профессором Боргезе. Эти сообщения печатались на чешском, польском, югославском и румынском языках. Очень ценной была помощь представителей отдельных национальностей, так как она обеспечивала необходимую точность перевода и давала содержанию сообщений нужный тон. Эти представители составляли также воззвания.

которые печатались в виде листовок. Размножались в красках патриотического или религиозного содержания картины, которые возбуждали национальные надежды или набожность национальностей. Вся эта литература непосредственно из типографии отправлялась на фронт и распространялась при помощи аэропланов, приданных (по одному) каждой из армий, при помощи ракет, из которых каждая могла поднять на себе около 30 листовок, посредством гранат или даже при помощи дозоров, вступавших в соприкосновение с неприятелем. Первоначально эти дозоры составлялись из частей войск, собранных под ответственностью различных итальянских армий, и состояли из дезертиров словацкой, югославской, польской или румынской национальностей, вступивших добровольно на эту службу против кровного врага. Эти дозоры имели чудесные успехи. Общее количество распространенных названным способом листовок достигало многих миллионов. Этим, однако, пути пропагандистской работы отнюдь не исчерпывались. Английским представителем при помощи граммофонов была организована передача чехо-словацких и югославских песен и была успешно использована для возбуждения национального чувства у различных народностей, находившихся в войсках австрийской армии. Аппараты ставились на так называемой «ничьей земле» («No mans land»), и ввиду большой близости друг от друга неприятельских окопов слова и музыка были ясно слышны.

Австро-венгерское отделение Дома Крю, начальниками которого состояли Стид и Сетон-Уатсон, оставалось в тесной связи с комиссией. Отдельными образцами пропагандистской литературы комиссия обменивалась с другими различными отделениями Дома Крю и нередко какая-либо листовка появлялась на восьми или десяти различных языках с общим тиражем в несколько миллионов экземпляров. Австро-венгерское отделение по необходимости оставалось также в теснейшем общении с чехо-словацкими, югославскими, польскими и румыскими вождями и организациями в союзных и нейтральных странах. Австро-венгерское отделение работало также сообща с г-ном С. А. Гест по организации в нейтральных стра-

нах гражданских и секретных путей, через которые можно было ввозить пропагандистскую литературу в Австро-Венгрию. Результаты пропагандистской кампании обнаружились быстро. Вскоре в австро-венгерских войсках было отмечено беспокойство, к союзникам стали перебегать дезертиры из рядов угнетенных народностей. Это являлось главной причиной, благодаря которой отложено было австрийское наступление, старательно приготовлявшееся к апрелю месяцу. Когда это наступление в конце концов было в июне начато, итальянское командование и его союзники имели подробные сведения о неприятельских планах и позициях.

К несчастью, однако, пропаганда, а следовательно и военный успех были ослаблены реакционными тенденциями итальянского правительства. Если бы итальянское правительство в мае 1918 года согласилось присоединиться к своим союзникам и провозгласить на ясном, не вызывающем никакого сомнения, языке совместную декларацию о создании объединенного и независимого югославского государства и признала бы чехо-словаков союзной и воюющей нацией, то это, несомненно, вызвало бы разгром Австрии в начале лета 1918 года.

Вместо того, чтобы воспользоваться подходящим случаем для такой совместной и мощной декларации, 3 июня 1918 г. на свидании в Версале премьер-министров Великобритании, Франции и Италии было издано следующее сообщение:

«1. Создание объединенного и независимого польского государства с выходом к морю является одним из условий справедливого мира и господства права в Европе.

2. Союзные правительства с удовольствием приняли к сведению декларацию статс-секретаря С.-А.С.Ш. относительно решений римского конгресса австро-венгерских национальностей и одновременно желают выразить искреннюю симпатию национальным стремлениям к свободе чехо-словацких и югославских народов».

Жалкая слабость второй части этого сообщения, которая текстуально прямо присоединялась к мнению, высказанному Лансингом от имени Америки, выражала взгляд оппозиции, руководимой бароном Соннино, который отверг более резкую декларацию, подготовленную Бальфуром и французским министром иностранных дел Пишоном. Это было отступле-

нием Италии от своей позиции, которую она занимала на римском конгрессе, на котором итальянский премьер-министр вполне согласился с условиями итало-югославского соглашения, которым признаны были «единство и независимость югославского народа как жизненный интерес для Италии».

В отношении чехо-словаков—английское, французское и итальянское правительства уже признали чехо-словацкую армию под управлением богемского национального совета союзной военной силой.

К концу июня Лансинг сделал значительный шаг вперед, объявив, что С.-А.С.Ш. стремятся к полному освобождению всех славянских народностей от австро-венгерского господства.

В то время, как лорд Нортклифф и его товарищи в Лондоне энергично боролись за то, чтобы наверстать потерянное время, пропагандистская организация в Италии, несмотря на колебания политиков, имела значительные успехи. Без сомнения, реакционная точка зрения, высказанная бароном Соннино в Версале, повредила действию, которое на югославские войска австрийской армии имели воззвания, распространенные в виде листовок. Несмотря на это, в австро-венгерской армии дезертирство было частым явлением. Среди дезертиров встречалось много молодых офицеров, не военных по профессии, а лиц, которые в частной жизни были адвокатами, купцами и т. п. Всех их побудила к дезертирству перспектива освобождения, которое им обещала пропаганда. Представителей других слоев общества побуждало к дезертирству намерение вновь повидаться со своими родственниками среди земляков, которые находились в итальянской армии и о которых они получали известия через бюро пропаганды. Другие же дезертиры руководились такими низменными побуждениями, как питание, удобства и личная безопасность. Замечательно то, что почти все перебежчики приносили с собою по экземпляру листовок, распространяемых союзниками.

Пропаганда весьма встревожила австро-венгерские власти. Это стало известным благодаря соответствующим армейским приказам и указаниям в австрийской и германской печати, которая даже перепечатывала некоторые из печатных пропагандистских произведений и изливалась бешеными ругательства по адресу лорда Нортклиффа. Даже больше: в

силу этого изменилась тактика австро-венгерской армии, ибо стало необходимым применение пулеметных отделений, для того чтобы помешать массовому дезертирству во время наступления на Пиаве, которое австрийцы, наконец, предприняли в конце июня. По крайней мере имеется достоверное сообщение о подавлении германскими и мадьярскими войсками бунта чешских войск. Часто отдельные солдаты или незначительные группы перебегали к нам до или во время сражения, и известен случай, когда перебежал целый отряд, а именно,— целая рота югославян. Ротный командир, энергичный югославский националист, во время своего обхода роты за несколько часов до сражения из беседы солдат услыхал, что они не имеют никакого желания сражаться. Затем ему удалось перевести к неприятелю всю свою роту.

Промедление австрийского наступления, главным образом вследствие пропаганды союзников, оказалось очень важным, ибо когда оно началось, то в тылу у австрийцев разлилась река Пиава и превратила наступление австрийцев в их поражение. Имеется достаточно оснований предполагать, что артиллерийские склады за неприятельскими линиями были взорваны чехами. Неприятельская печать распространила слух, что югославяне якобы отчаянно сражались против итальянцев, но это было официально опровергнуто. Соответствующие австрийские дивизии были скомплектованы из немцев, мадьяр, поляков и русинов. Югославские дивизии, кажется, были расформированы и были перемешаны верными Австрии войсками, из чего ясно, что австрийцы первых боялись.

Пленные в общем выражали готовность вступить добровольцами в итальянскую армию, а далмацкие пленные обнаруживали желание сражаться за Югославию и союзников.

После сражения на Пиаве главнокомандующий итальянской армией Диац собрал членов общесоюзной пропагандистской комиссии и выразил им благодарность. Приэтом генерал Диац сказал, что победа в значительной степени достигнута благодаря стараниям комиссии.

В августе 1918 г. в Доме Крю состоялась созванная лордом Нортклиффом конференция союзников по вопросу пропаганды против Австро-Венгрии. Комитет, который был образован для обсуждения политических вопросов, вполне согла-

сился с одобренным английским правительством проектом плана пропаганды. Этот проект, согласно решению английского, французского и итальянского правительств, был еще более широко разработан в связи со съездом представителей угнетенных народностей Австрии. Проектом признано было, что расширение политики, поскольку она исходила из принципов союзников, частично соответствовало действительным потребностям положения, в котором находилась пропаганда. Эти потребности вытекали из положения на фронте и в особенности из необходимости использовать принятые союзниками основные принципы для того, чтобы воспрепятствовать или задержать австро-венгерское наступление на Италию. Позднейшие действия союзных правительств и С.-А.С.Ш. указывали на то, что совместная политика союзников все более и более направлена была к планомерному освобождению угнетенных национальностей Австро-Венгрии. Главная задача комитета в области пропаганды в Австро-Венгрии, очевидно, состояла в том, чтобы согласовать различные акты и декларации и тем самым подготовить почву для совместной декларации союзников, которая бы усовершенствовала и сделала более действительной пропаганду внутри Австро-Венгрии, а также среди войск на фронте. Комитет принял предложение о том, чтобы итальянское правительство взяло на себя инициативу объявить совместную и единогласную декларацию о том, что все союзники признают одним из условий справедливого и прочного мира и торжества права в Европе образование свободного и объединенного югославского государства, в состав которого должны входить сербы, кроаты и чехо-словаки. Такая декларация была в действительности уже провозглашена итальянским правительством, но она была столь нерешительна, что ее агитационный успех был низведен до минимума.

Английские уполномоченные в Падуе сообщали о беспрерывном изготовлении и распространении листовок.

Работоспособность аппарата достигла такого развития, что ежедневно распространялся почти один миллион листовок. Доказательством ценности работы являются перебежчики, принадлежавшие к угнетенным народностям, которые приносили с собою воззвания и заявляли: «Вы меня пригласили, вот я пришел». В Лондоне, при помощи одного из членов югославского комитета, было изго-

товлено воззвание для распространения на далмацком побережьи, где установлено было скопление значительного количества югославских повстанцев.

О колоссальных военных приготовлениях Америки, которые постоянно преуменьшались противником, было послано по телеграфу в Падую подробное сообщение. Оно должно было быть переведено на различные языки Австро-Венгрии и распространено в форме листовок среди австро-венгерских войск.

Даже среди мадьяр, которые с замечательной лихостью сражались под Монтелло, были заметны успехи пропаганды. Венгерский вопрос, беспокоивший долгое время Венгрию, был использован в целях пропаганды, и кое-кто из мадьяр благодаря этому сделался перебежчиком. Постоянные усилия Дома Крю оказывали все большее и большее действие на неприятеля. Вследствие разгрома Болгарии образовался новый фронт против Австро-Венгрии, и поэтому была быстро послана в Солунь (Салоники) под начальством подполковника Грэнвиль-Бэкера комиссия, организованная по принципам Падуанской. Немедленно началась работа и вскоре обнаружилось, что конец близок. Когда союзные армии на западном (итальянском) театре военных действий стали наступать, то об их успехах и об отпадении Болгарии немедленно передавались сообщения в австрийские окопы. Это, несомненно, содействовало увеличению количества перебежчиков и беспорядку среди австрийских войск, кульминационный пункт которого вылился в разгром, достигнутый последним наступлением союзников в октябре. Благодаря этому военная и политическая организация двуединой монархии дала трещину.

Дом Крю имеет полное основание гордиться этим успехом своей работы против Австро-Венгрии. Идея всей пропагандистской компании, ее политика, ее размеры, и способы ее применения исходили от лорда Нортклиффа и директоров австро-венгерского отделения его учреждения,—Уикгема Стида и Сетон-Уатсона. Результат оправдал все принципы стратегии их пропаганды. Во всяком случае им приходилось преодолевать трудности, среди которых политическое и личное честолюбие за границей не были наименьшими. Для того чтобы успех работы был беспрерывным, требовалось неослабное внимание и постоянные совещания со всеми заинтересо-

ванными учреждениями. Результатом была величайшая победа, которую когда-либо одерживала военная пропаганда. Это было завершением планомерной кампании, которая при проведении ее до логических последствий дала бы справедливый и прочный мир, освобождение миллионов людей от тиранического ига и приобщение их к счастью политической свободы, которая является незыблемым правом цивилизованного человечества.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАМПАНИЯ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ.

Первоначальная запущенность английской пропаганды.—Военное министерство учреждает бюро.—Лорд Нортклифф вступает на свой пост.—Работа Г. Дж. Уэльса и Гамильтона Файфа.—Последняя «интенсивная» кампания.—Средства и пути.

Успешное наступление против Австро-Венгрии вызвало большие надежды на успех соответствующей кампании против Германии на западном фронте. Эти надежды разделялись премьер-министром, который 16 мая 1918 г. писал лорду Нортклиффу следующее:

«Я вижу, что вы своею австрийской пропагандой выполнили достойную удивления работу. Я надеюсь, что вы свое внимание скоро обратите на пропаганду против Германии на французском и английском фронтах, и я уверен, что можно многое сделать, чтобы *разложить германские войска*, теми же способами, которые, как мне кажется, мы с таким большим успехом уже применяли в австро-венгерской армии».

Во время первых 18 месяцев войны пропаганда была очень запущена. Лишь для немногих значение пропаганды было ясно, а официально ее даже считали неважным, второстепенным фактором. Мысль о том, что *пропаганда является военным оружием*, которое по своим результатам может заменить несколько армейских корпусов, тогда просто встречали улыбкой. Очень неохотно на такие цели давались деньги, и смелые предприятия немногих энтузиастов рассматривались как беспечные авантюры сумасбродных людей.

В октябре 1914 года подполковник (ныне генерал-майор) Суинтон, бывший тогда военным корреспондентом при английской армии, подготовил пропагандистское воззвание. Для того чтобы дать ему возможность изготовить воззвание, лорд Нортклифф предоставил ему помощь своей парижской организации, и, таким образом, было напечатано большое количество экземпляров воззвания и распространено среди германских солдат при помощи аэропланов.

Командующие армиями тогда не выразили никакого восхищения по поводу этого новшества, и полковник Суинтон не смог продолжать осуществление своего проекта.

Втечение продолжительного времени пропаганда против неприятеля находилась исключительно в руках С. А. Геста. Несмотря на несочувствие правительства и без всякой поддержки он продолжал бороться, и не давал себя запугать непрочной почвой английской пропаганды. Действительно, первоначальные способы английской пропаганды напоминали нечто вроде эпидемии: временами пропаганда имела эпидемический характер и всплывала в неожиданных местах. Заслугой Геста является устройство и функционирование агентур, при посредстве которых изготовлялась и ввозилась контрабандным путем в Германию и Австро-Венгрию пропагандистская литература. Правда, некоторые члены военного министерства высказывались за пропаганду, но долгое время они были в меньшинстве. В начале 1916 г. из Франции вернулся тогдашний генерал-майор, ныне генерал-лейтенант сэр Джорж Макдунаф и сделался директором военного осведомительного бюро.

Главным образом усилиями его и бригадного генерала Дж. К. Кокерил при военном министерстве был учрежден отдел пропаганды. Из такого зародыша постепенно разрослась деятельность этого отдела.

Весною 1916 г. одно из отделений этого отдела приступило к изготовлению листовок на немецком языке для распространения их среди неприятельских войск. Целью этих листовок было опровергнуть ложные представления, распространенные среди германских солдат, о том, что англичане и французы якобы плохо обращаются с военнопленными. Чтобы это опровергнуть, изготовлялись и распространялись копии действительно написанных германскими военнопленными писем, фотографий и описаний жизни пленных и лагерей. Когда в Германии усилилось политическое и социальное недовольство, нашли полезным просвещать германских солдат о внутреннем положении их страны в большем объеме, чем это делали их офицеры. С аэропланов сбрасывались в местах расположения фронта и в местах стоянок войск, находившихся на отдыхе, листовки, содержание которых черпалось из германских источников, так, например, из запрещенных военных статей и газет.

Далее тот же отдел издавал великолепную еженедельную газету под названием «De Courrier de l'Air» («Воздушная почта»), которая содержала сообщения на французском языке, предназначенные для распространения среди французских и бельгийских жителей территории, занятой германскими войсками. Газета эта распространялась при помощи аэропланов, с некоторыми короткими перерывами регулярно до ноября 1918 г. и, конечно, она чрезвычайно ценилась теми читателями, которые, кроме нее, могли получать информацию только из германских источников.

В течение 1917 года данные, которые были получены путем допроса военнопленных, и другие сведения, полученные из секретных источников, показали, что пропаганда дала успешные результаты, а потому дирекция военного осведомительного бюро совместно с главной квартирой приняла во Франции меры к расширению кампании, пока, наконец, весной 1918 г. количество распространяемых листовок не достигло одного миллиона в месяц.

Распространение пропагандистской литературы при помощи аэропланов было бы более легким, если бы этому не помешало особое распоряжение военных властей.

Когда началась военная пропаганда, то по распоряжению военного командования листовки разбрасывались с аэропланов. Этим путем можно было охватить значительную территорию, аэропланы могли захватить с собой весьма большое количество материала и распространить последний наилучшим образом. Немцы, напуганные таким успехом англичан, стали угрожать тяжелыми наказаниями пленным летчикам в случае поимки их за такой работой; и когда два английских летчика были взяты в плен, то немцы привели свои угрозы в исполнение. Вместо того, чтобы немедленно применить контррепрессии, английское правительство покорно уступило и отдало распоряжение о прекращении применения аэропланов для подобных целей.

Вследствие этой меры, свидетельствующей о слабости, необходимо было попытаться чем-нибудь заменить аэропланы. Имелся целый ряд годных, но менее ценных средств. Ручные и ружейные гранаты имели такое устройство, что они при разрыве рассыпались дождем листовок, правда на незначительном протяжении неприятельских позиций. Для той же

цели пользовались траншейками (орудиями). Благодаря же успехам военной метеорологии во время войны и благодаря настойчивым опытам, производившимся втечение нескольких месяцев, и различным изобретениям было признано возможным пользоваться воздушными шарами особой конструкции. Комитет изобретения воздухоплавательных аппаратов, артиллерийское управление по изобретениям, инспекция королевских военных складов в Уолвиче и офицеры военного осведомительного бюро производили опыты над применением шелковых воздушных шаров и для других военных целей. В этих опытах помогали военному министерству заводчики и другие лица. Они оказались действительными, и неприятель почти не мог их воспроизвести. Образцы и аппараты были испытаны на заводах и в лабораториях, на Лондонской опытной станции и на поле Салисбюри. Затем они были посланы во Францию и испытаны в действительных условиях войны, и, таким образом, были преодолены все имевшиеся затруднения, а все детали были упрощены. В своей нормальной форме, в которой он изготовлялся в количестве почти двух тысяч штук в неделю, воздушный шар был из бумаги, которая составлялась из 10 полос длиной в 12 дюймов с шейкой из шелка, пропитанного маслом. Ширина шара равнялась приблизительно 20 фут., а высота при наполнении водородом—более 8 фут. Максимальный объем, который можно было придать шару, равнялся 100 куб. футам, но шар пускался в воздух не туго наполненный и содержал от 90 до 95 куб. фут. водорода.

Водород легко проникает через бумагу, а поэтому часть опытов, которые доставили наибольшие затруднения, были направлены к тому, чтобы изобрести лак или краску, которая бы сделала бумагу непроницаемой для водорода. После многих разочарований был найден состав, применение которого втечение двух-трех часов препятствовало значительному выходу газа и придавало шару способность держаться в воздухе втечение 36 часов.

Сила подъема шара определяется разницей в весе между водородом и одинаковым количеством воздуха за вычетом веса самого шара. Вес бумажного шара составлял немного более 1 фунта, объем же шара изменялся в зависимости от степени наполнения его газом, от состояния влажности и

температуры воздуха. В среднем шар мог вблизи поверхности земли подымать $5\frac{1}{2}$ фунтов груза. После значительного количества опытов для каждого шара вес литературы с аппаратом, сбрасывающим последнюю, был установлен в размере четырех фунтов с несколькими унциями и таким образом стало возможным нагружать шар 500—1 000 листовками, смотря по их величине. Объем шара был достаточным для того, чтобы поднять его на высоту от 5 000 до 6 000 футов. Чем выше шар поднимается, тем более ослабевает атмосферное давление и тем более расширяется водород в оболочке шара. При первых опытах шейка шара перевязывалась после наполнения шара водородом и шар наполнялся немного более $\frac{2}{3}$ того объема, который мог быть наполнен водородом. Это делалось для того, чтобы шару дать возможность расшириться. Но это было недостаточно, ибо шар спускал груз и происходили неудачи, так как шар лопался и не могло быть уверенности в том, будет ли сброшен груз литературы. Оказалось более практичным наполнять шар почти до отказа и давать ему подыматься с открытой шейкой или с большим надрезом в нижней части шейки, чтобы дать водороду возможность уходить из оболочки шара при его расширении. При средней высоте в 4 000—6 000 футов выход водорода помешал бы свободному подъему шара и он должен был бы начать спускаться, не освободившись от своего груза.

После того как испробованы были различные остроумные механические изобретения, остановились на способе сбрасывания листовок вследствие сгорания зажигателя (запала). Соответствующей длины хлопчатобумажный фитиль, пропитанный горючим составом, похожий на фитиль кремневой зажигалки, привязывался к проволоке, которая прикреплялась к шейке воздушного шара. Дюйм фитиля сгорал втечение 5 минут. Несколько дюймов верхнего конца фитиля оставалось свободными, и груз листовок в виде отдельных маленьких пачек привязывался по длине фитиля. После наполнения шара водородом и прикрепления сбрасывательного приспособления и груза, свободный конец фитиля обрезался до желаемой длины, так что фитиль горел 5, 10 или более минут, прежде чем достигнуть до первого пакета. Обрезанный конец фитиля обыкновенно зажигался трубкой или сигарой солдата, после чего воздушный шар пускался

в воздух. Падение каждого из пакетов действовало как падение балласта и шар держался в воздухе желаемое количество времени, хотя шар беспрерывно терял водород. Этот более всего принятый способ имел целью направить воздушный шар за несколько миль за фронт и разбросать листовки, начиная от передовой неприятельской линии и за несколько миль за ней. Общая длина фитиля была равна 12 дюймам, что соответствовало часу горения. Первые 6 дюймов фитиля оставлялись свободными, чтобы их сокращать в зависимости от места расположения намеченного пункта и скорости ветра. Груз листовок распределялся на второй половине фитиля с промежутками в 2½ минуты. При более значительных расстояниях груз распределялся с большими промежутками и применялись значительно более длинные фитили. Опыт показал, что боковое разбрасывание листовок с высоты 4 000 футов и выше было значительным. Длина пройденного расстояния зависела от силы ветра.

Соответствующая войсковая часть имела 2 автомобиля, которые доставляли прислугу, цилиндры с водородом и пропагандистскую литературу в какую-либо укрытую местность, избранную офицером после предварительного совета со специалистами-метеорологами. Автомашины устанавливались параллельно друг другу на расстоянии 10 футов друг от друга. На подветренной стороне между машинами протягивался брезент так, что образовывалось пространство, закрытое с трех сторон. Затем на землю клался шар, быстро наполнялся водородом, к шару прикреплялось сбрасывательное приспособление, зажигалось, и шар пускался в воздух. Вся процедура продолжалась всего несколько минут.

Груз шара выбирался соответственно направлению ветра. Если он дул в сторону Бельгии, то к шару прикреплялись издания «De Courrier de l'Air») («Воздушная почта»), если же ветер дул по направлению к Германии, то брались листовки для неприятельских войск.

Достигнутые благодаря опытам усовершенствования состава, которым смазывалась бумажная оболочка шара для того, чтобы избежать потери водорода, и изготовление шаров с двойным нормальным объемом сделало вполне возможным покрывать свыше 150 миль расстояния.

Пропагандистская литература разбрасывалась на территории от 10 до 50 миль за неприятельской линией. К счастью,

в конце лета и осенью 1918 г. ветер дул почти беспрерывно в благоприятном направлении.

Когда лорд Нортклифф в феврале 1918 г. вступил на свой пост, Австро-Венгрия была, как уже сказано выше, главным полем его деятельности.

В то время, как Дом Крю сосредоточился на этой работе, лорд Нортклифф желал, чтобы военное министерство продолжало свою замечательную и энергичную деятельность, которую оно осуществляло с 1916 г. В начале мая 1918 г. Г. Дж. Уэльс принял предложение лорда Нортклиффа изготовить пропагандистскую литературу, направленную против Германии, и нашел в этом сотрудника в лице д-ра И. У. Гедлам-Морлей. Первой задачей считали установление определенной политики, которой следует придерживаться против Германии, дабы избежать распыления энергии и различия в методах работы. Было ясно, что эта политика пропаганды должна быть согласована с общей политикой союзников. В некоторых вопросах пропаганда следовала за целями, провозглашенными союзниками, в других вопросах пропаганда сама являлась указателем путей и шагов. Уэльс составил памятную записку о положении Германии в тот момент и представил ее «Комитету по неприятельской пропаганде», где она была детально обсуждена. Этой записке предшествовало предисловие и пояснительное письмо, которое было адресовано министру иностранных дел, и в котором, как и в вопросе о политике пропаганды против Австро-Венгрии, испрашивалась санкция английского правительства.

Памятная записка Уэльса, как современный труд знатока психологии Германии, имела величайший интерес в тот момент, когда Германия напрягала величайшие (к счастью, последние) усилия к тому, чтобы добиться мирового господства. Названный документ имеет немалую историческую ценность, и многое, что тогда было пророчеством, благодаря чрезвычайно быстрому ходу событий вошло в область истории. Неосуществление многого, не достигшего законченного вида, произошло вследствие недостатка политической зрелости в канцеляриях.

Текст предисловия к памятной записке [1]) гласил следующее:

[1]) Дабы не загромождать основного текста книги, «памятная записка» перенесена в конец книги—в качестве приложения. *Ф. Б.*

«Пропаганда в Германии, совершенно очевидно, как и в других странах, должна быть основана на ясной политике союзников. До сих пор политика и военные цели союзников излагались слишком поверхностно, чтобы быть понятными немцам.

Военная цель союзников состоит *не в том, чтобы разбить неприятеля, а в том, чтобы достигнуть всеобщего мира* [1]), который помешает возникновению новой войны. Успешная пропаганда в Германии предполагает точное определение характера мирового строя, который союзники намерены установить, и определение места, которое должна занимать Германия среди других государств.

Пункты, которые надлежит сделать ясными для немцев, суть следующие:

1. Решимость союзников продолжать войну до тех пор, пока Германия примет условия мира.

2. Существующий союз, как *военный союз свободных наций* [2]), *должен быть углублен и расширен*, и военные, морские, финансовые и экономические средства членов союза должны остаться объединенными, пока а) его военная цель не будет достигнута и б) не будет заключен мир на прочных основаниях.

Дух немцев особенно восприимчив к систематическим утверждениям, они привыкли обсуждать и понимать сопоставленные друг с другом проекты. Идеи, которые олицетворяются словами: «Берлин—Багдад» и «Средняя Европа», вполне разъяснены немцам и составляют теперь основу германской политической мысли. Другие проекты: «Берлин—Тегеран» и «Берлин—Токио» постепенно становятся им знакомыми. Этим идеям союзники еще не противопоставили всеобъемлющего и яркого проекта международной организации. На стороне союзников не имеется ничего противоположного «Средней Европе» Наумана, которое бы могло обсуждать как практическое предложение нейтральная или германская пресса. Это противоположное должно было бы быть незамедлительно создано компетентными писателями союзников. Оно образовало бы основу успешной пропаганды и само по себе имело бы результаты.

Отсюда вытекает, что одним из первых требований является: *изучить и установить основные начала действительного союза свободных народов*. Нынешний союз должен явиться ядром того союза. Особенно должно быть подчеркнуто право союза на контроль над сырьем и мореплаванием, и его власть *исключать из своего состава* на неопределенное время *неприятельские или даже нейтральные государства*, пока они не подпишутся под этими принципами и не дадут гарантий соблюдения их. Надлежит разъяснить, что прочному миру с неприятельскими нациями мешают только разбойнические

[1]) Мы во вступительной статье уже указали, какая цена этому лозунгу «всеобщего мира», который лишь прикрывает действительные империалистические цели войны. *Ф. Б.*

[2]) Уэльс говорит о «военном» союзе, потому что объединились эти нации на почве общности интересов по грабежу врагов. *Ф. Б.*

намерения господствующих наций и военной и хозяйственной касты; что союзники не имеют намерения уничтожить какой-либо народ, но намерены обеспечить свободу всех на основе самоопределения, которое должно осуществляться при условии окончательного обеспечения справедливости и честной игры; что неприятельские нации смогут лишь тогда устранить ущерб, понесенный вследствие настоящей войны, предотвратить ужасный финансовый крах и спастись от бесконечной нужды, если они примут взгляды союзников на устройство мирового порядка. Далее, чем дальше война будет продолжаться, тем более углубится ненависть негерманского ко всему германскому и тем тяжелее будут социальные и экономические затруднения, при которых придется работать самой Германии даже в случае допущения ее в союз наций.

Переворот в Германии необходим не только в интересах союзников, но и в интересах самого германского народа, и является главной военной целью союзников. Без честного сотрудничества Германии не было бы возможно разоружение в широком масштабе, а без разоружения не было бы осуществлено социальное и экономическое восстановление. Поэтому Германия должна выбирать между своим собственным окончательным разорением, если она сохранит свою нынешнюю систему управления и политики, и перспективой на политическое и экономическое спасение, если она уничтожит свою милитаристскую систему, после чего она будет в состоянии искренне приобщаться к плану союзников организации мира».

Эти документы [1]) были положены в основу политики Дома Крю, которая изложена в семи пунктах нижеуказанного письма лорда Нортклиффа Бальфуру.

Приводим некоторые выдержки из этого письма:

«Я намерен вам представить следующий общий план британской политики союзной пропаганды. Пропаганда, как активная форма политики должна быть согласована с намеченными военными целями союзников:

1. Пропаганда должна иметь своей целью ослабление способности неприятеля к ведению войны и достижению победы. Поэтому необходимо конечные цели союзников и результаты, которых они желают достигнуть путем победы, выдвинуть на первый план, ибо это больше всего интересует немцев.

Конечно, мы не можем согласиться, чтобы военные цели определялись исключительно впечатлением, которое они могут произвести на германский народ, но, с другой стороны, нежелательно, исключительно в интересах пропаганды, называть цели, которых в действительности союзники вовсе не желают добиваться. Мне кажется, однако, что наши военные цели, как я их себе представляю, представленные в надлежащей форме, могут укрепить в Германии всякую оппозицию.

[1]) Имеются в виду «Памятная записка» и «Предисловие» писателя Г. Уэльса. *Ф. Б.*

2. Из имеющихся в нашем распоряжении сведений о внутреннем положении Германии выдвигаются четко два пункта для немедленного использования:

а) Имеется много данных о том, что германский народ в целом прежде всего желает окончания войны. Германский народ страдает больше, чем его противники, и он больше устал от войны, чем мы. Он соглашается на продолжение теперешнего наступления, так как его вожди его уверили, что это—единственный путь к скорому миру. Поэтому необходимо германскому народу вбить в голову, что он стоит перед решительной и незыблемой волей союзников продолжать войну, невзирая на расходы, и что германские военные успехи не являются средством достижения мира. Необходимо германскому народу дать понять, что мы готовы продолжать беспощадную блокаду.

Этих последствий можно избегнуть, если германский народ откажется от своих империалистических планов и выразит готовность принять предложения союзников относительно нового строя международных отношений.

б) Одновременно с этим нами должно руководить следующее чрезвычайно важное соображение. Одно из главнейших средств германского правительства состоит в создании веры в то, что всякий мирный договор, который союзники, в случае своей победы, навяжут Германии, повлек бы за собой разорение Германии, а это означало бы, что всякой немецкой семье грозили бы безработица, нищета и голод. В ответ на это необходимо внушить немецкому народу, что эти последствия могут наступить, но их можно и избежать. Они наступят, если германское правительство будет и впредь обнаруживать явное намерение подчинить своему господству другие свободные нации Европы.

Изложенные два пункта а) и б) надлежит рассматривать в тесной взаимной связи: первый пункт основан на страхе, второй—на надежде.

3. Первый пункт не вызывает затруднений. Мы можем в этом направлении работать, уверенные в том, что за нами правительство и народ. Относительно второго пункта я, однако, должен у вас испросить инструкций и вашей помощи. До сих пор цели войны формулировались слишком поверхностно, и поэтому они не могли быть понятными немцам. Формулировки названных целей содержали также противоречия, которыми немцы немедленно воспользовались. Да, германским писателям удавалось даже представлять наши военные цели так, как будто они продиктованы империалистическими планами, подобными германским, и что они содержат в себе требования аннексий и контрибуций, которые раньше часто являлись результатом военной победы. Я полагаю, что действительной целью союзников является заключение после поражения Германии такого всеобщего мира, который в пределах человеческого предвидения исключал бы возможность нового пожара. По этой причине является, конечно, необходимым сохранить отдельные цели, как то: восстановление Бельгии, освобождение Эльзас-Лотарингии, создание культурного образа правления в Месопотамии и Палестине, и в соответствующих случаях выдвигать эти цели на первый план,

а именно как особые, но обязательные пункты общего плана мировой политики на основе, которая бы давала возможность устранить причины будущих войн [1]).

4. Каждый такой план в действительности должен исходить из идеи о «Союзе свободных наций».

Я предполагаю, что везде принято думать, что Германия в конце концов была бы приглашена занять свое место в этом союзе при условии признания основных принципов его существования. Допущение Германии в Союз само по себе уже исключало бы враждебную монополизацию сырьевых продуктов. Наши условия мира могли бы поэтому выставляться как условия, на которых Германия может быть приглашена участвовать в «Союзе наций». Для того чтобы иметь возможность пользоваться материальными благами, Германия была бы вынуждена принять такие политические условия. Если это так, то задача пропаганды очень облегчится, так как было бы гораздо проще цели войны облечь в форму, приемлемую до известной степени для умеренных элементов Германии, чем если эти цели были бы представлены исключительно в виде условий, которые должны быть навязаны побежденному неприятелю.

5. Ясно, однако, что осуществляемая согласно указанным точкам зрения пропаганда будет иметь незначительную ценность, если она не будет поддерживаться публичными и официальными декларациями союзных правительств. В противном случае будут говорить, что истинной целью является обмануть Германию, которая примет мирный договор, отказавшись от всего, и что тогда союзники от своих первоначальных планов откажутся, а Германия будет противопоставлена англо-саксонскому блоку, который стремится к мировому господству, и имеет намерение на долгое время сохранить Германию политически более слабой.

6. До сих пор, сколько я знаю, со стороны английского или какого-либо из союзных правительств такой декларации не последовало. То, о чем я осмеливаюсь вас просить, является поддержкой, которая нам даст возможность продолжать нашу задачу с твердой уверенностью, что мы имеем за собою помощь правительства его величества. Если бы стало известным, что само правительство совместно с союзниками обсудит данный вопрос с намерением скорее действовать, то это обстоятельство сделало бы кампанию популярной и было бы важным и необходимым стимулом.

7. Я вполне сознаю большие практические трудности, которые должны возникнуть при провозглашении общей идеи, как, например, идеи о «Союзе наций» в точно очерченной форме. Однако для нашей работы крайне необходимо по возможности скорее провозгласить какой-либо подобный принцип. Это было бы действительно предложением Германии мира, с точно установленными условиями. Если Германия примет эти условия мира, то она могла

[1]) Нортклифф настолько осторожен, что даже в секретном письме и то лицемерит. *Ф. Б.*

бы вскоре после окончания войны вступить в новое общество наций. Если Германия отклонит предложения союзников, то война должна будет продолжаться, но одновременно с этим надлежало бы объяснить германскому народу, что шансы вступления в это общество будут неизбежно уменьшаться в зависимости от продолжительности войны».

В ответ на последовавший запрос лорд Нортклифф составил дополнительное письмо, которое касалось политики пропаганды в германских колониях. Привожу следующую выдержку из этого письма:

«Относительно будущего немецких колоний я имею твердый взгляд, а именно, что эти колонии никогда больше не должны подпасть под контроль Германии в военных и военно-морских целях, а в общем мое мнение таково:

Положение союзников по отношению Германии определяется тем фактом, что Германия является виновницей войны. Поэтому союзники вправе потребовать у Германии восстановления, возмещения ущерба и гарантий как предварительных условий какого-либо мирного разрешения конфликта. Нельзя сравнивать территории, которые союзники отобрали у Германии во время их законной самообороны, с территорией, которую Германия отобрала у союзников во время своего первоначального превосходившего их по силам нападения. Торговля или мена одной территории на другую означала бы, что молчаливо приравнивают моральное положение союзников к положению Германии. Поэтому как бы ни исследовать вопрос или вопросы, а таких много, о германских колониях, надлежит добиться абсолютной ясности в том, что окончательное разрешение этих вопросов должно быть предоставлено союзникам, как военному союзу свободных наций, или даже всеобщему союзу наций, в случае, если поведение Германии ей еще своевременно даст возможность участвовать в урегулировании вопросов международной организации».

Изложенная в этих письмах политика была одобрена правительством как основа пропаганды, и г-н Уэльс мог теперь развить свою работу в различных направлениях.

Он поддерживал тесную связь с различными организациями на родине и за границей, с организациями, которые стремились осуществить идею о Союзе Наций. Уэльс помог английскому обществу, совместно с г-ном Стид, под названием «Союза Наций» еще раз разработать преследуемые им цели и способствовал учреждению общества по изучению проблем, вытекающих из идей о «Союзе Наций».

На это движение все ясней и ясней указывали немцам, ибо

оно угрожало изоляцией в будущем со всеми проистекающими отсюда экономическими неприятностями, и было также требованием национального раскаяния.

Следующая директива требовала обращения с воззванием к германским рабочим. С этой целью Уэльс составил и издал краткое изложение целей войны английского рабочего класса. Этим позднее воспользовались не только в Германии, но и в Австрии.

Уэльс и его помощники сделали экономическое положение Германии во время и после войны предметом систематических научных исследований с целью вызвать упадок духа. В коммерческих кругах Германии не было недостатка в признаках злых предчувствий относительно потери рынков, флота и колоний в случае поражения. Здесь имелся удобный случай убедить немцев в том, что чем дольше они будут продолжать войну, тем значительнее будут их потери и страдания.

К сожалению, г-н Уэльс в июле убедился в невозможности для себя продолжать руководство германским отделением. «Комитет по пропаганде против неприятеля» удовлетворил ходатайство Уэльса об отставке, хотя он и после этого оставался членом комитета. Преемником Уэльса был назначен и оставался на этом посту до конца Гамильтон-Файф. Он развил кампанию пропаганды, согласно прежним директивам.

Со времени назначения Уэльса Дом Крю и отделение пропаганды при военном осведомительном бюро находились в постоянной тесной связи. Однако в июле лорд Нортклифф написал военному министру, что считал бы правильным, чтобы английские пропагандистские агентуры по техническим соображениям и во избежание возможных разноречий в пропагандистской литературе работали насколько возможно теснейшим образом. Хотя лорд Нортклифф охотно признавал наличие чрезвычайно дружественных отношений, поддерживаемых при посредстве майора Керри между сферой его, Нортклиффа, деятельности и отделением пропаганды при военном министерстве, но лорд Нортклифф считал своевременным, чтобы вся пропагандистская литература изготовлялась в Доме Крю. Это, однако, не исключало возможности распространения литературы по военным путям, которое было уже великолепно организовано и производилось военными учреждениями. Действительно,

значительная часть этой литературы, за исключением так называемой «привилегированной» литературы, о которой будет сказано ниже, по требованию лорда Нортклиффа изготовлялась в военном министерстве.

Ввиду необходимости сделать пропаганду более интенсивной и более широкой лорд Нортклифф требовал скорейшего осуществления названного дела. С согласия лорда Мильнера было отдано распоряжение, чтобы капитан П. Чалмерс-Митчел, известный ученый, под начальством которого находилось названное выше отделение пропаганды, перешел в Дом Крю. Это было ценным усилением, и опыт, знания и советы П. Чальмерс-Митчеля имели большую практическую ценность. Кроме того капитан Чалмерс-Митчель был офицером для связи с военным министерством (как преемник графа Керри) и с военными воздушными силами и он согласовывал с г-ном Гамильтон-Файф вопрос об изготовлении и распространении литературного материала.

Эта централизация вскоре дала плоды. Первым последствием было устранение известного промедления, которое вызывало устарение содержания листовок вследствие разницы во времени между изготовлением и распространением. Этот недостаток был устранен тем, что листовки разделили на две категории: «привилегированные» листовки, то есть с новостями и «запасные» с менее важным содержанием.

Далее было установлено точное распределение сроков для «привилегированных» листовок, причем сроки для отдельных процессов изготовления, как то: составление текста, перевод, печатание, перевозка во Францию и распространение, доведены были до минимума. Поддержка типографии «Гаррисон и сын» и фирмы «Братья Гамэдж», взявших на себя прикрепление листовок к сбрасывательному приспособлению воздушных шаров, сделала возможным, что воззвания попадали к немцам приблизительно через 48 часов после того, как они были написаны. По три раза в неделю, спешным порядком во Францию посылался транспорт не менее чем в 100 000 подобного рода листовок, для того чтобы там аккуратно переправлять его к немцам. Это сделалось фактором величайшей важности, так как военные события за последние месяцы разыгрывались чрезвычайно быстро.

В июне и июле общее количество разбросанных над и за

германскими линиями листовок равнялось 1 689 457 и 2 172 794 экземпляров. В августе было даже достигнуто количество свыше 100 000 штук листовок в среднем в день, а общее количество изданных бюро пропаганды листовок составляло в августе 3 958 116, в сентябре 3 715 000 и в октябре 5 360 000 экземпляров, в то время как за первые 10 дней ноября до перемирия, положившего конец всей этой деятельности, издано было 1 400 000 листовок. Германцы пришли в большое замешательство.

Один из их писателей наглядно называет этот поток воззваний «английским ядом, который падал с господнего ясного неба». Маршал Гинденбург в своей автобиографии «Из моей жизни» признает, что эта пропаганда ускорила деморализацию немцев. «Это было,—пишет он,—новым оружием или вернее сказать—орудием, которое в таких размерах и с такой беспощадностью еще никогда не применялось».

Листовки были составлены простым языком и должны были сообщить немцам правду, которую от них скрывали их правители.

В воззваниях давались сообщения о ходе событий на всех театрах военных действий, а при помощи стратегических карт, изображенных в несколько красок, показывалось очень наглядно, какая территория завоевана союзниками. Важное значение также придавалось большому количеству войск, ежедневно прибывавших на фронт из Соединенных штатов Америки.

В то время как, с одной стороны, при помощи рисунков убедительно изображалось все усиливающееся увеличение американских войск, с другой стороны, резко подчеркивались германские потери и вытекавшая отсюда бесполезность приносить новые жертвы во имя проигранного дела. Впечатление, которое производилось на германские войска, свидетельствуется той же автобиографией Гинденбурга: «Недовольство и разочарование в том, что война, несмотря на все наши победы, не будет иметь конца,—пишет он,—подорвали стойкость многих наших храбрых солдат. Опасности и лишения на фронте, сражения и жалобы, во главе которых шли жалобы родного дома на некоторые действительные и воображаемые лишения,—все это постепенно имело деморализующее влияние в особенности вследствие того, что не видно было конца. Дождем воззваний изливались над нами неприятельские летчики,

и в этих воззваниях противник писал, что он о нас вовсе неплохого мнения, что мы только должны быть благоразумными и, быть может, отказаться от того или иного завоевания. Тогда все опять быстро будет в порядке, и мы могли бы жить в мире друг с другом, в вечном всеобщем мире. Что касается мира в нашей собственной стране, то об этом позаботятся новые люди и новые правительства. Каким благодатным был бы этот мир после всех боев. После этого не имелось бы больше оснований продолжать борьбу. Это было содержанием того, что наши солдаты говорили и читали. Солдат думал, что не все это было неприятельской неправдой, отравлялся этим и со своей стороны отравлял дух других солдат».

Несмотря на такие комплименты по поводу успешного действия распространяемых воззваний, эта часть работы все-таки являлась «шипом в теле» Дома Крю. Распространение воззваний с аэропланов было идеальным способом, и решение прекратить применение аэропланов для этих целей являлось для лорда Нортклиффа серьезным препятствием. Сбрасывание воззваний с воздушных шаров зависело от попутных ветров и могло применяться только в одном направлении, в то время как аэропланы могли покрыть гораздо более широкую территорию и развить большую скорость. По различным поводам лорд Нортклифф настаивал на применении вновь аэропланов. На его первое предложение в начале мая лорд Мильнер ответил, что английские правительственные учреждения рассмотрели утверждения немцев о том, что разбрасывание пропагандистской литературы с аэропланов противоречит законам войны, и сообщил, что английские правительственные учреждения издали официальные сообщения о том, что они немедленно применят репрессии, если узнают, что английский летчик за такую деятельность будет наказан. Хотя распространение литературы при помощи аэропланов временно запрещено, соответствующее правительственное учреждение сохранило за собой право возобновить в любой момент эту деятельность, и констатировало, что между тем соответствующая литература будет распространяться при помощи других, и как ожидается, лучших средств. Однако соглашались с тем, чтобы на итальянском фронте не наступал перерыв в применении аэропланов для целей пропаганды.

Спустя месяц лорд Нортклифф вновь запросил, сделано

ли что-нибудь для того, чтобы отменить временный перерыв распространения воззваний на западном фронте при помощи аэропланов. Лорд Нортклифф и его помощники, по его словам, испытывали чувство, что пропагандистская деятельность против Германии вследствие отказа от этого способа встретит серьезные затруднения, тем более, что германцы, по его сведениям, сами спокойно продолжают с аэропланов сбрасывать воззвания в английские линии. Он не может утверждать, что распространение воззваний при помощи воздушных шаров так же точно и успешно. Достойным внимания комментарием к поведению англичан являлось то обстоятельство, что французы все еще пользовались на западном фронте аэропланами для тех же целей.

Прошло много недель прежде чем военный кабинет разрешил возобновить пользование аэропланами для пропаганды и даже и после этого, со стороны кабинета были препятствия. Наконец, однако, не ранее конца октября, все препятствия были устранены. В течение недели было изготовлено 3 000 000 воззваний для распространения внутри Германии, причем разбрасывание их с аэропланов началось незадолго до перемирия.

Когда летом 1918 года в военных операциях произошел перелом, пропаганда получила большее значение, чем когда-либо. Военные поражения сделали германских солдат более восприимчивыми к пропаганде, по отношению к которой они в случае победы были бы слепы и глухи. В особенности, однако, привели германский народ в смятение успехи союзников, а так как сообщения о них распространялись тщательно организованными Домом Крю агентурами, подавленность настроения у германского народа сделалась всеобщей. Торговые круги обнаружили большой страх перед угрожающей экономической войной и таким образом была подготовлена благоприятная почва для взглядов, которые распространяла пропаганда. Бросающийся в глаза, очень важный путь для подготовки таких взглядов состоял в том, чтобы речи руководящих британских государственных деятелей в соответствующей форме и немедленно сообщались в неприятельские страны. Были найдены средства для осуществления этого. При подходящих случаях организовывалось опубликование в нейтраль-

ных и перепечатка в неприятельских газетах интервью с британскими общественными деятелями по важным вопросам.

Собранный Уэльсом ценный материал о британских успехах в таких отраслях промышленности, в которых ранее Германия пользовалась превосходством, был использован г-ном Файф различными способами. Статьи на эту тему посылались немецко-швейцарским газетам и перепечатывались ими и, как известно, многими читались в Германии. На немецком языке издавались листовки, содержавшие серьезные предостережения, и распространялись разными путями, подготовленными настойчивым и изобретательным г-ном Гест. Этим же путем было ввезено в Германию большое количество каталогов выставки достижений британской науки в Лондоне. Эти каталоги в Германии усердно расхватывались и читались. Приэтом выяснилось, что изучение этих печатных произведений влияло на более просвещенную часть германского населения сильнее, нежели всякая другая пропаганда.

От времени до времени подбирались особенно интересные предметы.

Например в Швейцарию и Скандинавию послана была серия «Лондонских писем», которые должны были вызвать впечатление, что они написаны в дружественном для Германии смысле, на самом же деле они под определенной маской рисовали соответствующую действительности картину положения продовольственного вопроса и других вопросов в Великобритании. К нашему удовлетворению, мы находили эти письма в неприятельских газетах, и это побуждало немецкого читателя делать сравнения с значительно худшими условиями жизни в Германии. Изобрели также секретные средства и пути, по которым в германских морских портах распространялись воззвания, которые должны были отпугивать от службы на подводных лодках. Эти воззвания содержали длинный список или взятых в плен командиров подводных лодок с точным указанием их чинов. Детали, соответствие действительности которых можно было легко проверить, показывали превосходство английского флота над германскими подводными лодками и очень понижали настроение в германских морских портах.

Кроме так называемых «привилегированных» воззваний с сообщениями об успехах союзников и различными заштрихо-

ванными военными картами и графическими изображениями издавалась «Окопная газета» в таком виде, что ее обязательно должны были признать немецким изданием. Внешняя форма всей газеты была такова, точно она печаталась на родине,—в ее заголовке был помещен портрет кайзера—и она давала великолепный материал для чтения, так как она обращалась к германским солдатам и раскрывала им такие факты, о которых они до сих пор не имели никакого понятия. Распространялось около 250—500 000 экземпляров каждого еженедельного издания. Другие газеты имели религиозный характер. В этих газетах говорилось, что германские военные поражения являются справедливой карой за преступления германского правительства. Один выпуск содержал краткую проповедь на текст: «Будьте уверены, ваш грех падет на вашу главу». С усилием сознания того, что резервы иссякают, германцы все более и более стали опасаться подвоза американских войск, артиллерии и снарядов. Дом Крю не пропускал случая, чтобы не осведомлять неприятельские армии и мирное население о колоссальных размерах усиленных американских военных приготовлений. Был выпущен целый ряд воззваний, которые в сильной и связной форме сообщали новейшие детали военных приготовлений на фронте и в тылу—на заводах, верфях и в сельском хозяйстве.

Английская пропаганда против Германии имела целью возбуждение в германском народе известной надежды на скорое заключение мира и, с другой стороны, внушение большого страха перед затяжкой войны; другими словами, целью этой пропаганды было дать германскому народу понять, что единственное средство для него избежать полнейшего разорения—это порвать с системой, которая навлекла войну на Европу, и оказаться достойным допущения впоследствии в «Союз Наций» на основе принципов союзников. Кроме этих мер, необходимых для воспитания, неприятельская армия беспрерывно снабжалась безусловно правдивыми сообщениями относительно действительного военного положения. Достоверность сообщений приэтом была важнее их количества. Мы доставляли сообщения, которые германские власти скрывали. Отсюда происходят громкие

предостерегающие призывы маршала Гинденбурга и генерала Хутнера, которых мы коснемся ближе в следующей главе.

Так называемая «интенсивная пропаганда» последних недель военных действий предъявляла правительству Гогенцоллернов обвинение. Говорилось, что все страдания и печали Германии должны быть приписаны старому строю, который в первую голову должен быть сметен с лица земли, прежде чем свет опять подружится и будет вести дела с Германией. Словами и иллюстрациями доказывалось, что германскому правительству нельзя верить и что оно является большим препятствием к заключению мира. Обращено было также внимание на разыгравшиеся тогда изменения, на крики об отречении кайзера и на усилившееся требование о наказании всех тех, которые довели Германию до ее рокового положения. Немецкого солдата убеждали подумать, стоит ли рисковать своей жизнью, если ему не за что воевать, и ему внушалось, что лучше всего было бы бежать, возвратиться к себе домой и позаботиться о безопасности его семьи. Последствия продолжения войны были для Германии ясно и понятно описаны. Военные карты и графические изображения давали ясно понять, насколько усилились воздушные атаки союзников на Германию, насколько количество воздушных эскадр союзников все более увеличивалось и бросаемые бомбы становились более сильно действующими, и как легко было бы атаковать Берлин, Ганновер, Гамбург и другие города, избегнувшие до сих пор этой судьбы. Особая карта показывала также все пароходные линии, по которым доставлялось в Англию и Францию продовольствие, снаряды и сырье и насколько ложны были утверждения германских руководящих политических деятелей, что мы якобы голодом можем быть вынуждены к уступкам.

Благодаря любезности Адмиралтейства и министерства осведомления мы пользовались регулярно радиотелеграфом для распространения разъяснений, которые должны были опровергнуть ложные германские утверждения и повлиять на взгляды немцев при помощи нейтральных газет и общественного мнения.

Г-н Гест, деятельность которого требовала чрезвычайно напряженного терпения и выдержки, организовал агентуры по ввозу пропагандистской литературы

в неприятельские страны. Гест прибегал ко всяким способам, так что ввоз литературы увеличивался, несмотря на бдительность немцев. Некоторые из этих способов никогда нельзя будет предать огласке, но можно намекнуть, что, например, среди рабочих определенной иностранной нации, которые каждое утро ездили в Германию и каждый вечер оттуда возвращались, находились такие, которым работа по пропаганде не была неудобной. Само собой разумеется, не все тайные агенты, находившиеся внутри Германии, были подданными какого-либо союзного или нейтрального государства. Каким-либо способом доставлялись по почте по определенным адресам целые массы литературы, от которых кассы германских почтовых учреждений не имели никакого дохода. Наиболее удобными оказались бросающиеся в глаза и совершенно невероятными способами открытые пути проникновения пропагандистской литературы, как, например, книжная торговля, которая вовсе не так строго цензуровалась, как этого можно было ожидать. Никто так не был удивлен, как английские пропагандисты, той легкостью, с которой столь ценный агитационный материал, как записка князя Лихновского тайно курсировала по Германии и Австрии. Быть может, с удовлетворением можно указать на одну достопримечательность, а именно на то, что внешние обложки книги с заголовками произведений видных немецких писателей не всегда соответствовали содержанию книг, но часто ведь, как говорит поэт, «Вещи не всегда то, чем они кажутся».

Личная пропаганда среди подданных неприятельских стран в нейтральных государствах и особенно среди тех, которые не были согласны с превратными идеалами их отечества, производилась весьма тактично. Подданные нейтральных государств, занимавшие всякого рода выдающиеся посты и взгляды которых, вероятно, могли с успехом повлиять на общественное мнение неприятельских государств, втягивались в сферу полезного личного общения, заботливо «кормились» корреспонденты газет неприятельских стран. Ни один путь к проникновению в ряды неприятельских стран не рассматривался как неимеющий значения, ибо каждый из этих путей приносил пользу.

Кроме работы в неприятельских странах Дом Крю взял на себя также пропаганду среди военнопленных в

лагерях внутри Великобритании. Первой необходимостью было искоренение идей милитаризма, если последний у пленных еще сохранил какие-либо иллюзии, которых их собственный опыт еще не смог подорвать. После этого военнопленным внушалась мысль о превосходстве демократического образа правления. По справедливости думали, что если пленных удалось бы убедить в том, что правительство данной страны может существовать только на основании свободной воли и с согласия управляемых, то в желательном направлении уже был бы сделан покрайней мере маленький шаг.

Такое благодетельное действие на пленных произвело бы при их возвращении на родину впечатление на их соотечественников и принесло бы плоды в письмах к друзьям путем высказывания измененных взглядов. По Великобритании были раскинуты различные лагери для военнопленных, из которых каждый находился под ведением ответственного перед военным министерством коменданта. Покойный сэр Чарльз Никольсон (баронет), заслуженный член комитета по пропаганде, взял на себя руководство соответствующим отделом Дома Крю. Обыкновенно он путем личных переговоров с комендантом каждого лагеря выяснял, какие газеты и книги разрешены к обращению в лагере и какие английские и германские газеты больше всего читаются. Затем он передавал коменданту список книг и газет, которые для этой цели были разрешены, и предлагал коменданту распространять их среди пленных и включить их в библиотеку, которая имелась в каждом лагере. Среди газет, которые были признаны полезными для данных целей, имелись венская «Arbeiter Zeitung», «Vorwärts», «Berliner Tagesblatt», «Volksstimme», далее листовки, как, например, князя Лихновского: «Моя лондонская миссия», Германа Фернау «Именно потому, что я немец» д-ра Карла Либкнехта «Письма к военному суду», д-ра Мюлонса «Виновность германского правительства в возникновении войны», далее «Опустошение Европы», д-ра Антона Нюстрэма «Перед трибуналом» и кроме того немецкий перевод Г. Дж. Уэльса «M-r Britling cees it throug» далее экземпляры г-на Дж. В. Жирара «Мои четыре года в Германии».

Посылавшиеся военнопленными на родину письма, конечно, просматривались цензором. Подчас этот про-

смотр показывал, что известные личности среди пленных воспринимали пропаганду, и была дана задача таких военнопленных особенно щедро снабжать литературой.

Также и допрос военнопленных был полезным для того, чтобы выяснить, какие мысли о причинах войны, о продолжении событий и об окончательном успехе или неудаче господствовали в умах немцев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРИЗНАНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ.

Мнение Гинденбурга.—Комментарии германской печати.—Людендорф о способах и влиянии английской пропаганды, направленной против центральных держав.

В виду возможных замечаний относительно английской пропаганды в передовицах или сообщениях и взглядах, высказанных руководящими политическими и военными деятелями, Дом Крю внимательно следил за печатью в неприятельских странах.

Недобрые предчувствия, вызванные ходом событий и предсказанные нашей пропагандой еще в августе 1918 года, нашли отзвук в органах печати. Позднее полился настоящий поток жалоб со всевозможных сторон, точно запруженная река прорвала плотину. Генералы соревновались с писателями, посылая проклятия по адресу английского министерства пропаганды, черня лорда Нортклиффа и заклиная германские войска и народ не поддаваться действию листовок, которые в то время проникали в отдаленнейшие деревни. Эти словоизвержения свидетельствовали о страхе перед поражением, который овладел немцами, и в Англии они правильно считались предвестниками конца, который так драматично разыгрался впоследствии в ноябре 1918 г. Было ясно, что само германское правительство не считало разумным запрещать опубликование таких признаний относительно вредности английской пропаганды. Невозможно было остановить подымающийся поток правды о Германии.

Утомительной была бы попытка перечислить даже незначительную часть невольных признаний об успехах того отделения военного министерства, которое находилось под начальством сэра Георга Макдоноф, и о достижениях Дома Крю. Быть может лучшим примером является приказ, изданный не кем другим как самим фельдмаршалом Гинденбургом— военным кумиром и олицетворением германского милитаризма. Вот текст этого замечательного документа:

«Мы находимся в жестокой борьбе с нашими врагами. Если бы численное превосходство обеспечивало победу, то Германия давно была бы разбита. Но враг знает, что Германию и ее союзников силою одного оружия нельзя одолеть. Он также знает, что дух, который присущ нашим войскам и народу, делает нас непобедимыми. Поэтому враг, борясь против нашего оружия, одновременно вступил в борьбу с германским духом. Враг пытается отравить наш дух и думает, что немецкое оружие притупится, когда разложится немецкий дух.

Мы не вправе легко относиться к этому намерению врага, так как он ведет поход против нашего духа самыми различными средствами. Не только ураганным артиллерийским огнем, но и ураганным огнем печатной бумаги бомбардирует он наш фронт. Кроме его бомб, которые убивают тело, его летчики разбрасывают листовки, которые должны убивать душу.

Таких листовок наши солдаты сдали начальству:

в мае	84 000 экземпляров
в июне	120 000 „
в июле	300 000 „

Колоссальное увеличение. Ежедневно 10 000 отравленных стрел в июле, ежедневно 10 000 раз повторяемая попытка отнять у отдельного лица и у всех веру в справедливость нашего дела и в силу и нашу конечную победу. Кроме того мы должны принять во внимание, что большое количество таких воззваний нами вовсе не было найдено».

«ОТРАВЛЕНИЕ ДУХА В ТЫЛУ.

Враг не ограничивается посягательствами на бодрый дух, господствующий на фронте. Он стремится во что бы то ни стало отравить дух армии в тылу. Он знает какие источники сил тыл получает с фронта. Правда, аэропланы и воздушные шары врага не заносят этих листовок далеко вглубь нашего отечества, они остаются в пределах линии фронта, где враг напрасно с оружием в руках борется за одержание победы. Но враг надеется, что кое-кто из солдат пошлет к себе домой листовку, которая так невинно упала с неба. На родине листовка передается из рук в руки и обсуждается за кружкой пива, в семье, в мастерских, на фабриках и на улице, таким образом, многие тысячи людей простодушно воспринимают яд. Для многих тысячей бремя, которое на них взвалила война, возросло, и у них прошла надежда на победный исход войны. Все эти люди пишут о своих сомнениях на фронт, и Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо потирают себе руки.

И в другой форме враг действует против духа, господствующего в тылу. Пускаются в обращение самые вздорные слухи, имеющие целью сломить нашу силу сопротивления. Мы встречаем эти слухи одновременно в Швейцарии, в Голландии и в Дании, откуда они, как волна, разливаются по всей Германии. Или же

они возникают одновременно одинаковые по содержанию во всех глупых деталях в самых отдаленных углах нашего отечества, в Силезии, Восточной Пруссии и Рейнской провинции, и отсюда распространяются по остальной части империи. Этот яд действует на отпускников и разливается в письмах на фронт. Опять враг потирает себе руки. Противник изобретателен, он умеет приготовить порошок для каждого. Он приманивает к себе солдат на фронте. Одно из его воззваний гласит:

«Немецкие солдаты. Бесстыдная ложь, что французы плохо обращаются с германскими пленными. Мы не звери. Без всякого страха переходите к нам. Здесь вас хорошо встретят, вы найдете хорошее питание и будете наконец иметь покой».

Поговорите об этом с честными солдатами, которые с невероятными трудностями смогли бежать из неприятельского плена. Вконец ограбленные, в окруженных проволочными заграждениями концентрационных лагерях, без крова, вынужденные голодом и жаждой к изменническим сообщениям, вынужденные побоями и угрозами смертью к предательству товарищей, оплеванные, забрасываемые французским населением грязью, когда их гонят на работу,—вот каков рай, который вам обещает неприятель.

Перепечатки писем, которые действительно написаны были пленными, и в которых рассказывается, как им живется, так же сбрасываются неприятелем. Слава богу, в Англии встречаются также порядочные и человечные коменданты лагерей для военнопленных, но это—исключение, и лишь 3 или 4 письма беспрерывно сбрасываются неприятелем, но зато он их распространяет в многих тысячах экземпляров. Пугливых людей неприятель запугивает, говоря:

«Ваша борьба безнадежна, Америка вас одолеет, ваши подводные лодки никуда не годятся, ибо мы строим больше военных судов, чем уничтожается подводными лодками. После войны мы вас отрежем от источников сырья, тогда должна погибнуть промышленность Германии. Ваших колоний вы больше не увидите».

Вот тон их листовок. Они то соблазняют, то угрожают».

«ГЕРМАНСКИЕ ФАКТЫ И ВООБРАЖЕНИЕ.

Каково же действительное положение вещей? Мы добились мира на востоке и достаточно сильны того же добиться на западе, несмотря на участие в войне американцев, но мы должны быть сильными и единодушными. Вот то, против чего враг борется своими воззваниями и распространяемыми им слухами. Он стремится лишить нас веры и уверенности, силы нашей воли и наших сил. Почему он постоянно ищет новых союзников в борьбе с нами? Почему он пытается втянуть нейтральные государства в войну с нами? Потому что мы его превосходим силами. Почему он натравливает чернокожих и других цветных на немецких солдат? Потому, что он желает нас уничтожить.

Далее противник говорит: «Вы, немцы, форма вашего управления неправильна. Боритесь против Гогенцоллернов, против капитализма, помогите нам, Антанте, создать для вас более хорошую форму государства». Противник совершенно точно знает какая

сила заложена в нашей государственной форме и нашей империи, и именно поэтому враг против нее борется. Он также пытается взбороздить старые раны государственной политики. Своими листовками и слухами он стремится посеять разногласие и недоверие между союзными государствами империи. На Баденском озере мы конфисковали много тысяч воззваний, которые были предназначены к посылке в Баварию, с целью подстрекательства южных германцев против северных. Неприятель жаждет разрушения империи, которая сотни лет была мечтою немцев и которую создали наши отцы, и желает Германию сделать такой же бессильной, какой она была во время тридцатилетней войны.

Нашу верность по отношению к нашим союзникам враг также хочет подорвать. Он не знает характера немцев и верность своему слову немца. Враг сам жертвует своими союзниками. Тот, кто является другом Англии, погибает благодаря этой дружбе».

«ИЗМЕННИКИ ОТЕЧЕСТВА.

Те из отравленных, опущенных в типографскую краску стрел, которыми неприятель воспроизводит мнения немцев и немецких газет, не являются самыми безопасными. Мнения германских газет, выхваченные из текста без всякой связи.

Что же касается мнения отдельных немцев, то нужно сказать, что всегда были сознательные и бессознательные изменники своего отечества. Большинство из них живет в нейтральных странах, чтобы не участвовать в наших боях и лишениях или быть судимыми нашими судьями. Приверженцы же какой-нибудь крайней партии не имеют права утверждать, что они говорят от имени всего германского народа.

В том-то и состоит наша сила, но и наша слабость, что мы во время войны разрешили свободу мнений. Мы все еще терпели в наших газетах передачу неприятельских военных сообщений и речей неприятельских политических деятелей, которые являются прямым оружием против духа германской армии и германского народа. Это является признаком силы, ибо свидетельствует о сознании наличия силы, но это также слабость, ибо дает возможность неприятельской отраве проникнуть к нам.

Германская армия и германское отечество! Если одна из этих сброшенных неприятелем ядовитых крох в форме воззваний или слухов попадется вам на глаза или дойдет до вашего слуха, то помните о том, что она исходит от врага. Помните, что от него ничего не исходит, что не вредно для Германии. Всякий, какое бы положение он ни занимал, и к какой бы партии он ни принадлежал, должен об этом помнить. Если вы встретите кого-либо действительно германского происхождения и носящего немецкую фамилию, но находящегося в действительности в лагере неприятеля, то держитесь подальше от него, презирайте его, ставьте его публично к позорному столбу, дабы всякий другой добрый немец его мог презирать.

Германская армия и германское отечество, защищайтесь!»

Опасение Гинденбурга, что лишь незначительная часть подобранных листовок будет сдаваться властям, безусловно имело оправдание. Называемые им цифры дают основание утверждать, что сотни тысяч листовок посылались солдатами на родину.

Воззвание Гинденбурга является интересным психологическим этюдом. Надежды не оправдались. Смущение перешло в отчаяние, а отчаяние посеяло дикий гнев и ненависть. Распространение нежелательных фактов вынудило его разразиться ругательствами и этим путем дать ценные доказательства действий, какие пропаганда союзников начала оказывать на германские войска и общество.

После столь знаменательного изречения оракула не будет казаться удивительным, что другие восприняли это предостережение. Недолго спустя после этого нам в руки попался следующий, подписанный командиром шестого армейского корпуса генералом фон-Гутьер, в высшей степени интересный приказ:

«Враг начинает сознавать, что нас нельзя одолеть блокадой, численным перевесом или силой оружия, поэтому он пробует последнее средство. Напрягая до крайности свои военные силы, он одновременно прибегает к хитрости, лукавству и другим малоценным методам, в которых он является превосходным мастером, и вызывает в германском народе сомнение в его непобедимости. С этой целью враг учредил особое министерство (министерство разрушения германской веры в себя), во главе которого он поставил отъявленнейшего во всей Антанте мошенника—лорда Нортклиффа. Последний выбросил биллионы для воздействия на общественное мнение внутри страны и на фронте при помощи оплачиваемых агентов, убийства послов и всяких других излюбленных у Антанты средств.

Способ, применяемый лордом Нортклиффом на фронте, состоит в разбрасывании летчиками листовок и воззваний; грубейшим способом подделываются письма германских военнопленных, сочиняются трактатики и листовки, авторы которых ложно выдают себя за германских политических деятелей, поэтов и писателей, или которые вызывают представление, что они напечатаны в Германии и, например, носят заголовок какой-либо рекламной серии, тогда как в действительности исходят от нортклиффовской прессы, которая с этой целью работает день и ночь. Этими обманами, как ни легко они распознаваемы для человека, который данное дело дважды обдумает, лорд Нортклифф стремится вызвать сомнение хотя бы на один миг в умах тех, которые сами не умеют думать, и подорвать нашу веру в своих вождей, свои силы и неисчерпаемость средств Германии.

К счастью, Нортклифф, министр разрушения германской веры

в себя, забывает, что германские солдаты не негры, не индусы, не необразованные французы, англичане или американцы, которые не в состоянии разгадать подобные проделки. Разъясните своим молодым неопытным товарищам эти гнусные попытки, скажите им, чего от них ожидает наш смертельный враг и что поставлено на карту. Собирайте листовки и сдавайте их своим начальникам для направления их в штабы армий, которые могут сделать ценные выводы о целях наших врагов. Этим путем вы поддержите командование и будете способствовать приближению часа окончательной победы».

Утверждения, что лорд Нортклифф истратил огромные суммы денег, комичны. Как уже было выше указано, общая стоимость операций, производившихся Нортклиффом, была значительно меньше $^1/_{100}$ части ежедневных военных расходов Великобритании.

Германские армейские приказы, попадавшие в руки союзников, ясно показывают, как далеко зашло влияние листовок на неприятельские войска. Офицерам и солдатам грозили тяжелыми наказаниями за уклонение от немедленной сдачи листовок начальству. С другой стороны, установлено было вознаграждение за сдачу неизвестных еще экземпляров листовок, книг, воззваний и картин, по следующей таксе: 3 марки (около 1 руб. 50 коп). за 1 экземп., 30 пфенигов (около 15 коп.) за каждый следующий экземпляр; 5 марок за книгу.

Изданный Людендорфом приказ показывает, что действие пропаганды на войска распространялось также и на население Германии. Этот приказ гласит:

«Все чаще поступают из страны жалобы, что солдаты, находясь в отпуску, своими замечаниями, граничащими в действительности с изменой и подстрекательством к неповиновению, производят очень неблагоприятное впечатление. Подобные инциденты смешивают с грязью честь каждого в отдельности и всей армии в целом и оказывают чреватое последствиями действие на дух народа».

Высокого чина офицер фронта, который описывает в «Kölnische Zeitung» от 31 октября 1918 года деморализацию, сказал:

«Больше всего нам вредила бумажная война, которую вел неприятель. Последний ежедневно сбрасывал на нас 100 000 листовок, которые были очень хорошо подобраны и искусно изданы».

Это было уточнено донесением полученным министерством иностранных дел за месяц до этого, гласившим следующее:

«Разбрасываемые неприятельскими летчиками воззвания производят сейчас гораздо большее впечатление. Вместо того чтобы их бросить и над ними смеяться, как это случалось раньше, листовки поднимаются и читаются. Нет сомнения, что последние сообщения серьезно подорвали дух германской армии и народа. Один из упомянутых выше возвратившихся с фронта офицеров сказал, что если бы Антанта знала, какой яд эти листовки вызвали в умах солдат, то они упразднили бы снаряды и в будущем бомбардировали бы неприятеля исключительно бумагой».

Что ни угрозы, ни обещания вознаграждения не могли достигнуть сдачи листовок Главной квартире, ясно вытекало из показаний военнопленных за последние четыре месяца военных действий, а также из того, что большинство военнопленных имели при себе английские листовки. Среди вопросов, которые возбуждали их особое внимание, были: ответственность Германии за возникновение войны, за применение ядовитых газов и за обстрел неукрепленных населенных пунктов; затем безуспешность атак цеппелинов и подводных лодок при попытках воспрепятствовать доставке продовольствия и войск, далее, прибытие на фронт американских войск, военные цели союзников, сравнение продовольственного вопроса в Германии, с одной стороны, и в Англии, с другой стороны; выдержки из германских социалистических газет. Жители вновь занятой территории подтверждали успех пропаганды среди германских войск и указывали на падение духа и увеличение числа дезертиров, которое приписывали пропаганде.

Политики и газеты были также очень взволнованы и подняли громко голос в пользу создания организации по контрпропаганде. Г-н Ф. Штосингер изобразил в «Frankfurter Zeitung» английскую пропаганду как «сложнейшую и опаснейшую из всех» и привел неисчислимое количество мероприятий. Военный министр генерал фон-Штейн достаточно смело признал, что «в пропаганде враг несомненно сильнее нас» («Berliner Morgenpost» от 25 августа 1928 года). Другие признания мы находим, например, в «Rheinisch-Westfälische Zeitung», где говорится:

«Во всяком случае английское министерство по пропаганде работало энергично; если бы мы в нашей пропаганде развили такую же деятельность, то многое, быть может, обстояло иначе. В этой области, однако, мы должны признать, что мы были неподготовлены, но мы надеемся, что теперь мы кое-чему научились».

«Deutsche Tageszeitung» писала:

«Мы, немцы, имеем право гордиться нашим генеральным штабом. Мы чувствуем, что генеральному штабу наших врагов далеко до него, но мы также чувствуем, что враг имеет великолепный генеральный штаб по пропаганде, в то время как у нас такого совершенно нет».

Беспрестанно происходили стремительные и жестокие атаки. Разоблачения английской пропаганды вызвали острую нервность, благодаря которой возникли дикие слухи, распространявшиеся по Германии. Их происхождение приписывали учреждению, во главе которого стоял лорд Нортклифф. В своей речи, произнесенной в августе 1918 года в Баварской палате депутатов, баварский военный министр генерал Гелинграт заявил:

«Эти слухи не что иное, как результат энергичной и целесообразной агитации, которую ведут наши противники через своих агентов внутри нашей страны».

Г-н Купфер, редактор «Berliner Anzeiger» назвал это «фантастической» («Karnevalistisch») бурей, направленной на дух, «идеологическим террором и преступной безответственностью» и продолжал:

«Главное—необходимо знать источник этих слухов, и помнить о целях этих слухов. Их целью является деморализация нас и осуществление того, что при нормальных условиях было бы только плохим сном. Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что все это исходит от той английской организации, которая была создана в целях разрушения германской нервной системы путем бесстыдной и бессовестной лжи. Разве личность лорда Нортклиффа, великого шефа пропаганды английской тыловой армии, не пригвождена навсегда историей к позорному столбу?

Сомневается ли еще кто-либо в целях этой пропаганды? Разве всякий не знает, что генералиссимус этой кампании лжи имеет в своем распоряжении неограниченные денежные средства для того, чтобы иметь возможность направлять по нейтральным путям потоки лжи с дьявольской и с почти внушающей уважение ловкостью? Разве всякому не ясно, что пропаганда лорда Нортклиффа слишком хитра, чтобы работать путем простых газетных сплетен, которые можно легко опровергнуть, и поэтому пользуется гораздо более тонким способом, а именно вызывает в нашей стране и у наших союзников беспокойство, нервность и волнение путем устной передачи слухов любым способом. Для этой цели систематически нанимаются оплачиваемые негодяи. Этого сорта люди распространяют в Германии дикие слухи и вносят сумятицу в наше понимание военных событий. Это—голые факты. Это следует помнить, прежде

чем передавать дальше пропаганду Нортклиффа путем пересказа, как евангелия, необоснованной болтовни прачек».

В Гамбурге дела обстояли таким же образом, ибо влиятельный морской орган печати «Ганза» сообщал 14 сентября следующее:

«Слава богу! Наконец-то мы начинаем понимать, чего требует данный момент войны, чего от нас, как немцев и граждан, требует наш долг. Трусость, недовольство, уныние, упадок духа и ворчание—это мы встречаем на каждом шагу, но мы не знали откуда исходило это нарастание вредных фантазий. Мы не понимали, что означали эти тайные перешептывания о неблагоприятных известиях с фронта, эти преувеличенные сообщения, разукрашенные несчастьем и передававшиеся из уст в уста. Одни слышали об одном, другие о другом, но всегда это было плохим о положении на фронте, более точно ничего нельзя было узнать. Это были всегда предположения, которые оказывались химерами, как только в них покопаешься. Они были первопричиной жалкого непротивленчества. И все-таки они были налицо, они нас невидимо окружали, выводили наше душевное равновесие из состояния покоя, омрачали наше настроение, как эпидемия, как ядовитые бациллы летали они по всем направлениям в нашей германской атмосфере. Откуда они появились, кто ввез их к нам? Сегодня мы это знаем. Сегодня мы можем распознать происхождение этой подавленности германской воли. Это—давно провозглашенный поход Антанты против общественного мнения, который ведется против нас под руководством Англии и в особенности под руководством этого безбожного бессовестного негодяя Нортклиффа».

В «Kölnische Volkszeitung» от 11 сентября письмо с фронта сообщает следующее:

«Воззвания, которые имеют целью возбудить недовольство и отчаяние или дать врагу перебежчиков, тысячами разбрасываются в некоторых населенных пунктах и их окрестностях. Этот способ борьбы имеет особенное свойство действительно вызвать недовольство и отчаяние. В воззваниях мы встречаем утверждение, что Гинденбург раньше считался божеством, что, однако, его лавры начинают блекнуть, что становится понятным благодаря ежедневным успехам неприятеля, далее, что наши солдаты лишились храбрости, что целые роты перебегают к неприятелям и тому подобное».

В другом письме, адресованном той же газете от 20 августа, говорится:

«Наши враги за последнее время очень ревностно сбрасывали воззвания. В мои руки попали два воззвания, и нет сомнения, что наши враги нас и в этой области превосходят, ибо воззвания так искусно составлены, что всякий, который их невнимательно прочитает, попадется на удочку».

Что эта пропаганда имела бы успех, если бы ею еще раньше занимались, видно из мнения высказанного военными корреспондентами и генералами. Г-н В. Шейерман писал в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» от 30 октября:

«Мы, немцы, впервые этой осенью поняли, что сила морального сопротивления бойцов на фронте является силой, с которой командование должно тем осторожнее считаться, чем труднее ее оценить».

Все обвинения в лживости английской пропаганды были неосновательны, ибо строго соблюдалось, чтобы говорилась только правда. Этим достигалось то, что немцы не доверяли своим официальным сообщениям с фронта.

«У нас, в нашем любимом отечестве,—писала «Kölnische Zeitung» от 11 сентября,—имеется большое количество невинных и искренних людей, которые не доверяют ясным утверждениям германских военных сообщений, но верят лживым неприятельским сообщениям. Доказывать постоянно противное является, правда, неблагодарной задачей, но все-таки такой, при разрешении которой никогда не следует уставать».

И, действительно, было неблагодарной задачей скрывать правду от всего германского народа: «Предостерегайте своих братьев, сыновей, мужей верить неприятельским воззваниям»,— это было одной из «десяти заповедей» для германских женщин, которые были опубликованы в «Kölnische Volkszeitung» от 20 октября, но было уже слишком поздно поддерживать систему лжи, на которой так продолжительно держалось сопротивление Германии.

В июле 1919 года г-н Арнольд Рехберг сказал в «Tägliche Rundschau»:

«Не подлежит никакому сомнению, что лорд Нортклифф в значительной степени способствовал победе Англии в мировой войне. Характер и способы английской военной пропаганды когда-нибудь займут в истории место неподражаемого события. Пропаганда Нортклиффа правильно оценила во время войны характер и духовные особенности немцев».

Признание противника, поскольку к этому не имеется особого повода, может в общем рассматриваться как вполне искреннее. Большая часть вышеприведенных мнений являлась в первую очередь предостережением и увещеванием соотечественников во время войны и лишь косвенно комплиментом союзной пропаганде.

Когда же военные действия закончились роковым для Германии образом, то чувства ненависти и гордости стали уступать холодной логике разума. Людендорф, который, как генерал-квартирмейстер, считался одним из способнейших военных вождей, приступил к составлению своих военных мемуаров. Его призыв вызывает уважение, и он может многое сказать о ценности пропаганды. У него был большой опыт:

«Хорошая пропаганда,—пишет он,—должна всегда значительно опережать действительные политические события. Так, например, она должна быть выразительницей политики и должна незаметно для всех оформлять общественное мнение. Это было великим радикальным принципом, на котором зиждились успехи лорда Нортклиффа. Попытка ведения политики в виде пропаганды является так же роковой, как и вести пропаганду без политики или с противоречащими друг другу идеями. Чтобы это доказать, можно написать целые томы о неудачах, вызванных всеми этими причинами. Если мы проследим историю операций, которыми руководил Дом Крю, то мы убедимся, что тщательное изучение политического, экономического и военного положения в неприятельских странах всегда предшествовало тому или иному шагу. В передовой статье «Times» от 31 октября 1919 года сказано: «То соображение, что пропаганда без вполне определенной политики по отношению ко всякой неприятельской стране в лучшем случае окажется предприятием без рук и ног, считалось с самого начала лордом Нортклиффом и множеством его советников само собою разумеющимся».

При сравнении Людендорфом методов английской и германской пропаганды последняя оказывается весьма плохой. Он приписывал подрыв духа германских солдат и как последствие сего военное поражение—частью английской пропаганде, частью деморализации населения в тылу Германии, что он в свою очередь считал последствием английской пропаганды и слабостью германского правительства в борьбе с ней.

Об английской пропаганде он писал:

«Ллойд-Джордж знал хорошо, что делает, когда после войны выразил лорду Нортклиффу от имени Англии благодарность за проведенную им пропаганду. Он был мастером массового внушения. Неприятельская пропаганда атаковала нас со стороны нейтральных государств на наших границах, в особенности со стороны Швейцарии и Голландии, путем ввоза сообщений и печатных произведений. Также она действовала против нас со стороны Австрии и, наконец, внутри нашей страны, сбрасывая литературу сверху. Лорд Нортклифф производил это так систематично и в таких размерах, что многие не могли отличить своих собственных взгля-

дов от взглядов, созданных неприятельской пропагандой. Эта пропаганда по отношению к нам была тем успешней, чем более мы должны были полагаться не на перевес сил, а на качество наших батальонов. Важность численного превосходства сил на войне твердо установлена. Без солдат война вообще невозможна, но цифры имеют значение только в соединении с духом, который их воодушевляет. Это имеет значение как в жизни народов, так и на поле битвы. Мы сражались против всего мира и смогли бы продолжать борьбу с доброй совестью до тех пор, пока мы в состоянии были бы нести бремя войны—с точки зрения силы духа. Пока это было так, у нас была вера в победу, и мы отказывались подчиняться стремлениям врага нас уничтожить. С ослаблением же нашего духа все совершенно изменилось. Мы не воевали больше до последней капли крови, многие немцы не были более готовы умереть за отечество.

Подрыв общественного доверия на родине задел нашу моральную готовность к борьбе. Нападение на наш тыл и на дух армии было главным оружием, которым Антанта стремилась нас завоевать, после того как она оставила всякие надежды на военную победу».

Замечания Людендорфа о германской пропаганде делаются преимущественно в презрительных выражениях. Он полагал, что пропаганда была бы бесполезной для Германии.

«Наши политические цели и решения, которые опубликованы были как неожиданный сюрприз, часто казались просто грубыми и насильственными. Этого можно было искусно избежать путем широкой и дальновидной пропаганды. Германская пропаганда поддерживалась лишь с трудом. Несмотря на все усилия, результаты нашей пропаганды совершенно не соответствовали объему ее задачи. На неприятельские народы мы никакого влияния не имели... [1]).

На востоке русские были сами виноваты в своем развале, и наша работа там имела второстепенное значение. На западе же фронт благодаря состоянию общественного мнения в соответствующих странах, не сделался восприимчивым к пропаганде, и пропаганда, которую мы шаг за шагом проводили, не имела успеха... Германия потерпела неудачу в борьбе с духом неприятельских народов».

Вновь и вновь Людендорф приводит примеры успехов неприятельской пропаганды, напр., 15 июля 1918 года, незадолго до последнего германского наступления:

[1]) Здесь Людендорф сознательно «скромничает», чтобы лишний раз подчеркнуть, какими честными борцами были немцы и «аморальными»—англичане. С другой стороны автор—Стюарт, не цитирует Людендорфа, а пересказывает (как и в некоторых других цитатах) его мысли так, как это автору удобно. Рекомендуем прочесть страницы 288—306 включительно труда Людендорфа «Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.». Изд. ВВРС. 1923 г. *Ф. Б.*

«Армия жаловалась на неприятельскую пропаганду. Последняя была тем более успешна, что армия благодаря настроению, господствовавшему в тылу, сделалась восприимчивой. Неприятельская пропаганда подхватила письмо князя Лихновского, который непонятным мне образом считал виновником войны германское правительство. И все это, несмотря на то, что его величество и канцлер всегда заверяли, что виновата Антанта... Армия была буквально пропитана неприятельской пропагандистской литературой, но проистекавшая отсюда большая опасность была ясно понята. Верховное командование назначило вознаграждение за сдачу пропагандистской литературы, но мы не могли воспрепятствовать отравлению наших солдат».

Большего успеха, чем описанный Людендорфом, английские власти не могли себе пожелать, и такое признание достигнутого успеха давало величайшее удовлетворение.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА СОЮЗНИКОВ.

Основной принцип пропаганды.—Результаты успешного совещания.—Политика, средства и пути.

Опыт Дома Крю учит, что для союзников одинаково важно централизовать пропагандистскую деятельность, как и верховное военное командование. Вести пропаганду без определенной политики достаточно плохо, запирать же, так сказать, в герметические помещения целые группы сотрудников по пропагандистской работе, работающих самостоятельно друг от друга, каждый по отношению к другой национальности вызвало бы просто насмешки вместо того, чтобы привлечь к себе серьезное внимание интеллигентного врага и вместо того, чтобы создать противоречивые мысли и путаницу в умах неразумного врага.

Принцип пропаганды союзных народов в будущих войнах будет состоять в том, что должна быть установлена ясная общая политика, которая покоилась бы на твердых фактах и справедливости, так чтобы ее в существенном не приходилось менять, но которой безусловно можно и должно будет строго придерживаться. Безусловно будет необходимо избрать особую политику для каждого народа неприятельского союза в отдельности, если противником будет являться не один народ.

Также совершенно понятно, что политика в пропаганде должна быть согласована с политикой дипломатических, военных и военно-морских учреждений.

Ввиду того, что пропаганда сама по себе не наделена полномочиями исполнительной власти, она зависима от названных учреждений в тех случаях, когда она пожелает перейти от политики к делу. И здесь отсутствие согласованности повлекло бы за собою разнобой, противоречивые

распоряжения и вытекающую отсюда безрезультатность. Пропаганда может по праву являться предвестником остальных правительственных учреждений—успехи указаны в других главах нашей книги—или же им следовать, но она безусловно должна быть с ними согласована.

Лорд Нортклифф в качестве основного принципа пропаганды против неприятельских стран всегда требовал, чтобы относительно принятой и одобренной английским правительством политики для пропаганды всегда испрашивалось согласие остальных союзных правительств для того, чтобы их учреждения, работающие по пропаганде, могли действовать в согласии с этой политикой. Практика показала, что быстрее всего могла бы быть достигнута согласованная работа путем устройства совещаний представителей отделов пропаганды отдельных союзных государств.

Одним из первых действий лорда Нортклиффа был созыв в Доме Крю совещания союзников, в котором приняли участие лорд Биверрбрук, министр государственного осведомительного бюро г-н Франклин-Бульон (Франция) и сеньор Галленга-Стюарт (Италия), а также много других английских, французских, итальянских и американских представителей.

До известной степени это заседание подготовило путь для дружной совместной работы союзников в Италии. Лорд Нортклифф пожелал немедленного учреждения общесоюзного бюро пропаганды, предназначенного для неприятельских стран, но пришлось столкнуться с трудностями, из-за которых образование такого учреждения было отложено на будущее время. Между тем была установлена теснейшая связь с соответствующими итальянскими учреждениями. По ходу же событий лорд Нортклифф понял, что для успеха пропаганды в странах неприятеля необходима общественная конференция. Поэтому он в согласии с английским военным кабинетом разослал правительствам Франции, Италии и С.-А. С. штатов приглашения с просьбой прислать в Лондон на официальное заседание своих представителей. Эти приглашения были приняты с большим удовольствием, и 14 августа 1918 года в Доме Крю собралась конференция. Кроме представителей учреждения, которое возглавлял лорд Нортклифф и представителей союзных бюро по пропаганде, участие в конференции приняли представители английского министерства иностранных дел,

военное министерство, адмиралтейство, министерство воздушных сил и государственного осведомительного бюро.

Вот полный список участников:

Великобритания.

Виконт Нортклифф (председатель) Подполковник сэр Кембел Стюарт Сэр Чарльз Никольсон (баронет) член парламента Г-н Уикгэм Стид	Управление по пропаганде в неприятельских странах.
Контрадмирал сэр Реджинальд Халл (директор военно-морского осведомительного бюро) Капитан Гай-Гоунт Корвет-капитан Дж. Стэндинг	Адмиралтейство.
Бригадный генерал Дж. К. Кокерил (заместитель директора военно-осведомительного бюро) Майор граф фон Керри (член парламента) Капитан П. Чалмерс Митчел	Военное министерство.
Г-н Ц. И. Филипс	Министерство воздушных сил.
Полковник Давидсон	Министерство иностранных дел.
Сэр Родерик Джонс (заместитель министра по осведомлению) Г-н Кэнлифф-Оувен (контролер пропаганды против Турции)	Государственное осведомительное бюро.

Франция.

Г-н Клобуковский
Г-н Аженин
Г-н Сабатие Д'Эспейран
Генерал-майор Виконт де-ла Паноуз
Капитан принц Петр Аренбург
Лейтенант граф Станислав Монтебелло
Г-н Комерт
Лейтенант П. Манто

Италия.

Профессор Боржезе
Г-н П. Эмануель
Капитан граф Вичино-Паллавичино
Лейтенант Р. Кайрати-Кривелло

Северо-американские соединенные штаты.

Г-н Джемс Килей
Капитан Вальтер Липпман
Капитан Гебер Бланкенгорн
Лейтенант Чарльз Мерц
Лейтенант Лудлоу Гриском

} Присутствовали в качестве слушателей.

В речи, которой лорд Нортклифф, как председатель, открыл конференцию, он заявил, что английская пропаганда в неприятельских странах достигла такой стадии, на которой для полного достижения цели необходимо более прочное соединение целей и усилий союзных держав. Пропаганда в неприятельских странах предполагает следующее: а) избрание, по крайней мере в целях пропаганды, определенной союзной политики по отношению к нашим врагам; б) официальное провозглашение этой политики и в) изучение технических возможностей и ее главнейших отличительных черт.

Лорд Нортклифф предложил конференции образовать комиссии, которые сделали бы доклады по разным вопросам. Эти комиссии должны были рассмотреть следующие вопросы:

1. Широкую тему о политике пропаганды.

2. Вопрос о средствах распространения пропагандистской литературы: а) среди мирного населения и б) среди войск.

3. Вопрос о пропагандистской литературе.

4. О воспитательных мерах по отношению к военнопленным, которые, быть может, возвратятся в Германию и расскажут своим соотечественникам правду.

При отсутствии точных принципов и вполне определенной политики пропаганда может проводиться только спорадически и поверхностно. На основе же ясной политики пропаганда может разлагать неприятеля, может служить ценной поддержкой военных операций и действовать подготовительно на необходимые предварительные условия прочного мира.

Три неприятельских страны, с которыми учреждение лорда Нортклиффа, главным образом, имело дело, были Австро-Венгрия, Болгария и Германия. Он упоминает в первую очередь Австрию, так как среди наших врагов Габсбургская монархия была полем, на котором можно было раньше всего собрать плоды.

Втечение первых месяцев 1918 года, когда лорд Нортклифф начал свое дело, Германия была еще слишком воодушевлена своими легкими победами в России, а потому мало восприимчива к пропаганде. Поведение Болгарии было слишком тесно связано с судьбой Германии, а потому в этот момент Болгария также нелегко поддавалась действию пропаганды. Кроме того политика союзников по отношению к Болгарии была тесно связана с общей балканской политикой союзников, которая в свою очередь по необходимости зависела от избрания той или иной политики по отношению к Австро-Венгрии. Все эти соображения указывали на Австро-Венгрию, как на первый объект нападения и следовательно как на страну, по отношению к которой немедленно требовалась совершенно ясная политика для пропаганды.

Далее лорд Нортклифф описал шаги, которые уже были предприняты по отношению к Австро-Венгрии (см. о них более подробно в главе III нашей книги). Лорд Нортклифф констатировал, что имеется достаточно доказательств того, что начатое дело способствовало отказу австрийцев от наступления в апреле и парализовало наступление, предпринятое ими наконец в июне. Имеется также достаточно оснований предполагать, что значительно бо́льшие результаты были бы достигнуты, если бы раньше предприняли нечто подобное. Это открывает перспективы на жизненную *связь между политической пропагандой и военными операциями*, на что он, лорд Нортклифф, обратил серьезное внимание совещания. Он выразил надежду, что политическая комиссия конференции будет в состоянии сделать в этом направлении ценные предложения.

Остается коснуться чрезвычайно важного вопроса о работе общими силами союзников в области пропаганды.

«Ясно,—утверждал лорд Нортклифф,—что если каждый из союзников будет вести в неприятельской стране пропаганду посвоему, не считаясь с тем, что союзник предпринимает, то получилось бы большое распыление сил, вмешательство одного союзника в действия другого, а возможны и противоречивые друг другу утверждения и, быть может, даже и противоречащие друг другу цели. Для обеспечения наибольшего военного успеха союзные державы учредили в Версале Совет и согласились назначить общего главнокомандующего. До сего времени единственным общесоюзным учреждением по проведению пропаганды является *общесоюзная*

комиссия в Падуе. Работа этой комиссии показала большие преимущества единства руководства работой, но обнаружила также известное несовершенство, которое можно будет устранить путем более согласованной совместной работы в области пропаганды».

Лорд Нортклифф поэтому внес принципиальное предложение, которое может быть изменено в деталях, а именно, чтобы для пропаганды в неприятельских странах была учреждена центральная организация.

«Этим шагом,—сказал лорд Нортклифф,—было бы возможно избежать многих промедлений, соблюдать большую бережливость в расходовании сил и денег и добиться успехов в достижении единства пропаганды союзников и в средствах осуществления пропаганды».

Г-н Клобуковский, лидер французской делегации, после лорда Нортклиффа обратился к конференции с искусной речью и заявил о своем согласии во всем сказанном с лордом Нортклиффом.

«Французское правительство,—сказал он,—с удовольствием последовало приглашению английского правительства прислать своих представителей на конференцию по вопросам пропаганды в неприятельских странах. Созыв конференции казался французскому правительству необходимым для того, чтобы укрепить огромные боевые средства, находящиеся в распоряжении союзников, путем методичной работы общими силами. Точно установить, что можно сделать, точно узнать, что предпринять в дальнейшем—вот что надо определить. Кампания систематической лжи, которую ведет неприятель, ни на минуту не должна отклонить союзников от избранного пути [1]. Искренность никогда не покажется союзникам дешевой политикой.

Французская пропаганда старалась ярко осветить вопрос об ответственности за войну.

Со стороны наших врагов Мировая война является наступательной войной [2] и служит интересам завоевательной политики и порабощения других народов. Со стороны союзников война является просто оборонительной войной для защиты не только территории, но и великого дела права, которое было нарушено в Бельгии, Эльзас-Лотарингии, Польше, Украине, Сербии, Румынии и дру-

[1]) Обычный метод буржуазии утверждать, что пропаганда противника основана на лжи и что пропаганда ее страны—целиком правдива. *Ф. Б.*

[2]) Как уже сказано мною во вступительной статье, основная цель буржуазной пропаганды сводится к объяснению реакционного империалистического характера войны, как войны оборонительной. Это говорили немцы-капиталисты о Германии, французы и англичане—о своих странах. *Ф. Б.*

гих балканских государствах. Мы стараемся в неприятельских странах приблизиться к совести тех людей, которые до сего времени отклоняли от себя независимые взгляды и которые до сих пор не давали себе отчета. Мы пытаемся открыть глаза и уши, которые теперь еще, благодаря необыкновенной господствующей среди людей дисциплинированности, были закрыты. Мы это делаем с помощью не только аргументов, которые мы основываем на фактах, и которые могут быть признаны заведомо произвольными, но и при помощи того, что наши враги в своих декларациях сами признали. Искренность этих деклараций бесспорна, так как они исходят от собственных агентов неприятеля или от лиц, которые осмеливались писать о том, что знали, как, например, князь Лихновский и д-р Мюлон».

«Наша совместная работа по освобождению угнетенных народов,—продолжал г-н Клобуковский,—установила ясно и определенно одну из целей нашей кампании против Австро-Венгрии; но хотя мы не можем отметить немедленных успехов, пропаганда против Германии была бы все-таки не менее необходима. Если Австрия виновна в отношении различных населяющих ее народов, то Германия виновна перед всем миром. С начала войны Франция была постоянно и исключительно занята мыслью о том, как бы осуществить пропаганду по отношению к Германии. Ввиду ужасных искажений фактов, которые правительство кайзера пытается навязать всему миру, первая французская желтая книга от декабря 1914 года дает полный перечень преступлений, делающих Германию ответственной за войну, и, возвращаясь к самому началу войны, доказывает, что Германия подготовляла и, в конце концов, вызвала войну.

Поэтому одна из главных целей пропаганды союзников должна заключаться в постоянных указаниях на причины начала войны, и можно надеяться, что такие приемы не будут напрасными. С этой точки зрения опыт с запиской Лихновского был бы весьма ободряющим, но этого недостаточно, ибо большинство германского народа все еще верит официальным объяснениям, которые дает правительство кайзера причинам мирового конфликта. Нельзя позволить немцам оборонительную войну союзников ставить на одну доску с наступательной войной. Союзники должны неустанно утверждать, что они сделались жертвой заранее хорошо обдуманной наступательной войны.

С другой стороны, в интересах союзников доказывать все больше и больше, что война, которую им навязали, является для них оборонительной, что они защищаются, что они защищают право и человечество. Это должно являться их целью войны, а все другие их цели были бы только ее логическими последствиями. Как бы германский народ ни был проникнут доктринами исторического реализма и как бы германское правительство ни было враждебно политике, основанной на уважении к праву, наступит когда-нибудь день, когда восторжествует понимание своих сил, когда, с одной стороны, их просветление, становящееся все более и более оче-

видным, вскроет преступные деяния, являющиеся причиной войны. С другой стороны, постоянные неудачи этой надежды мирового господства заставят самих немцев искать виновного. Опасения за несправедливость его дела наступит, в конце концов, у германского народа.

Также важно доказать, как бесполезны старания неприятеля нарушить согласие между державами Антанты.

Неприятельская пресса не перестает давать своим читателям вымышленную картину несогласия между ее врагами. Ее рассказы о том, что Франция находится на пути к завоеванию ее английской армией, дополняются утверждением, что Америка намеревается осесть во Франции.

Всякая кампания в пользу заключения мира, предпринимавшаяся германским правительством в моменты затруднений на фронте свидетельствовала о наивной надежде его великолепно осведомленных деятелей на возможность нас поссорить.

Доказать, что фронт союзников является неразрывно стойким, что он распространится от военной области на экономическую,—вот каков должен быть ответ союзников.

Прежде всего должно быть объявлено, что союзники победят, что они имеют на это силы. Им не следует вступать в переговоры. Имеется всегда опасность, что враг присвоит какую-либо формулу союзников, после устранения из нее ее содержания. Запутанный и коварный германский дух обладает величайшей способностью обращать чужие принципы в свою пользу. Возможно, что Германия еще раз попытается ввести народы в заблуждение, написав на своем знамени их лозунги, сохранив, однако, за собой возможность впоследствии дать этим лозунгам диаметрально противоположное толкование. Важнее всего—оградить общественное мнение в странах союзников от этих попыток, которые несомненно будут предприняты немцами. Освобождение народов, уверения в справедливости дела союзников, перечисление нарушений права, совершонных центральными державами,—вот основа союзной пропаганды.

Изложенное находится в полном согласии с общими политическими принципами и направлено к тому, чтобы обеспечить за всеми народами право на свободное развитие так же, как конституции союзных государств признают за всяким человеком равноправие. Таким путем победа союзников носила бы характер морального подъема, что, впрочем, всегда являлось характерной исторической чертой великих союзных наций. Однако, прежде чем мы добьемся этой победы, свободы и права, «давайте воевать»,—говоря крепкими словами Клемансо».

Представитель Италии сеньор Боржезе сказал, что он, в общем, одобряет идеи и предложения лорда Нортклиффа.

«В самое последнее время итальянцы были особенно деятельны в области пропаганды против неприятеля. Так, например, у них имелось бюро, задача которого состояла в распространении со-

общений о неприятеле, направленных к ослаблению его мирового положения и сил.

В Швейцарии они также имели большую организацию, задача которой заключается в том, чтобы ежедневно собирать сведения о событиях в неприятельских странах и широко использовать всевозможные средства к получению сведений о внутреннем их положении. Первым актом совместной пропаганды союзников против неприятеля являлся римский конгресс в апреле 1918 года, который состоялся, главным образом, благодаря согласию и дружбе просвещеннейших и сознательных общественных элементов Англии и Италии. Результатом этого конгресса были чреватые тяжелыми последствиями события в Австро-Венгрии и повсюду в неприятельских странах. Главной задачей было бы теперь продолжение пути, намеченного на римском конгрессе. При обсуждении мотивов, влиявших на Италию в ее кампании против Австрии, должно, конечно, быть принято во внимание особое положение Италии, как противника Австрии.

Объяснения лорда Нортклиффа, влияние которого чрезвычайно велико в вопросах пропаганды против неприятеля, а также речь г-на Клобуковского в своих тенденциях являются несомненно антиавстрийскими.

Что касается итальянцев, то они—враги Австрии не только потому, что Австрия их враг, но и потому, что они чувствуют, что таков самый прямой и верный путь к одолению Германии и германской расы. Те итальянцы, которые пооняли положение вещей с самого начала войны, являлись всегда врагами Австрии в этом смысле и наилучшими способами и средствами старались напасть на германский милитаризм на пути через Австрию. Хотя германский милитаризм не вполне неуязвим, и хотя уязвимость Германии не так велика, как Австрии, последняя все-таки является ахиллесовой пятой Германии. Два важных предварительных условия, которые сделают возможными данные операции против Австрии, заключаются в том, чтобы весь мир признал необходимость расчленения Австрии и чтобы ответственность Австрии за войну была бы признана не только союзниками, но и самим неприятелем.

Лихновский и Мюлон признали, что прямым главным виновником войны является Австрия. Вопрос об ответственности за войну является несомненно одним из важнейших вопросов, с которым сталкивается пропаганда, и этот вопрос будет рассматриваться комиссией, ибо он, Боржезе, полагает, что ускорение процесса духовного переворота в Германии и Австрии будет возможно, если будет широко обнародовано признание ответственности за войну».

Касаясь результатов итальянской пропаганды за последние месяцы, Боржезе упомянул о бюро в Риме и Берне, о которых он обещал сообщить более детально в комиссии. Что касается работы общесоюзной комиссии в Падуе, то,

по словам Боржезе, это было действительно большим делом, если судить о комиссии по ее деятельности, а не по личным впечатлениям, а именно по оценке ее со стороны врага, который даже открыто признал, что поражение на Пиаве вызвано было частью усилиями Падуанской комиссии, частью сообщениями, которые были распространены с помощью югославов и чехо-словаков.

«Пропаганда союзников,—продолжал Боржезе,—должна быть пропагандой правды. Главнейшее затруднение заключается в том, чтобы делать различие между подражанием неприятельской системе фактических военных операций и подражанием методам, применяемым им в идейной борьбе. Правда, что военная техника на войне должна определяться техникой, которая применяется неприятелем, дабы не оказаться отсталым.

Имеется, однако, опасность, что мы и в идейной войне будем подражать неприятелю—это означало бы подражание германским приемам пропаганды. Хотя некоторые лица того мнения, что союзники должны подражать обманам и лицемерию германской пропаганды, он, Боржезе, убежден в том, что лучшим орудием пропаганды является пропаганда правды. Союзники могут говорить правду, так как они убеждены в своей правоте [1]). Им легко иметь свою систему идей, так как они в нее верят как в своего рода религию. Германия и Австрия будут внимательно прислушиваться к нашим словам,—не именно к словам, сказанным на этой конференции, а к словам наших правительств.

Политические акты и пропаганда в конце нашей кампании достигнут большего значения, и он, Боржезе, надеется, что Италия будет в состоянии внести свою лепту в дело сокращения и победоносного конца этой войны.

Тем обстоятельством, которое союзникам дает абсолютную гарантию победы, и которое является доказательством моральной чистоты их дела, является, по словам Боржезе, вступление в войну С.-А. С. штатов, которые никто—даже и неприятель не может заподозрить в корыстных целях [2]). В то время, как европейских союзников можно, правда, совершенно несправедливо, упрекнуть в преследовании корыстных целей, о С.-А. С. штатах нельзя сказать, что они вступили в войну не в защиту высоких принципов, а по каким-либо другим мотивам. Поэтому он, Боржезе, вполне согласен с лордом Норклиффом и г-ном Клобуковским в том, что чем шире будет сделано известным народам неприятеля значение амери-

[1]) Это утверждала каждая страна; но более откровенные (см. во вступ. статье) «разъясняли» это, говоря, что речь идет о «правде», полезной данной стране. *Ф. Б.*

[2]) Колоссальное обогащение САСШ в результате войны—лучшее доказательство лицемерности этого заявления. *Ф. Б.*

канских мероприятий в материальной и моральной области, тем скорее наступит моральный упадок народов противника и тем вернее будет заключен справедливый мир, который является великой целью всех союзников и целью их военных и пропагандистских операций».

Джемс Килей, представитель С.-А. С. штатов сказал, что

«он назначен делегатом на конференцию комиссией по публичному осведомлению при правительстве С.-А С. штатов. Четыре американских офицера от военно-осведомительного отдела Генерального штаба присутствуют на конференции в качестве зрителей. Они все принимают участие в конференции в качестве учеников и имеют серьезное желание учиться, дабы иметь возможность принять полное участие во всех других фазах операций союзников.

После учебы у опытных людей они будут в состоянии предоставить все свои силы общему делу. Они сообщат американскому правительству, что опытные люди считают здесь правильным, и можно надеяться, что на основании этого доклада быстрейшим образом будет создана американская организация, которая сможет широко, искренне и успешно работать совместно с соответствующими организациями союзников. Не будет ошибкой предполагать, что С.-А. С. штаты смогут кроме материального вооружения доставить другой элемент, который сможет иметь особо важное значение в этой работе. Население С.-А. С. штатов содержит большое количество соотечественников среднеевропейских народов. Эти народы внутри С.-А. С. штатов хорошо организованы и за некоторыми малыми хорошо известными исключениями преданы делу союзников. Эти лица, конечно, находятся в близких отношениях с народами Центральной Европы, и более чем возможно, что они были бы очень полезными при передаче ими сообщений за границу. По этому пункту американская делегация была бы очень рада получить от конференции совет».

После этих речей были назначены упомянутые лордом Нортклиффом комиссии для того, чтобы перейти к обсуждению вопросов политики, распространения пропагандистской литературы и вопросов о военнопленных. Члены конференции надлежащим образом были распределены по комиссиям, которые деловым образом оказали неоценимые услуги и представили свои доклады на обсуждение пленарного заседания конференции.

Политическая комиссия под председательством Клобуковского исчерпывающим образом рассмотрела проблему политики в пропагандистской работе во всех областях и во всех стадиях применения. Дискуссия членов комиссии вылилась в ряд решений и предложений, которые должны были быть

представлены и утверждены, изменены или отклонены союзными правительствами. Конечно всем было ясно, что эти решения являются только основой и не обязательны для соответствующих правительств.

В отношении пропаганды против Австро-Венгрии комиссия находилась в полном согласии с руководящими директивами, которые были одобрены английским правительством и восполнены решениями английского, французского и итальянского правительств на римском конгрессе или в связи с последним. Комиссия признала, что такое расширение политики, поскольку оно вытекало из директив союзников, частью уже соответствовало действительным потребностям данной стадии пропаганды. Последнее в свою очередь соответствовало потребностям положения на фронте и в особенности вызывалось необходимостью использовать принятые Антантой принципы в целях воспрепятствования или задержки австро-венгерского наступления против Италии. Связанные с этим действия и распоряжения союзных правительств и правительства С.-А. С. штатов ясно показали, что общая политика союзников все более и более направляется к осуществлению свободы племен, угнетаемых Австро-Венгрией. По этой причине главная задача комиссии в отношении пропаганды в Австро-Венгрии заключалась в объединении различных решений и распоряжений, касающихся пропаганды, и в возможной подготовке пути к опубликованию совместной декларации союзников, последняя могла бы дополнить и сделать более успешной пропагандистскую работу внутри Австро-Венгрии и среди австро-венгерских войск на фронте.

Дискуссия относительно полезности и возможности такой общей декларации союзников была исчерпывающая и поучительная. Касательно уже принятой союзными правительствами и С.-А. С. штатами линии поведения по отношению к чехо-словакам, полякам и румынам выяснилось, что главный вопрос, требовавший разъяснения—вопрос об объединении и о самостоятельности югославов и отношение Италии к этому вопросу. Комиссия приняла следующую резолюцию:

«Что касается лучших средств поддержки пропаганды союзников в пользу свободы народов, подчиненных Австро-Венгрии, то комиссия выражает твердую уверенность в том, что все спорные вопросы о границах между Италией

и будущей Югославией будут умалчиваться югославской прессой и вождями вне и поскольку они могут оказывать влияние в этом направлении также и внутри австро-венгерской монархии, так как этих вопросов не касались важнейшие органы итальянской печати и публичные речи влиятельных итальянских политических деятелей».

Во время прений об этой резолюции выяснилось, что комиссия признала итальянские национальные требования об объединении областей и городов Трентино, Триеста и других областей итальянского характера не только безусловно справедливыми—надеялись, что это признает и конференция,— но комиссия считала также элементарным требование соблюдения союзниками принципа национальностей и равноправия национальностей. Именно ввиду того, что комиссия поддержала принятые в итало-югославском соглашении от марта 1918 года принципы и последние признала основой для успешных совместных действий Италии, Югославии и других угнетенных Австро-Венгрией народов, комиссия высказалась за то, что вышеупомянутые национальные права не могут быть предписаны и не подлежат общему обсуждению. Комиссия также признала, что в интересах пропаганды и будущей независимости и моральной и политической прочности итальянского народа главная часть задачи создания свободной и единой Югославии должна быть, конечно, возложена на Италию. Поэтому комиссия после тщательного обсуждения приняла следующее решение и предложило его конференции:

«Ввиду того, что итальянское правительство, как усматривается из речи премьер-министра от апреля 1918 года, придерживается решений конгресса подчиненных Австро-Венгрии народов (которые содержали соглашения между югославами и итальянской комиссией), что также видно из телеграммы, посланной недавно сербскому премьер-министру Пашичу, далее ввиду дополнения к политике союзников в отношении Австро-Венгрии во французской и итальянской конвенции с чехо-словакским национальным советом, далее, принимая во внимание английскую декларацию, коей чехо-словаки признаны союзной нацией, далее, ввиду объявленной союзниками на Версальской конференции декларации в пользу единства и независимости Польши, и заявления Ланцинга от 1—28 июня, что все ветви славянского племени должны быть совершенно освобождены из-под власти Германии и Австро-Венгрии, наконец, принимая во внимание чрезвычайную важность, чтобы в особенности ввиду возможного развития событий на итальянском фронте, союзная политика освобождения угнетаемых Габсбургами народов должна быть в первую очередь осуществляема Италией, на фронте которой

пропаганда против Австро-Венгрии особенно сильно представлена, принимая во внимание все эти обстоятельства, политическая комиссия общесоюзной конференции по пропаганде предлагает итальянскому правительству взять на себя инициативу к изданию следующей общей официальной декларации:

«Все союзники считают образование свободного и объединенного государства Югославии, которое объединяло бы сербов, кроатов и словенцев, одним из основных условий справедливого и прочного мира и господства справедливости в Европе».

При обсуждении вопроса о пропаганде против Болгарии комиссия признала принципиальную связь между пропагандой союзников против Австро-Венгрии и против балканских государств. Без выбора союзными правительствами определенной политики в отношении вопроса о единстве и независимости югославов и румын было невозможно избрать какую-либо политику для пропаганды против Болгарии. Относительно главных пунктов пропаганды в Болгарии комиссия единогласно придерживалась основных принципов, упомянутых во вступительной речи лорда Нортклиффа, т. е. того, что основным предварительным условием для каких-либо переговоров с Болгарией является полнейший и действительный отказ ее, как неприятеля союзников, от своей политики. До того как этот отказ состоится, цель пропаганды союзников должна заключаться в том, чтобы внушить болгарскому народу чувство страха перед опасностями, которые ему грозят, если он своим поведением не сможет убедить союзников в том, что он раскаялся. Комиссия также полагала, что пока эта перемена еще не решенный вопрос,—сербы и греки не должны оставаться в неизвестности о политике, которой главнейшие союзные державы будут придерживаться в пропаганде.

Относительно Польши председатель комиссии сделал краткое, но меткое заявление, сказав, что политика пропаганды в отношении Польши вполне согласуется с избранной президентами Вильсоном и Пуанкаре и премьер-министрами союзных государств 3 июня политикой, которая была выражена следующими словами:

«Создание объединенного и независимого польского государства с свободным выходом к морю является одним из условий солидного и справедливого мира и господства права в Европе». К этому он добавил, что усиление господства Пруссии является бедствием и что настоящего своего по-

ложения Пруссии достигла благодаря разделу Польши. Вследствие этого он энергично указал на то, что воссоединение разрозненных частей Польши означало бы не только устранение исторической несправедливости, но что оно препятствовало бы возрождению прусской системы. Он придавал большое значение тому, что чем сильнее будет Польша, тем более вооружена будет против возрождения агрессивного прусского милитаризма Европа и весь мир. В последовавшей затем дискуссии всеми делегатами было выражено согласие с этим взглядом, но было сказано, что воссоединенная Польша будет тем сильнее, чем прочнее будет этнографическая база ее территории, и если в Польшу не будут включены другие примыкающие к ней народы других племен, в мирной жизни с которыми заинтересована Польша. Эти народы представляли бы собой источник беспокойства и слабости, если они против своей воли будут присоединены к Польше. Далее делегаты выразили желание, чтобы польский национальный комитет в своем намерении быть союзником не менее полезным в качестве поддержки и пропагандистской агентуры в неприятельских странах, чем чешский и югославский комитеты, расширил бы сферу своей деятельности, так чтобы была обеспечена поддержка со стороны различных течений польского общественного мнения. Комиссия приняла следующую резолюцию и предложила ее на утверждение конференции, рекомендуя сообщить эту резолюцию польскому национальному комитету:

«Конференция убеждена в том, что создание объединенного и независимого польского государства с свободным выходом к морю представляет собою существенное условие прочного мира в Европе, и выражает свое мнение в том смысле, что будущее польское государство будет при заключении мира играть тем более сильную роль, чем более границы его будут соответствовать ее этнографическим границам, и что отношения Польши к ее соседям, которые так же, как поляки, стремятся создать для себя свободное существование, будут тем более гармоничными.

Стремясь путем союзной пропаганды весьма правдоподобно выразить желание польского народа как целое и содействовать его благополучию, конференция выражает надежду, что польский национальный совет расширит основы своей деятельности так, что он будет в состоянии и в дальнейшем оказывать помощь пропаганде союзников в неприятельских странах».

По эльзас-лотарингскому вопросу комиссия оказалась в полном согласии с декларацией своего председателя о том,

что возвращение этих двух провинций Франции является обязательным требованием международной справедливости, а не уступкой союзников национальному чувству Франции. Устранение ужасной несправедливости, совершонной Германией в 1871 году, было таким очевидным условием справедливого мира, что это не требовало дальнейших объяснений. Помимо исторического оправдания французских притязаний на воссоединение этих аннексированных Германией провинций Франции, право эльзас-лотарингского народа определить самому свою принадлежность вытекало из ее свободного присоединения к Франции в 1790 г. и из протеста его представителей против Франкфуртского мира во французском национальном собрании в Бордо в 1870/71 году и в германском рейхстаге в 1874 году. Относительно Эльзас-Лотарингии комиссия была того мнения, что пропаганда союзников в Германии должна разъяснить германскому народу решимость союзников во что бы то ни стало настаивать на защите права. Ввиду сего Комиссия приняла следующую резолюцию:

«1. Пропаганда в Эльзас-Лотарингии должна быть проведена согласованно и в соответствии с общими директивами, указанными Францией.

2. Аргументом, которым следует оперировать постоянно на первом плане, должно являться соображение о праве, нарушенном насильственным образом и о воле населения, выражаемой в его торжественных и неоднократных протестах.

3. Эльзас-лотарингский вопрос является вопросом международного права, разрешение которого интересует весь мир».

Что касается пропаганды среди германского народа относительно будущего положения Германии, то комиссия вполне согласилась с политикой, рекомендованной лордом Нортклиффом, одобренной английским правительством и очерченной лордом Нортклиффом кратко в его вступительной речи. Комиссия была того мнения, что пропаганда союзников должна открыто выразить, что их главная цель заключается в достижении переворота в Германии, но не в уничтожении германского народа. Германский народ может рассчитывать на подобающее место среди других государств и на допущение его в будущее общество наций, если он окажется достойным равноправного с цивилизованными государствами положения при условии выполнения необходимых репараций и восстановления разрушенного (главным образом Бельгии) путем свержения системы прусского милитаризма, и если он, германский

народ, действительно откажется от всех своих претензий на гегемонию в Европе. Одновременно комиссия подчеркнула важность внушить германскому народу понимание экономического давления, которое в состоянии произвести и будут производить союзники и в особенности С.-А. С. штаты, пока немцы не примут условий справедливого мира.

С этой целью комиссия энергично настаивала на том, чтобы в различных союзных странах и в С.-А. С. штатах был изучен и выработан широкий план международной организации, и чтобы в особенности были официально разъяснены и сообщены немцам уже предпринятые шаги к установлению определенной экономической политики союзников и С.-А. С. штатов. По этому поводу комиссия приняла и предложила конференции следующую резолюцию:

«Принимая во внимание то обстоятельство, что союзные правительства в сферах своей деятельности и посредством совместной работы уже успешно приступили к созданию совместной экономической работы, которая в настоящий момент является могучим военным орудием и которая после войны сможет служить основой систематической организации источников материальных средств всего мира, конференция выражает свое удовлетворение по поводу уже достигнутых успехов. Она считает целесообразным разъяснить общественному мнению неприятельских государств с помощью осведомительного аппарата принципы экономической кампании союзников и ее результаты в повседневной практике, а также всю тяжесть опасности, которая угрожает неприятелю».

Далее необходимо было наглядно показать все выгоды, проистекающие для тех, которые будут допущены к совместной работе с союзниками.

Комиссия приняла следующую резолюцию:

«Ввиду большой важности единодушного и совместного проведения политики и дружной работы организацией по осуществлению пропаганды в неприятельских странах, необходимо создать постоянную организацию.

Эта организация должна состоять из четырех членов от четырех различных учреждений, принявших участие в настоящей конференции. Каждый из этих членов должен быть уполномочен в случае необходимости назначить себе помощника или заместителя или того и другого.

Временно эта организация должна помещаться в Лондоне в доме Крю, пока не будет подыскано постоянное местонахождение. Расходы на содержание этой организации должны нести все четыре правительства, для чего создается постоянный секретариат».

Поддерживая эту резолюцию и решая ее предложить союзным правительствам и С.-А. С. штатам, политическая ко-

миссия руководилась надеждой на то, что предложенное учреждение ускорит совместную работу союзников по проведению политической пропаганды, облегчит в нужный момент подготовку совместных деклараций союзных правительств и поможет организации конгрессов.

Работы комиссии по вопросам распространения литературы были чрезвычайно интересны и богаты результатами. Они простирались по всему полю деятельности пропаганды. Доклад комиссии перечислил средства распространения уже применявшиеся и дал оценку каждому из них. Что касается военных средств, то выяснилось, что итальянцы пользовались аэропланами, артиллерийскими снарядами и воздушными шарами, англичане на западном фронте—только воздушными шарами, а на восточном—аэропланами и что необходимо применять гидропланы для того, чтобы достигнуть известных целей в Средиземном море. Каждая страна сделала доклад о применяемых ею приемах, но все согласились с тем, что необходим постоянный обмен информациями о достигнутых результатах. В известных случаях, так, например, на гористом итальянском фронте, где приходилось иметь дело с узкоограниченными целями, было необходимо разбрасывать литературу в закрытых пакетах. В большинстве случаев выяснилось, что были необходимы способы, допускавшие покрытие разбрасываемыми листовками больших участков, так чтобы отдельные солдаты их могли поднять и спрятать. Французы описали приспособление, над которым производились опыты, и которое давало возможность автоматического разбрасывания литературы с аэропланов. Так называемые «сбрасывательные аппараты» английских воздушных шаров были признаны очень удобными для разбрасывания пропагандистской литературы. Различные изобретения, применявшиеся на снарядах, были годны для разбрасывания литературы, если траектория полета снаряда была очень высока и ветер благоприятный. При разбрасывании воззваний они до сих пор, однако, не имели успеха. Было подтверждено, что аэропланы являются лучшим средством для верного достижения далеко отдаленных целей, и что для более коротких расстояний в несколько сот ярдов до десяти миль артиллерийские снаряды давали большую точность.

В отношении расстояний признано было, что аэропланы

дают наибольшие возможности, и сбрасывание литературы над Берлином французами и над Веной итальянцами являлось бы выдающимся предприятием, обещающим большую пользу.

Далее признано, что применявшиеся виды бумажных воздушных шаров несомненно целесообразны при расстояниях до 20—30 миль и с менее точным попаданием на расстоянии 100—150 миль, что, однако, для воздушных шаров более значительного размера расстояния могут быть доведены до многих сотен миль. (Так, например, матерчатые шары англичан или новые и более объемистые, пропитанные особым составом, бумажные воздушные шары, проектируемые в настоящее время в Англии или усиленные бумажные воздушные шары, испытываемые во Франции.)

Что касается груза литературы, который может быть помещен на снаряде, то было установлено, что всякий нормальный воздушный шар, который тогда применялся у англичан и французов, мог поднять 4 фунта 2 унции, а снаряд—от нескольких унций до 8 или 9 фунтов литературы. Большие матерчатые шары, находившиеся тогда в распоряжении Главной квартиры, могли поднимать до 15 фунтов груза. Члены комиссии были согласны с тем, что применение воздушных шаров не встречало возражений, так как применение их не мешало другим работам и у неприятеля не могло вызвать желание возмездия. Применение снарядов могло вызвать соответствующие меры со стороны противника, если они не будут применяться ночью или только в ограниченных размерах. Относительно применения аэропланов опыт и мнение расходились. Итальянцы и французы установили, что в случаях пленения их летчиков неприятель не применял к ним каких-либо исключительных мер, и что они не замечали каких-либо трудностей при использовании летчиков для пропаганды. Англичане, однако, сообщили, что Германия применяла строгие меры и угрожала и впредь так поступать с летчиками, попавшими в плен при разбрасывании листовок. Представитель английского министерства воздухоплавания установил, что после зрелого обсуждения данного вопроса и несмотря на полную оценку важности пропаганды его министерство высказалось против применения аэропланов для целей пропаганды, частью потому, что эта деятельность производит плохое впечатление на молодых пилотов и летчиков, частью потому, что по-

полнение обученным персоналом и машинами для основных задач недостаточно. Представитель Главной квартиры во Франции заявил, что английская армия присоединилась к этому мнению. Он добавил, что на западном фронте воздушные шары могут применяться в среднем 3 раза в неделю и что не имеется технической причины, по каковой распространение литературы при помощи воздушных шаров не сможет быть так расширено, что будет удовлетворять всем разумным требованиям.

Втечение дискуссии по вопросу о целесообразности одновременного сбрасывания бомб и листовок, один из французских представителей сообщил мнение известного германского подданного, дружественного Антанте, о том, что поскольку речь идет о рейнских городах и богатых местностях Германии, пропаганда страхом, т. е. сбрасывание бомб будет иметь больше успеха, чем одно разбрасывание пропагандистской литературы.

Далее делегаты согласились с тем, что предложенный способ применения аэропланов для разбрасывания листовок с большой высоты параллельно неприятельским линиям встретит больше всего возражений, уже сделанных по поводу прямых перелетов линий, и не устранит связанную с этим опасность. В комиссии было дано объяснение и показано изобретение, которое было испытано на опытах в Англии, но не применялось вследствие опасности, которой могли подвергнуться аэропланы. Это изобретение состояло в том, чтобы листовки подымать наверх и разбрасывать с помощью привязного змея. Это средство было рекомендовано как дешевое и годное для применения в тех случаях, когда пользование им не могло быть опасным для аэроплана.

Члены комиссии вполне согласились с тем, что регулярный обмен информациями о применяемых союзниками приемах и о достигнутых успехах будет иметь важное значение, и было предложено создать постоянное бюро, которое собирало бы такие информации и сообщения и ведало бы обменом их. Что касается мирных средств распространения пропагандистской литературы, то комиссия рекомендовала уделять повышенное внимание помещению известий и статей в нейтральных органах печати, читаемых или цитируемых в неприятельских странах. Особо отмечена была важность завязывания полезных связей с органами печати, соблюдающими

строгую нейтральность или проявляющими германофильские тенденции.

Далее комиссия рекомендовала, чтобы каждая из участвующих держав при помощи своих собственных агентур попыталась создать пути, по которым можно было бы влиять на корреспондентов неприятельских газет или снабжать их сообщениями. Задача сближения со всеми, хотя бы несколько влиятельными корреспондентами, с которыми еще не установлена связь, должна была быть возложена на агентуры. Добытые таким образом связи агенты различных союзных держав должны были сделать друг другу доступными.

Имея в виду широкие размеры все еще открытой нормальной продажи книг в Германию, комиссия рекомендовала издание в нейтральных странах таких печатных произведений, которые являлись бы безусловно подходящими для воспитания общественного мнения неприятельских стран в демократическом смысле, даже если эти произведения прямо не намекали на цели войны. Комиссия, имея в виду полезность, признала желательным всеми средствами обеспечить обращение в неприятельских странах тщательно подобранной литературы, в особенности той, которая написана подданными неприятельских государств, проникнутыми дружественными Антанте или революционными тенденциями. Ввиду замысловатости и деликатности этого предприятия комиссия подчеркнула необходимость разыскания и создания новых путей для распространения такого рода литературы.

Лучшей директивой, согласно которой, по мнению комиссии, следовало работать, это—насколько возможно резкое подчеркивание американских мероприятий на фронте и у себя внутри страны, на фабриках, верфях и в сельском хозяйстве. Одновременно надлежало по возможности яснее указывать на мрачные перспективы в торговле, на опасности, угрожающие немцам благодаря контролю запасов сырья союзниками, на раскрытие многих коммерческих тайн немцев и создание во Франции, Италии Англии и С.-А. С. штатах таких отраслей промышленности, которые до войны составляли почти монополию Германии. Следовало немцам рассказать правду о положении продовольственного вопроса во Франции и Англии, что до сего времени от немцев скрывалось германским правительством, и надлежало возможно скорее сообщить немцам об успехах союзни-

ков. Следовало у немцев вызвать возможно сильнее депрессию, но вместе с тем рекомендовалось не давать немцам повода думать, что они навсегда исключаются из торгового оборота и теряют дружбу с народами, которые с ними в настоящее время воюют. Если они так бы думали, то они, отчаявшись, решились бы продолжать войну сколько только возможно. Здоровой директивой для пропаганды комиссия считала—необходимость оставить немцам лазейку, через которую они после уничтожения пангерманизма и отказа от теории мирового господства кровью и железом позднее вновь могли бы вернуться свободно к прежнему коллективу государств.

В будущем следовало избирать более тщательно разработанные обоснования и декларации для воззваний, которые будут контрабандным путем ввозиться в Германию. В каждом возможном случае следовало давать литературе содержание, привлекающее к себе надолго глаз читателя.

По вопросу о революционной пропаганде состоялись продолжительные совещания. Приэтом высказан был взгляд, что вместо того чтобы нападать на кайзера, будет лучше *поносить германскую националистическую партию* и на нее сваливать ответственность за войну и за все те невзгоды, которые терпела и в дальнейшем еще будет терпеть, благодаря этой партии, Германия. С другой стороны, было замечено, что *нападки на какую-либо личность всегда успешнее, чем нападки на партию.* В результате члены комиссии пришли к тому выводу, что все то, что будет говориться о Гогенцоллернской династии, должно черпаться либо действительно, либо как бы из германских источников, дабы избежать риска, чтобы нападки, исходящие с очевидностью из союзных источников, не только не ослабили, но даже усилили авторитет кайзера в глазах народа. Относительно той массы литературного материала, который имелся в распоряжении, указано было, что выгода, которую доставляла например циркуляция речей социалистов, могла быть ослаблена тем, что соответствующие ораторы стали бы менее склонны к новым аналогичным речам. *Некоторые социалисты уже обращались к французскому правительству с просьбой не пользоваться их речами для пропаганды,* ибо это могло ослабить их политическую работу. Единогласно было признано, что возможно и полезно возбуждение германских солдат к не-

повиновению. Рекомендован был ввоз в Германию фотографических снимков с военнопленных, только что взятых в плен, когда они обыкновенно находятся в жалком состоянии и снимки с них два месяца спустя, когда состояние их здоровья опять нормально.

Относительно Австро-Венгрии комиссия обсуждала вопрос, допустимо ли использование поголовного голода среди мадьярских крестьян и недовольства немецкого пролетариата. Здесь пришли к заключению, что не является вредным поддерживать крестьянских агитаторов в Венгрии, что союзники, однако, не поддерживая большевистской пропаганды среди австрийско-немецкого рабочего населения, должны распространять только собственную литературу этого населения. Было предложено С.-А. С. штатам мобилизовать свои собственные славянские элементы и этим сделать излишним представительство отдельных славянских государств в аппаратах пропаганды в Англии и Франции.

Пропаганда в Болгарии зависела от политики, которой державы Антанты и С.-А. С. штатов решили придерживаться в отношении названной страны.

Пока эта политика не была окончательно выработана, нельзя было ничего предпринять в широких размерах. Однако было полезным осведомить болгар о некоторых фактах, которые до сих пор им не были известны, например, о тщетных стараниях путем подводной войны, вызвать в Англии голод, об огромном количестве американских войск, уже находящихся во Франции и т. д. На Салуньском фронте с аэропланов регулярно сбрасывались листовки различного содержания. Также через посредство болгар, находившихся в Швейцарии, по мнению и по предложению комиссии, можно было многое сделать. Пока, однако, болгары думали, что С.-А. С. штаты являются их друзьями и при всех обстоятельствах придут им на помощь, нельзя было на них произвести большое впечатление.

Относительно совместной работы различных организаций, занимающихся пропагандой, было предложено установить более тесные связи между местными агентами союзных государств в нейтральных странах. Они должны были время от времени собираться для обмена мнениями и исчерпывающими информациями о своей деятельности. Особое значение придано было необходимости совместной работы этих местных агентов

с дипломатическими и военными представителями и со всеми агентурами, занимавшимися пропагандой. Это предложение было принято комиссией единогласно с оговоркой, чтобы местные агенты по возможности находились под руководством центральной комиссии, к которой они обращались бы за инструкциями и советами. Пока создание такого центрального органа было вопросом будущего, приняты были меры к тому, чтобы различные пропагандистские бюро немедленно начали бы взаимный обмен информациями обо всех своих действиях. Со всего литературного материала были сняты копии и разосланы другим бюро. Господствовало конечно единодушие в том, что циркуляция литературы будет составлять одну из главных операций этого проектируемого центрального органа, который этим делом сможет заняться с величайшей быстротой и наибольшей пользой.

Согласились и с тем, что этот центральный орган будет очень полезным для выяснения результатов пропаганды. Имевшиеся в распоряжении средства были всеми признаны недостаточными. Лишь путем совместной работы и сравнения их можно было улучшить. Решили, что *система опроса* военнопленных в целях добытия военных сведений *должна быть дополнена особым допросом* пленных в целях получения сведений о ходе пропаганды, и был поднят вопрос о том, чтобы представители пропаганды получили разрешение на производство таких допросов. Были разрешены некоторые важные пункты, связанные с пропагандой в Германии при посредстве нейтральных стран, и было единогласно решено, чтобы контроль и распространение *кинофильм*, которое должно было осуществляться особой Международной комиссией в Швейцарии, распространился бы также на другие нейтральные государства, как, например, на Швецию. Имевшиеся в распоряжении комиссии информации доказали, что кинотеатры, находившиеся в руках немцев, с некоторого времени размножились как в Швейцарии, так и в Скандинавии и что кинофильмы более легкого содержания получались из государств Антанты в то время, как *Германия поставляла особые фильмы, предназначенные для пропаганды*. Если взять поставку фильм из стран Антанты под контроль, то можно было бы значительно сократить деятельность этих театров, а может быть и подорвать.

Достигнуто было согласие и по поводу того, что желательно пригласить в Америку некоторых корреспондентов и издателей нейтральных газет. Считали статьи об их впечатлениях и суждениях о духе американской нации очень подходящими для оказания полезного воздействия на общественное мнение Германии. В целях влияния на общественное мнение Германии делегаты нашли, что следует создать в нейтральных странах большое количество осведомительных бюро, которые публике казались бы независимыми и самостоятельными. Далее, следовало напречь все усилия, чтобы в неприятельских газетах помещались не статьи воинственного характера, но констатирование известных фактов, рисующих достижения союзников в экономической области, и эти статьи следовало так писать, как написал бы немец, опасающийся за будущность своей страны. Наконец, следовало усовершенствовать и расширить доставку газет государств Антанты в нейтральные страны, так, чтобы было больше шансов за то, что эти газеты попадут в Германию.

Работы комиссии о военнопленных показали, что относительно разумных приемов пропаганды, которые применялись Домом Крю, существовало согласие, и доклад комиссии отметил то, что в общем союзникам рекомендуются приемы, применявшиеся Домом Крю.

В заключительном пленарном заседании от 17 августа 1918 года конференция единогласно постановила принять доклады комиссий и передать их через председателей четырех комиссий на утверждение и для руководства соответствующим правительствам. Далее, по предложению политической комиссии конференция постановила создать перманентный, общесоюзный орган пропаганды в неприятельских странах, и этим решением сделала большой шаг вперед.

Чтобы сохранить тесную связь с органами французской пропаганды, лорд Нортклифф назначил на пост представителя Дома Крю полковника лорда Онслоу. Когда было подписано соглашение о перемирии, то различные правительства назначили своих представителей в перманентный общесоюзный орган, и все необходимые приготовления к этому были сделаны вполне удовлетворительно. Эта организация представляла бы собою новую главу пропаганды во время войны, если бы не

наступило прекращение военных действий. Лорд Нортклифф в своей заключительной речи сказал, что создание перманентного общесоюзного органа было бы шагом вперед к согласованию целей войны и объединению организаций, которое благодаря опыту войны сделалось условием быстрых и успешных действий. Работа конференции сама по себе неоценима, так как она дала обзор политики и организации пропаганды против неприятеля во всех ее стадиях и с различных точек зрения в тот момент, когда пропаганда вступила в интенсивную стадию.

Доклады, сделанные на конференции, являются учебником науки и искусства пропаганды.

Приложение (к главе IV)

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА.

(Составлена Г. Уэльсом.)

«Итак ясно, что для успешной пропаганды в нейтральных и неприятельских странах союзникам настоятельно необходимо ясное и исчерпывающее объявление их военных целей. Недостает только одобренного подлежащими учреждениями текста, на который пропагандисты могут уверенно ссылаться, и который может направлять их деятельность. Недостаточно беспрестанно перечислять германские грехи и уверять, что поражение Германии является военной целью союзников, но весь мир желает знать, что будет после войны. Истинной военной целью воюющей державы, как это становится все более и более понятным, является не только победа, но совершенно определенный мир, которого воюющая держава желает добиться путем победы. Каков же мир в представлениях союзников?

Здесь излишне даже конспективно упоминать о положении союзников, а именно, что война, которую они ведут, является оборонительной войной от нападения на все человечество Германии, поддерживаемой мадьярскими помещиками, турками и болгарским королем.

Это—война против войны, против наступательной войны и против приготовлений к наступательной войне. Эта война была таковой с самого начала и остается таковой. Было бы также неразумно утверждать, что мышление соединившихся против Германии правительств и народов во время годов войны не очень развилось. Взяло верх глубокое понимание опасности для человечества, которая кроется в политическом расколе и разоблачении, стало господствовать глубокое понимание страданий, опустошений и расточения, которые вызваны были войной, пробуждение совести против завоеваний, аннексий и покорений и всеобщее разъяснение идей, которые до сего времени стояли на пути к организованному всеобщему миру.

В то время как империализм Германии, по заявлениям ее признанных вождей и по поведению во временно разгромленных государствах на восточном фронте, все еще так же груб, аггрессивен и коварен, как и раньше,—ее противники научились многому и стали более зрелыми. В широких кругах общества вне мира идей центральных держав создалась могучая воля, которая достигла гигантских размеров и затмила хвастливое властолюбие германского

юнкера и эксплоататора. Эта воля—воля к заключению всеобщего мира. Это воля опытного взрослого человека, противопоставленная упрямому самолюбивому мальчишке. Военные цели враждебных Германии союзников все более и более принимают форму объединения государств, которые вступили в союз, чтобы поддерживать общий закон, передавать взаимные противоречия на разрешение решающего трибунала, защищать слабые государственные образования, приостанавливать и подавлять военные угрозы и военные приготовления во всем мире.

Неустанно великие народы вне германской императорской сферы власти старались пробить путь к единодушию, в то время, как господствующая интеллигенция Германии строила планы достижения низменных выгод путем завоеваний. В то время, как Германия подрывала, затем запутывала и деморализовала Россию, подавляла народности Австро-Венгрии и угрожала и льстила нейтральным государствам, в умах противников Германии возникло широкое, свободное движение в пользу понимания более великой и благородной стороны в человеческих делах. Мысли всего света кристаллизировались теперь в одном слове, в понятии «Союз свободных народов». Военные цели все более и более обнаруживали прямую связь с духом этого понятия и его выводами.

Как и все подобные понятия, понятие: «Союз свободных народов» может быть подвергнут множеству различных толкований, но в общем цели этого понятия уже теперь могут быть установлены без серьезных возражений. Идеал этого понятия охватывал бы, конечно, все народы мира, включая Германию, очищенную от ее милитаристического агрессивного духа. Этот идеал предусматривает: особого рода международный конгресс, который вправе исправлять, кодифицировать, дополнять и расширять международное право; далее верховный суд, которому государства могли бы жаловаться, и решения которого союз обязан проводить в жизнь, и наконец, наблюдение за пользованием оружием, ограничение пользования им и способы его использования согласно указаний международного конгресса. Везде также чувствовали, что такой конгресс должен был бы устанавливать меру и пределы стремлений к территориальным расширениям за счет населенных отсталых областей, что конгресс должен был бы выступать защитником слабых народов и объединений и должен был бы быть уполномочен принимать общие окончательные решения по вопросам транспорта, тарифов, участия в сырье, эмиграции и международного оборота. Этот конгресс учреждается на неопределенное время. Это—решающий вопрос, которым в настоящий момент заняты лучшие мировые умы. Когда создадутся благоприятные условия для созыва соответствующего конгресса, то вряд ли может остаться сомнение в том, что великие союзные державы готовы будут к большим и широким ограничениям вооружений их тропических владений и ограничениям власти над подчиненными народами для общего счастья человечества.

Лицо германского империализма, хвастливого, эгоистичного, мелочного и проникнутого враждебностью, своим кровавым танцем по Европе является для человечества отталкивающим примером национального тщеславия, властолюбия и национального эгоизма. Среди союзных наций, главнейших по пространству находящихся под их контролем территорий, это Англия и Франция, и обе сегодня, более чем когда-либо, склонны свои владения считать залогом, данным им под их охрану в интересах жителей и всего человечества, и рассматривать свое положение в негодных, но менее населенных местностях, как положение уполномоченных и поручителей. Эти признания содержат в себе ясные перспективы будущего и обещание окончательного освобождения и самостоятельности всех народов в этих больших, пестрых государствах, с целью иметь возможность выполнять роль граждан в мировом масштабе.

Однако при применении слов «союз народов» является уместным рассеять некоторые ложные представления, создавшиеся благодаря выработке в виде опыта правил и статутов такого союза безответственными лицами или обществами. Напечатаны и опубликованы были, например, предложения об учреждении Суда народов, в котором каждое суверенное государство было бы представлено одним только членом, например Черногория и Великобритания, каждая одним. Обсуждались также другие проекты союза наций, по которым такие государства, как Абиссиния, Гаити или подобные были бы представлены одним или двумя делегатами, а Франция и Великобритания пятью или шестью.

О всех подобных проектах следует забыть, когда слова «Союз народов» упоминается ответственными ораторами «союзных наций», ибо авторами таких проектов были упущены из виду сами по себе напрашивающиеся соображения. Для малых государств, например, было бы очевидно невыгодно быть представленными слишком сильно на съезде союза. Было бы даже желательно, чтобы некоторые из малых государств вовсе не имели бы представителей с правом решающего голоса, по той причине, что какая-либо большая нация, все еще проникнутая агрессивным духом, постаралась бы несомненно с самого начала заставить соседние малые государства посылать лишь таких представителей, которые были бы избраны ею самой, т. е. большой нацией. В этом случае явным фактом в вопросе о немедленном всеобщем мире является то обстоятельство, что только пять или шесть великих держав обладают экономическими ресурсами, необходимыми при современных условиях ведения войны,— это Соединенные штаты Америки, Англия, Франция, Германия, Япония и, быть может, Австро-Венгрия.

Эти пять или шесть наций, так сказать, разрешают или препятствуют войне. Они были бы в настоящий момент хранителями всеобщего мира, и было бы просто мелочным не согласиться с тем, что это дало бы им фактическое право на перевес при открытии конгресса союза народов. Можно здесь указать, что малое государство с совещательным голосом, ли-

шенное права решающего голоса, логически должно было бы быть освобождено от обязанности участвовать в проведении в жизнь решений конгресса.

Однако вопрос об уставе всемирного конгресса не может быть разрешен простым разделением государств на большие боеспособные и малые, слабые нации. Возьмем, например, Италию: хотя она по своей слабости в снабжении углем просто не в состоянии вести войну собственными средствами, она все-таки может быть чрезвычайно серьезным союзником. Подобное же положение у Испании. Какова бы ни была в настоящее время военная готовность латинской Америки, нет спора о том, что этот коллектив государств в условиях будущей международной конъюнктуры должен будет иметь значительный вес. Далее следует принять во внимание великие будущие возможности китайской республики с ее углем, сталью и великолепным рабочим населением, а также вероятное восстановление Восточной Европы и возрождение России, причем когда-нибудь, быть может, создастся непрочная, но, в случае объединения, важная славянская уния. В то время как изолированное малое государство в сфере влияния какой-либо великой державы, приблизительно государство в 5 000 000 жителей или менее, все-таки будет представлять затруднительную проблему в всемирном представительстве, ясно, что нечто вроде пропорционального представительства малых и слабых государств сделается возможным, как только они обнаружат склонность к союзу между собою в политических целях и к объединению по принципу одноплеменности, одного языка и по историческим причинам. Взгляды союзников склоняются не к тому, чтобы Перу или Украину, Норвегию или Финляндию ставить на конгрессе Союза наций на одну доску с Соединенными штатами Америки или Англии, но к тому, чтобы подготовить путь к созданию пропорционального представительства от лица современной латинской Америки или славянской или скандинавской унии, которые согласно общей идее могли бы иметь голос на всемирном конгрессе. Нужно открыто признать, что с у щ е с т в у е т д е р ж а в а, в е л и к и е д о с т и ж е н и я к о т о р о й н а э т о й в о й н е и о с о б ы е п о т р е б н о с т и к о т о р о й д а ю т е й п р а в о н а м н о г о ч и с л е н н о е п р е д с т а в и т е л ь с т в о н а к о н г р е с с е С о ю з а н а ц и й, непомерно не соответствующее ее материальному благополучию и величине ее населения. Это—Франция. Остается открытым вопрос, не следовало ли бы и Италии быть сравнительно сильно представленной на конгрессе, ввиду того, что она не пользуется, как, например, Испания, моральной поддержкой заокеанских одноплеменных наций. Что касается Великобритании, то следует подумать о том, не следует ли ввиду отсутствия в ней объединенного парламентского представительства от всех доминионов, предоставить Канаде, Южной Африке и Австралии на конгрессе делегатские места, как от отдельных наций. Азиатские и африканские владения Великобритании и Франции, Бельгии и Италии, а именно те, которые не имеют своих собственных правительств, должны некоторое время по возможности быть представлены делегатами, которые во всяком случае должны назначаться соответствующей

державой. Это, впрочем, все лишь предложения или признаки готовности, но это все-таки предложения, на основе которых союзным державам необходимо возможно скорее принять окончательные решения. Окончательная разработка союзниками проблемы конгресса Союза наций без излишнего промедления является частью политики союзников, как и самое ведение войны. Необходимо признать, что учреждение Союза наций исключает всякие аннексии и всякое военное нападение на какой-либо народ без предварительного полномочия конгресса Союза наций. Союз должен быть прямо или косвенно хранителем всех ненаселенных областей, должен поддерживать порядок и способствовать заселению таких бесхозяйственных стран, как Армения и Месопотамия в настоящее время. В этих последних вопросах каждый раз надлежит обсудить, желает ли союз вмешаться при посредстве какой-либо отдельной державы, которая действовала бы в качестве уполномоченного Союза, или каким-либо другим способом при помощи международных военных сил, которые как целое были бы под контролем Союза. Теоретически следовало бы дать предпочтение последнему способу, но получились бы чрезвычайно практические выгоды, если многие случаи ликвидировались бы в первой форме. Союзники втечение войны имели большой опыт в совместном контроле и в совместных действиях. Правда, уже с августа 1914 года началось приучение к интернационализму, но, несмотря на это, конец войны наступит раньше, чем будет возможно образование каких-либо международных военных сил. Кроме того, для применения в подобных случаях общесоюзных войск необходимо, чтобы общая политика союзников была ясной и открытой.

Появление в практической политике идеи о Союзе наций ставит на очередь разрешение территориального вопроса после войны. Союзники морально обязаны подчиниться требованиям Франции относительно Эльзас-Лотарингии. Урегулирование итальянской границы и присоединение к Италии находящейся под австрийским господством территории, с населением, говорящим на итальянском языке, являются также необходимыми мероприятиями для сохранения всеобщего мира. Однако для военных целей союзников переход той или иной части территории из рук одной группы воюющих государств в руки другой имеет гораздо меньшее значение, чем прекращение господства германского империализма над материальными источниками поляков, русских, украинцев, чехов, югославян, финнов и румын. Военная цель союзников в Восточной Европе состоит в том, чтобы создать вместо теперешней австро-венгерской империи большое количество разнообразных союзных государств, нечто вроде «Восточного средне-европейского союза» в составе «Союза наций»—союз, который бы мог простираться от Польши до Черного и Адриатического морей, и который бы имел выход к Балтийскому морю, если не порт в Данциге. Конечно, союзники должны выждать развития событий в России, но их надежды и усилия по крайней мере направлены к примирению между Великороссией, Сибирью и Украиной и образование работоспособной единицы в составе Союза наций. В настоящий момент преждевременно делать выводы о судьбе Финляндии. Освобо-

дившись от лихорадочного и недопустимого честолюбия, возбужденного и питаемого политической слабостью указанных выше народов, свободная и объединенная Германия могла бы стать одним из выдающихся членов «Союза наций». Союзники не предлагают безусловного возвращения Германии ее владений в Африке, но они предполагают высшую международную власть в Африке от Сахары до Замбези, ограничение вооружений, новые формы обращения с туземцами и установление безусловного равноправия всех наций Союза в торговле.

Наличие такой международной власти, подчиненной «Союзу наций», не исключало бы сохранения национальных флагов в прежних владениях и наций, связанных между собою союзом.

Точное установление территориальных границ важно для союзников не так, как принятие общей системы разоружения и общие усилия возместить ущерб, нанесенный войной. Действительные последствия войны все еще неизвестны широким массам воюющих народов, в особенности Америке и западным народам, жизнь которых все еще протекает в довольно удобных формах. Уже началось распространяющееся на обширные области света разрушение не только политического, но и социального порядка, в особенности в Восточной Европе, и на многие годы сомнительно, что после заключения мира в этих дезорганизованных странах восстановится состояние, похожее на прежний порядок; неизбежен всеобщий недостаток для мирной жизни не только в рабочей силе, но и в транспортных средствах и машинах. Сомнительно даже, достаточно ли сильной окажется в гаванях Британской империи и Америки социальная дисциплина, для того чтобы сломить организованное сопротивление против пользования германскими морскими судами после войны для каких-либо целей и против пользования судами союзных государств для перевозки товаров в Германию и обратно. Это сопротивление вызвано недовольством моряков и транспортных рабочих союзных и нейтральных государств подводной войной, которую ведет Германия. Далее по всему миру раздается крик об отомщении в торговле и организованном бойкоте Германии с целью задержать возрождение ее завоевательной политики. Сомнительно, вполне ли понятна в Германии угроза этими «репрессивными мерами» и трудность сохранить эту угрозу под контролем в демократических странах. Милитаристическое германское правительство, которое в настоящее время борется за свое существование, скрывает от своего народа охватывающую весь мир готовность бойкотировать, чего бы это ни стоило, германскую торговлю и промышленность, и германское правительство поддерживает настроение своего народа вздорной надеждой на «торговый оборот как обыкновенно» после заключения мира. Нужно смотреть прямо на факт, что возобновление таких торговых сношений невозможно, пока нынешнее германское правительство находится у власти. При обсуждении положения после войны следует одинаково принять в расчет возможность «войны после войны», экономическое разрушение России, Бельгии и других стран.

Было бы достаточно этих перспектив материального потрясения,

которые таким образом открываются, чтобы признать безусловную необходимость заключения мира, который делает возможным сосредоточение усилий всего света на восстановлении, добросовестном, не осложненном враждою и противоречиями. Кроме этого разрушения и передвижения экономических сил и упомянутых уже последствий ненависти, финансовые операции последних лет вызвали такое накопление денежных знаков, что без совместных действий всех наций это может повлечь за собою развал мирового кредита.

К тому же следует подумать о необходимости дальнейших вооружений, если не удастся образовать действительный «Союз наций». Можно без преувеличения сказать, что безнадежна перспектива преодолеть эти экономические трудности в атмосфере постоянной враждебности, интриг и конфликтов при наличии бремени вооружений и взаимного недоверия. Последствия сего бросаются в глаза: Россия является первой ступенью того, что должно везде последовать. Контрастом действительного «Союза наций» является последовательное падение нашей цивилизации до состояния политического и социального разрушения, какого мир после падения Римской империи не переживал. Поэтому искреннее участие Германии совместно с «Союзом наций» в разоружении и в восстановлении мира является основной необходимостью. Другой разумной политики в настоящий момент не может быть. Но с тех пор, как стало невозможным надеяться на такое участие Германии, которая совершила преступление по отношению к Бельгии, заключила Брест-литовский мир и обманула Украину, переворот в Германии является для союзников одной из главных целей войны. Как изменить Германию, является сложным вопросом.

Слово «революция», может быть, не следует одобрить. Мы, например, не желаем большевистского развала Германии, так как таковой сделал бы ее в экономическом отношении бесполезной для человечества. Мы поэтому обращаем внимание не столько на немецкого крестьянина и рабочего, как на в общем хорошо воспитанный средний класс населения Германии, имея в виду его участие в восстановлении цивилизации. Переворот в Германии необходим: в духе, в котором осуществляется правительственная власть, в лицах, которые осуществляют контроль, и в относительном влиянии, которым пользуются различные классы населения. Поэтому необходимо во всей нашей пропаганде и всех публичных выступлениях проводить самое резкое различие между Германией и ее нынешним правительством, необходимо постоянно обращаться к немцам, начиная от юнкеров и кончая самым простым человеком из народа, через государственных деятелей союзных держав и путем свободной и открытой пропаганды при помощи заграничных немцев в Соединенных штатах Америки и Швейцарии, при помощи других нейтральных государств и любым другим способом. Мы часто склонны видеть в каждом немце черты немецкого юнкера, но нам следует подумать о том, что он, быть может, также человек, с которым можно сговориться.

Между тем союзники должны быстро и обдуманно бороться с

германским юнкерством и его уничтожить. Правда, оно никогда не сможет взять верх, а тем более разрушить свет. Союзники должны сражаться против германских армий, они должны вести экономическую и политическую войну против Германии до тех пор, пока она не изменится, и они должны путем интенсивной воздушной войны и одновременной пропаганды в тылу объяснить германскому уму и совести действительную недопустимость национальной гордости и агрессивности, в которой воспитан германский народ».

ОГЛАВЛЕНИЕ

